

Следопыт

5 '88

Живем с фронта
 здравейвуйи горочая Маи
 Вера, Кооз и Витаму
 Стелуу сообщитиь что я
 роб.

Сегодня у Маи личная передатка
 ва и воти я. собралез геркулитъ
 ван.

Долика все позади отдалосо по
 гад а с... 25 этюк кагад.

аааааа на террито.
 и ва той прохларай
 зедик отхиде...

гггггг... ва...
 нелуза...

тто кровя и слез
 иллина... бляжкн
 Влак пичиь же узмано прокад

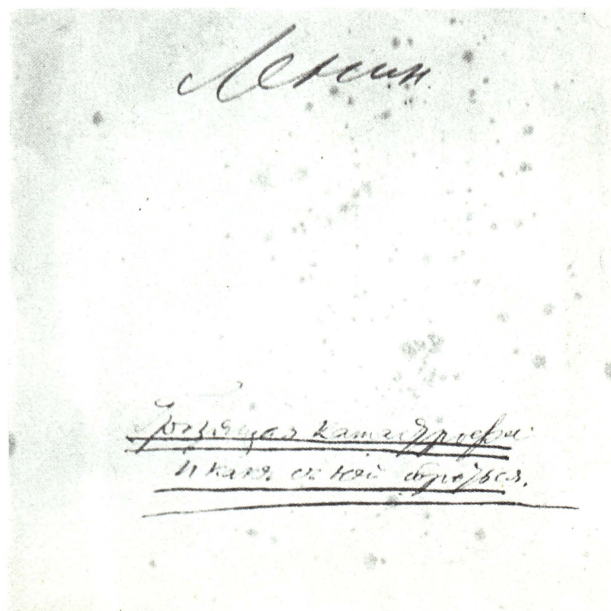

Фото Игоря Горичева

Вот уже более тридцати лет я собираю свою, личную, Ленину: связанные с жизнью и деятельностью Владимира Ильича, с его образом книги и брошюры, газеты и журналы, фотографии и цветные слайды, грампластинки и памятные медали, почтовые марки и значки. Сегодня в коллекции около 1500 раритетов.

Среди них типографские дубликаты первых номеров «Искры» и «Правды», юбилейные издания произведений В. И. Ленина, выпущенные к 100-летию со дня его рождения. Приятно взять в руки книгу десятитомника, полиграфическое исполнение которого было сделано в Лейпциге — там, где начинала печататься ленинская «Искра». Сам по себе факт звучит символично.

Очерк Владислава Дебердеева «РУКОПИСЬ № 2552»
читайте на странице 19.

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

5 '88

В НОМЕРЕ:

В. Иванов КОСТЕР В МАЕ СОРОК ПЯТОГО. Рассказ	2
Л. Чумичев С ЧАЮ ВЕТРОМ КАЧАЕТ. Быль	5
М. Постол БАРОККО. Рассказ	7
Л. Шкавро Я МИРУ ПОСВЯЩАЮ КАЖДЫЙ ШАГ... Стихи	9
А. Сергеев БЕЗЫМЯННЫЙ ГЕРОЙ	10
Б. Солонин «ЧТО С БОЮ НАМИ ВЗЯТО, ТО СВЯТО!»	11
И. Тюренков ВОТ ОНО КАК ВЫГЛЯДИТ...	13
А. Коваленко ВСЕ ДЕВОЧКИ, КАК ДЕВОЧКИ...	15
Л. Сергеева ГОЛЬ НА ВЫДУМКУ ХИТРА	16
Ю. Пестерев ШКОЛА В БУХЕНВАЛЬДЕ	18
В. Дебердеев РУКОПИСЬ № 2552	19
В. Новоселов АВТОГРАФ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА	20
Л. Богоявленский В ЯРОСЛАВЛЕ, В ВОСЕМНАДЦАТОМ...	22
А. Шашков АВРААМИЕВ ОСТРОВ	25
М. Рахимкулов СТРЕЛА, НЕСУЩАЯ МИР	28
В. Жерновников ТЕКСТИЛЬЩИК — ПРОФЕССИЯ СИБИРСКАЯ	28
Ф. Архипов СТИХИ	29
СПОКОЙНО ЛИ МОРСКОЕ ДНО!	30
Р. Андаева ФРОНТОВОЙ РИСУНОК УРАЛЬЦЕВ	32
В. Долматов, В. Кондратьев 600 МГНОВЕНИЙ ВОЙНЫ РЯДОВОГО 178-й СИБИРСКОЙ ДИВИЗИИ КОНДРАТЬЕВА	32
В. Крапивин ОСТРОВА И КАПИТАНЫ. Роман. Книга вторая ГРАНАТА. Продолжение	33
ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ «АЭЛИТА»	
Е. Дрозд СКОРПИОН. Повесть	59
ЗАОЧНЫЙ КЛФ	75

В. Овчаренко «ИГОРЬ К ДОНУ ВОИ ВЕДЕТ...»	77
МИР НА ЛАДОНИ	78
Е. Шумилов РЫЦАРЬ МОТОРИЗАЦИИ	80

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Евгений АНАНЬЕВ,
Виктор АСТАФЬЕВ,
Виталий БУГРОВ,
Муса ГАЛИ,
Юний ГОРБУНОВ,
Герман ИВАНОВ,
Сергей КАЗАНЦЕВ
(ответственный секретарь),
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного
редактора),
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,
Анатолий СЕМЕРУН,
Константин СКВОРЦОВ,
Аркадий СТРУГАЦКИЙ

Художественный редактор
Евгений ПИНАЕВ
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА

Адрес редакции:
620219, г. Свердловск,
ГСП-353, ул. 8 Марта, 22в

Телефоны отделов:
51-55-56 (писем,
молодежных проблем),
51-22-40 (секретариат),
51-09-71 (фантастики,
прозы и поэзии),
51-53-20 (науки и техники,
публицистики),
51-09-69 (краеведения)

Рукописи принимаются перепечатанными на машинке через 2 интервала, 60 знаков в строке, 28—30 строк на странице.

Подписка на журнал принимается без ограничений. Индекс 73413. Подписная цена на год — 4 руб. 80 коп. По вопросам подписки и доставки обращаться в районные отделения «Союзпечать».

Сдано в набор 05.02.88.
Подписано к печати 22.05.88.
НС 15020.
Формат бумаги 84×108¹/₁₆.
Высокая печать.
Усл. печ. л. 8,82.
Уч.-изд. л. 11,9.
Усл. кр.-отт. 10,98.
Тираж 480 000.
(1-й завод: 1—250 000).
Цена 40 коп.

Типография издательства
«Уральский рабочий»
Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки цветное фото Игоря Горячева и рисунок Сергея Мальшева.

Костер в мае

Вячеслав ИВАНОВ
Рис. Евгения Охотникова

Рассказ

СОРОК ПЯТОГО

— А-а-а-а! — в сыром воздухе крик долетает словно обернутый ватой. — Ы-у-у-у!

По улице гуляет ветер, шастает по дворам, плюет дождевой моросью в окна — сердится. Ему б, молодцу, хлопать подолами девок, кидать парням в горячие лица студёные капли, чтоб не зарывались, да нет их... И тихо, и скучно. Мок-

рая, тяжёлая темнота навалилась на деревню. Тусклые, мерцающие окна то угасают, то беспокойно вспыхивают — в домах топят печи, чадят лучины в светцах, брызгают яркими смоляными кометами. Дыма из труб не видно, но горький, пощипывающий глаза, смоляной дух растворился в дожде, и собака, что невидимая

бежит в темноте, чихает и обиженно скулит. Дождь сеется уже пятый день. Шипя с досады, осели сугробы, набрякли водой поля. Мерзлая земля покрылась хрумкающим ледяным лубом, вода скользит по нему, падает в русла ручьев, мутными потоками бежит в реку. Закованная, задавленная река жадно пьет, пробуя силу, тужась, приподнимает тяжелую плиту льда, и он гулко ломается, стреляет, словно отдает прощальный салют берегам и деревне.

Мы стоим внизу, у воды. Костер горит жарко, потрескивает. Из сырой чурки, приваленной сбоку, тугой струей бьет пар. Пар валит и от одежды, мы крутимся к огню то боком, то спиной — мелкий дождь упрям, но и мы упрямы, не прогнать ему нас домой...

Рыжая Катька мечется между костром и домом. Подойдет, займется паром и снова исчезнет. Брат ее, Николай, кричит вслед:

— Чего блондаешь? Чай, мамка без тебя родит.

Чтобы унять возбуждение, он все ищет рукам работу: с хрустом ломает сучья, шевелит картошку в углях или, выхватив мокрой рукавицей пылающую головню, бежит к воде и, подняв высоко, ловит тусклые отблески на оголившемся льду.

— Стоит, — говорит он, возвращаясь. — А вода еще на вершок поднялась.

Лихо съехал с горы Егор. Остро запахло дегтем.

— Чего драндулет выкатил? — кричит Николай. — Не время ишшо.

— Так охота, — простодушно отвечает Егор. Педальный грузовик подтащили к костру. Кузов из елового теса, колеса из березовых кругляков, кривошип сами в кузнице сковали — вещь умелая и надежная, два лета уже кино от перевола возим.

Славка садится за руль и кричит изо всей мочи:

— «Броня крепка и танки наши быстры...»

— Не ори. Бабам, чай, отдыхать надо.

— А сам?

— Мал старших-то учить, — Николай дает ему щелбан через шапку так, что гул разлетается в голове.

— Герой маленьких битв, да? Фрицев бы бил.

Из темноты выныривает Катька, всовывается в костер, начинает куриться паром, говорит придушенным от волнения голосом:

— Поди, начинается. Прогнали.

— Во, папаня наш, герой, — Николай возбужденно машет руками. — Три дня за ранение давали, а сколь делов наделал. Сколь делов!

Холодно, сыро, зябнут мокрые ноги — вода уже не выбирает русел, сочится по всему склону. Уйти бы домой, сладко заснуть в тепле, да вдруг тогда и случится редкое зрелище, торжество весны — ледоход.

Подходит Федор.левой рукой он поддерживает раненую правую, чуть качает ее, словно баюкает. Шинель его накинута на плечи, гимнастерка под ней мокрая, черная.

— На-ко... — говорит он Николаю, протягивая кисет — красивый, вышитый, полученный в посылке еще на фронте.

Николай ловко свертывает сигарку, лижет газетный квадратик красным, в огне костра, языком.

Федор сунул сигарку в угол перекошенного болю рта, тупо смотрит в огонь, все качает раненую руку и вдруг нацеливает острый взгляд на Егора.

— В шесть чтоб на наряде был, — говорит он грубо.

— А то не знаю, — отвечает равнодушно Егор. — Чалого дашь, на этой, хромой, не поеду.

— С Николкой делите, — так же грубо говорит Федор. — Мне чтоб утром справные были.

Прикурив, он уходит. Сигарка его вспыхивает неподалеку. Мы знаем, что он под навесом кузницы, и знаем, кто с ним. На всю деревню один жених да одна невеста. Остальные — женихи на войне, невесты на лесоповале.

От сигарки Федора летят по ветру искры. Следом за ними иногда прилетает смех, звонкий и счастливый. Боль не отпускает Федора ни на минуту, лишает сна и покоя; днем он остервенело работает, носится по деревне, бригадирствует, по ночам же скрипит зубами, зажимает стоны подушкой... А Весна и Любовь позвали его, и он с серым, перекошенным лицом пошел встреч, в сырую темноту, и сеет теперь искры, качает исковерканную руку и все равно находит слова, что заставляют девушку счастливо смеяться. Значит, есть в человеке что-то сильнее, чем боль и страдание.

Курит он почти непрерывно, стараясь, видать, никотиновым дурманом заглушить боль, и снова подходит к костру.

— Как там? — спрашивает он, кивая в сторону деревни.

— Мамка нам, чай, пятого рождает. Дело привычное, — спокойно говорит Николай и напряженно долго смотрит на пляшущий в окнах свет. — И то, поторопилась, мне днями четырнадцатые именины будут.

— Родить не погодишь, — философски замечает Федор. — Эй, экуированный! — кричит он, хотя Славка стоит рядом. Кажется, он уже оглох от страдания. — Навоз возить пойдешь? Днем-то. Машку дам, кобылу, сми-рная.

— А запряжешь? — сдерживая радость, «солидно» спрашивает Славка.

— Скажу Кириллу. Ты бы мальцов-то гнал, — говорит он Николаю. — Зашибет кого, смотри...

Майская ночь уже кончается. А может, это дождь наделал в ночном покрове дырок? Мутный свет потек, с трудом растворяя чернильную

темноту; завиднелись тяжелые силуэты домов на взгорке, гребенка елового леса за деревней и вспушенный вал ивовых кустов на берегу. Уже неясно сереет светлое пальто учительки Наталии Павловны. С каждой минутой глаза видят все больше. Вот угадалась зимняя дорога через реку, чернеют дырки прорубей и елочки, воткнутые для приметы рядом. Вот нарисовались окна на темных от дождя стенах, порозовел свет огня там, где напряженно мечется он в ожидании нового человека. Стал виден ток воды между льдом и берегом, извилины трещин и заледенелые колеи, проложенные зимой самодельными лыжами Николая. Проявились черные бани на фоне бурого склона и тугие, пульсирующие вены ручьев.

Дождь перестал. Из холодного леса сочится туман, жмет к домам, никак не решится лечь в ледяную реку. Костер уже не так ярок. Мокрый воздух чуть слышно шипит, обжигаясь пламенем. Хочется спать. Все липнет к теплу, молчат, вздремывают и испуганно вскидываются. Лед стоит.

В деревне один за другим кричат петухи.

— Горлопаны,— лениво говорит Егор.

— И как эта механика у них устроена? — Николай задумчиво смотрит в деревню.— Узнать бы...

— Ладно, робя, я пошел.— Егор встает.— Мне, никак, на работу. Вы, ежели что, из пушки пальните. Может, разбудуся.

Пушка стоит в стороне — железная, заглушенная с одного конца труба на тележных колесах. Тут конструкция простая — в трубе вода, в дуле деревянная пробка. Конец в костер и... Бабахнет славно, проверено. Сколько раз уже салютовали мы победам наших солдат на фронте.

Егор уходит. И Федора с учителькой уже нет. Бесприютный ветер крутится вокруг нас, холодит спины, заворачивает дым, от которого сами собой бегут слезы, оставляя белые полосы на грязных щеках.

— Катька! Ты бы это... узнала.

Катька пожимает плечами и идет вверх.

В домах уже затапливают печи. В рубaxe из домотканого холста, выбеленного на едком мартовском снегу, босиком, с разметанными волосами, бежит по снегу баба, не сберегшая у себя огонь и занявшая его у соседки. Есть что-то от сказочной ведьмы в белой тени в рассветных сумерках. Малиновая головня в самоварных щипцах сеет искры, оставляет длинный голубой шлейф дыма...

Катька появляется на верху высокого берега и машет руками.

А мы не знаем, куда смотреть.

На другом берегу бежит к реке человек и тоже машет руками.

— Аа-а-а-а! ...а-а-а-а! — доносится с того берега.

— Началось! Началось! — истошно кричит здесь Катька.

— Что тогда орать? Тут без нас управятся,— Николай с тревогой смотрит на тот берег.

Человек добегаёт до воды и кидается в сторону. Мы понимаем его маневр, там лежат доски от летнего перевоза.

— Видать, спешная эстафета,— говорит Николай.— Может, Гитлера в плен взяли?

Человек бегом тащит доску.

— Надо нам тут переправу изладить.— Николай идет к лодкам, осенью поднятым на бугор. Мы идем за ним, пряча в карманы руки, и все оглядываемся, словно вот-вот должно произойти что-то, чему мы непременно должны быть свидетелями.

Человек, пружиня и балансируя, перескакивает на лед и бежит, размахивая над головой руками.

— ...Да-а-а! ...да-а-а!

Мы окружаем самую легкую лодку, цепляемся, чтобы поднять ее, и... застываем.

Дорога на льду выгибается дугой, будто кто-то невидимый натягивает тугую тетиву лука. Мы еще не понимаем, что происходит, просто смотрим, как замороженные, и вдруг тетива лопается с глухим звоном, черные молнии летят во все стороны, крупная дрожь сотрясает напружиненный мускул реки, а за спиной бегущего человека с шипящим шелестом лезет вверх льдина.

— Пошел! — восторженно кричит Славка и бежит к пушке.

— Погоди палить,— властно говорит Николай.— Кузьма без большого дела в такую пору не побегит.

Мы узнаём кривого сельсоветчика Кузьму. Он уже не машет руками и не кричит. Течение сносит его; суетливо перебирая ногами, он бежит к нам наискосок, смешно подпрыгивает, словно танцует дикую пляску. Льдины качаются под грузным бегом, но он упрямо движется вперед, и мы уже слышим свистящее дыхание сквозь шум и треск ледохода.

Лед раздвинулся, лезет на берег, с сухим звоном осыпается ледяное стекло, топорщатся и опрокидываются льдины — в гармонию мира ворвался великий хаос и торжествует, звеня и ухая.

В нас бурлит восторг, но рядом в смертельной беде человек... Наконец Кузьма прыгает на мокрую, сочащуюся землю.

— Победа! — со свистом выдыхает он.— Людей зовите... Победа! Конец войне!

Мы бежим в гору, неосознанно, словно в беспомощности, крича, а встречу нам пронзительно, тонко кричит народившийся человек:

— А-а-а-а!

С ЧАЮ ВЕТРОМ КАЧАЕТ

Левиан
ЧУМИЧЕВ

Быль

В первые дни, после докторского обхода, он пытался вымыть и без того чистый коридор, но у него отобрали ведро с водой и «лентяйку» — госпитальные санитарки ревниво относились к своим обязанностям.

Он сидел в курилке, жаловался:

— Процедуры эти я в двенадцать кончаю. Так... с двенадцати дня до одиннадцати ночи, до отбоя — это сколько же часов, это сколько же ничего не делать? В дуру в эту цветную пялитель-ся, так я не привык...

На третий день он уже работал в госпитальной столовой. Развозил еду на всех почти четырех человек обедающих. Потом соскребал ложкой в огромный чан объедки — куски хлеба, остатки каши.

А вечером, в курилке, инвалид войны Василий Степанович Худяков сокрушался:

— Думал, робить зачну, успокоюсь. А душа... дура она у меня, душа-то. Ну че бы ей за чужое-то болеть?

— Чем опять недоволен, Василий Степанович?

— Так корм-от какой остается! Кашу гречневую не съедают, картошка остается, пшеничную — так вовсе не едят... За день-то насобирается — свиную ферму можно прокормить. А все какие-то темные люди уносят, цыганов почему-то много корму таскают. А если б свой свинарник госпиталя? Или, на худой конец, договор бы с каким совхозом: мы вам корм высшего сорта, а вы нам к Дню Победы три-четыре боровка килограммов под двести, ну и к Октябрьским...

...Почти месяц встречались мы с Василием Степановичем Худяковым. Разговаривали. Я как музыку слушал его уральский-разуральский говорок, я как правдивейшую из правдивейших книгу читал, вникая в рассказанное им.

Уважаемый и почитаемый всей деревней человек Иван Васильевич Токарев подозвал к себе Ваську Худякова:

— Пойдем со мной, паренек.

Раньше Васька только завистливо заглядывал сюда, не помышляя даже оказаться рядом с горном и наковальной. А тут: «Пойдем, паренек, тебя ведь Васяткой звать-то? Давно к тебе приглядываюсь».

Он привел его в кузню, посадил в уголке:

— Сиди и смотри, а я робить буду. Понравится — оставлю в учениках, а нет...

Он остался в кузне надолго. Сколько ему тогда было? Лет девять—десять. Задолго до войны это случилось, ведь родился Вася Худяков в двадцать шестом году.

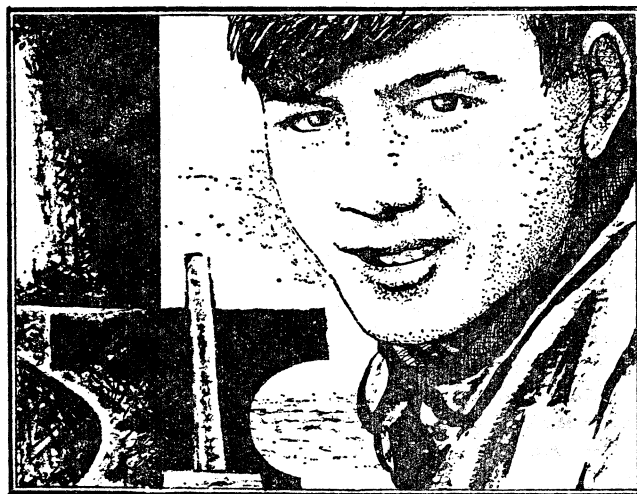
В сорок третьем взяли в армию. Он мечтал о фронте, а отправили учиться воевать под Челябинск.

И тут беда случилась, вот-вот уже бы и на фронт, и вдруг начальство узнало, что он кузнец. Как назло в части оказалось много лошадей. И забуксовал было Худяков в кузне. И от занятий его освободили, и намекали, что, мол, вообще бронь тебе дадут до конца войны. А он разучился вдруг ковать, ему гауптвахтой грозили, он одно твердил — на фронт, на фронт, на фронт!

Ведь как же потом односельчанам рассказать, что он, молодой и здоровый, никого никогда не боявшийся кузнец Васька Худяков всю войну в тылу отсиживался?! Нет, на фронт!

Литва, Эстония, Латвия... Бои, бои... Ранение в ноги осколками от снарядов... Ранение в грудь и голову...

Но всегда возвращался в строй лучший наводчик, лучший заряжающий, лучший стреляющий, лучший минометчик Василий Степанович Худяков.

— Мы уже в ихнюю землю вступили, а я все почти целый. А они все скалятся, не хотят признавать, что намяли мы им бока. И вот брали следующий ихний город. Я точно не помню, как он зовется, но шибко по названию на нашу Шалю смахивает. Бой запомнился. Последний мой бой. Пехота вперед пошла, мы за ней вслед. Только окопались, сразу огонь! Ну до того мины удачно легли — только брызги от немцев.

И тут жахнули по мне двумя пулями, разрывными. Снайпер, наверное... Все, отвоевался Васька Худяков.

Ну, лежу я дома, ходить не могу. Руки шевелются, а ноги...

Директор, Танаев Николай Гаврилович, заявился, мол, чё, Васек, все, или как?

— Нет, — говорю, — робить могу. Конечно, не как ране... Не нажитьсь, а чтоб прокормиться.

Ладно, ушел Танаев, а утром чуть свет заявляется Кузьма Яковлевич Порядин, давай, говорит, собирайся на работу, за тобой приехал... Понимаешь, ты, дорогой писатель, лошадь для меня выделили, чтоб до кузни возить...

Три года Кузьма Яковлевич персональным моим «шофером» был. А тут и полегчало моим ногам, духаня Мария Мироновна влиять начала... Всю жизнь мы с ней прожили. А тогда-то... Три сестры у Маши было — Валя, Оля и Шура. Младшей — четыре года, старшей — восемь. Мать ихняя с голоду померла — все дочкам да дочкам отдавала. Отца еще в сорок первом убили... И получалось у нас с Марией вроде бы как сразу трое детей...

Все бы ничего, да тут ранения мои взбрыкнули: слеповать начал, не могу глядеть на огонь — и все.

А робить-то надо. Ребятишек кормить — с чаю-то ветром качает. Кроме троих девчонок, свои дети пошли. Маша свинаркой робила, а я — раз-раз — в Режевском районе училище механизаторов окончил, и вот он я — все могу. Хоть на тракторе-колеснике, хоть на гусеничном. Комбайны тоже быстро освоил — «Коммунар», «Сталинец».

А такие работяги знаешь как в колхозе ценились? Летом я на тракторе, осенью — на комбайне, зимой — на ферме... Тяжко было, но моя орава не голодала. В общем, отробил я девять годов за рулем. Потом — слесарем. А в восьмидесятом — осколок взбрыкнул, в госпитале я очутился. Достали эту железку из головы, а осколки — и в легких, и в печени, и в ногах.

Ох уж и належался на этих кроватях! Все у меня достали, а вот в ножных костях осколочки как-то так вросли, что их доставать не берутся.

Короче, отпустить-то меня домой — отпустили, только крепко-накрепко наказали: не робы! И в бумаге написали: «До работы не допускать».

И оказался я у местного доктора, ну как сказать, на поруках, что ли. Он говорит, мол,

глаз с тебя не спущу — не смей работать, нельзя тебе.

Ну ладно, у меня корова, телка, поросенок — забот хватает.

А тут ребята из мастерских пристают:

— Степаныч, поправил бы инструмент — совсем разладился.

Я пошел в инструментальный цех разок... В восемьдесят уже четвертом это было. Короче, так и остался в цехе. Директор совхоза мною не нахвалится.

И вот как-то подъезжает местный доктор к нашему цеху на своей машине — камеру он в колесе проткнул, подъезжает — помогите, мол, ребята.

Вулканизировать надо камеру, ну доктору и говорит: кроме Степаныча никто добром не делает.

Увидел он меня. Хоть и доктор, а затрясся весь, разгневался. От вулканизации отказался, запаску ему переставили, он и укатил.

А утром телеграмма из госпиталя — явиться.

Я явился. Пять месяцев отлежал. Вот наказали.

Теперь формально не роблю. Пензия у меня 139 рублей 30 копеек, да и у Марии Мироновны — 71 рубль 60 копеек. Нам хватает. Да и дети наши, кто далеко, кто близко, но все всегда рядом.

Да! Как инвалиду войны дом мне дали! Живи — не хочу... А в мастерские все равно тянет... Я тайком ухожу туда иногда.

...Мы сидим в курилке последний раз. Сегодня Василий Степанович Худяков едет к себе домой, в Бисертский завод на улицу Совхозную, 4а... Мы сидим, прощаемся...

Фильм бы снять об этом человеке!!! Но киношное начальство — народ неторопкий. Пока свои планы составляют, у Худякова все измениться может. Скорее всего, он опять где-нибудь работать начнет.

БАРОККО

Михаил ПОСТОЛ

Рассказ

А знаешь, я в этом городке второй раз. Сейчас еду в мягком вагоне, туристом, а в сорок четвертом пехом с ППШ в руках. Нашему полку довелось освободить его тогда. После Бреста мы вступили на польскую землю. И этот городок был первым на нашем пути.

Вон видишь костел? Красотища, а?.. Он и в ту пору в глаза бросался. Чудо, прямо! Хорошая голова его задумала, умные руки строили.

Гляжу вот, люблюсь. А на сердце, поверишь, тяжело. Ведь чтобы сберечь эту красоту, какие хлопцы здесь жизни свои положили!.. Да-а...

В городок мы ворвались с ходу. Уже и к центру пробилась. И тут по нам как врежут пулеметы! Потом уж посчитали: почти два десятка их укрылось вот здесь, за стенами костела. И... Вон видишь башенку фигуристую? Это колокольня. Так за ней самое осиное гнездо было. Злорово оно нас ужалило.

Словом, залегли мы. Командир полка доложил в штаб дивизии. И оттуда поступил приказ: вывести на прямую наводку батарею и разнести это гнездо в пух и прах.

Лежим мы за разбитой каменной будкой. Ждем. Со мной рядом паренек из разведки. Только и успел узнать его имя — Алеша. Да еще, что он земляк мой, из Ревды. От нее до моего Первоуральска рукой подать. Шустрый такой, остроглазый. И отчаюга, видать по всему. Я нос из-за развалин не высовываю: пули, как осы, жужжат, не переставая. А он уже что-то высмотрел и с напарником своим — звал его Степкой — что-то прикидывают. Говорит больше Алешка. А Степан, рыжий, рослый усач, только гудит в ответ: ну да, ну-ну...

Пулеметы немецкие не смолкают, лают, как свора собак. И очень уж неуютно от этого лая. Солнце светит, и небо синее — а в глазах какая-то чернота стоит. И на сердце хмурь. И мыслишка поганенькая в голове гадюкой ворошится: не последний ли это твой бой, солдат?

А Алешка в бок толкает:

— Земляк, пойдешь с нами?

— Куда еще идти-то?

Растолковал он мне, что к чему. Не успел я сообразить, как очередь какого-то фрица прощлась у меня прямо над головой. В глаза влетело целый заряд кирпичной пыли. Проморгал-

ся кое-как, гляжу — у нашей будки пристраивается капитан-артиллерист. И с ним — двое связистов.

Капитан, весельчак, балагуристый парень, подмаргивает:

— Что, славяне, дадим прикурить фрицам? Выплюнул я пыль кирпичную и буркнул со злостью:

— Пока мы им дадим, они уже дают.

Капитан засмеялся:

— Гляди веселей, казак. На тебя Европа смотрит.

Нашу будку артиллеристы, оказывается, под наблюдательный пункт облюбовали. Отсюда костел — как на ладони: без бинокля все видеть.

А за площадью уже орудия установили, навели прямо на костел. Ждут команды. Вот-вот все взорвется громом. Скажи только капитан слово. Он и сказал. Вздохнул, качнул головой, глаз от костела не отрывает:

— Красота какая, а! Это ж барокко! Самое настоящее барокко! И по нему стрелять? Ай-яй, славяне, язык каменеет! А надо... Надо! Сто чертей в печенку тому фрицу, что додумался в таком месте пулеметы устанавливать! И еще эта сволочь нас дикарями называет!..

— Разрешите обратиться, товарищ капитан! — это Алешка к нему.

— А, разведка, — капитан по нему только взглядом скользнул, у него свои мысли. — И ты тут? Ну обращайся, пока я добрый.

— Красоту такую надо бы сберечь, не так ли?

— Эх, разведка, не бери душу! А то я могу такое сказать...

— Я к тому, что не надо бить по костелу из пушек.

— А что поделаешь?

— Мы тут придумали. Можно обойтись без бога войны. Вон видите стенку? Нам бы к ней пробраться втроем. Махнем через нее к фрицам в тыл и устроим им сабантуй.

— Ухватил, разведка. Только ведь близок локоть, а... Пять процентов из ста...

— И по-другому говорят, товарищ капитан: не так страшен черт... Мы — уральские, от пуль заколдованы Хозяйкой Медной горы.

— Не хвастай, разведка. Бога нет, но кто-нибудь услышит.

— Разрешите, товарищ капитан...

Тот оглянулся на связистов, что у телефонных трубок маялись. Потом опять на костел посмотрел:

— Даа-а... Оно конечно... Неплохо бы...

И хлопнул Алешку по спине:

— Ну что ж, славяне! Приказывать не могу. Прав таких не имею. А разрешить... Разрешаю!

Алешка приподнялся на коленях, кивнул головой нам. И я, хоть и не давал еще земляку согласия, тоже приготовился. Увлёк он меня чем-то, этот быстрый в деле паренек. Куда и мысли мои поганые делись!

— Вы ж только, товарищ капитан, поимейте в виду, — предупредил Алешка. — Втроем мы там долго не наиграем. Минут пять-семь, может, на них нас и хватит. Так что, как мы там запоём — вы хлопцев поднимайте.

— Обещаю, бражки!..

Уже не «славяне», не «разведка», а вот так: «братки». И голос, показалось, дрогнул у капитана. И глаза какие-то теплые да виноватые стали. Ну да мы в глаза не очень всматривались. Мы путь наш к костелу проглядывали, к рывку готовились, момент ловили.

Нам бы только до стены проскочить! Как в той песне теперь поют: мне бы только прожить вон до той... Ну да ладно. Песни отставим...

Знаешь, я не раз вспоминал тот бой. Перебирал его по минутке, просчитывал по шагу. Но так и не пойму, как нам удалось добраться до стены костела, зайти фрицам в тыл. Видать, капитан отвлек чем-то фашистских пулеметчиков. Потому как старались они всюю. А нас не задела ни одна очередь. Говорю это к тому, что капитана того я больше не встречал. После боя попал в госпиталь. И надолго. Война без меня закончилась...

У стены той мы задержались лишь на чуть-чуть. Алешка велел мне остаться для прикрытия. А сам со Степкой ящерицами перемахнули через ограду во двор костела и врезали из своих ППШ по фрицам. Слышу, орет там кто-то, шумит. Суматоха во дворе. И вроде Степкин голос донесся до меня. Каких-то богов он крестил.

Не удержался я и тоже махнул туда, свалился боком на мощный двор и сразу, еще лежа, всадил длинную очередь в пулеметное гнездо у окна костела.

— Прикрывай! — махнул мне Алешка. — Я на колокольню.

Прострочил он крутую лестницу, свалил двух фрицев — и ринулся вверх. Я — за ним.

А Степка швырнул две гранаты, потом повел огонь по пулеметчикам, что засели у стен костела. Те даже стрелять на какой-то миг перестали. И мне показалось, что я слышу наше родное «ура!». Видать, так оно и было. Поднял капитан наших хлопцев, повел их нам на помощь. Мо-

мент-то был подходящий: фрицы все к нам повернулись.

А Алешка на колокольне один расчет уже прикончил. Да на его беду другой успел развернуть свой пулемет. И в упор всадил целую очередь в разведчика. Не знаю, какой силой он удержался на ногах. Еще и свалил прикладом одного фрица, что бросился к нему. Но сам, гляжу, начал клониться. А руками гранату цапает. Мне место как бы освободилось. И я провел автоматом по колокольне. Но тут взметнулась прямо у меня перед глазами Алешкина рука, грохнул взрыв, полыхнуло мне в лицо чем-то горячим, душным — и полетел я куда-то.

Да так долго летел, что очнулся только через сутки в медсанбате.

Степка ко мне туда приходил. Его тоже ранило, но он остался в части. Рассказывал, что когда забрался на колокольню, Алешка еще дышал. Поглядел он на друга своего так, словно спросить хотел, но губами лишь пошевелил — и умолк. Навсегда...

А орудия так и не заговорили. Обошлось без них. Уцелело это самое барокко. И спас его мой земляк Алешка. Паренек из Ревды.

Интересно, знают ли об этом здешние жители, помнят ли?

Должны бы...

Я миру посвящаю

каждый шаг...

Леонид ШКАВРО

Рис. Николая Кинева

У ОТЧЕГО ПОРОГА

Ничто уж не мило на свете;
казалось — совсем
изнемог,
вдруг снова воспрянул,
заметив,
как вьется над крышей дымок.
И как оживает искристо,
клубя вездесущую синь,
оставшаяся
золотистой
от бабьего лета

теплень.

Грустя,
журавли салютуют
и сопровождают в пути...
Да где еще
землю такую
смогу я
на свете найти!..
Я все испытал с ней...
И все же
не как-нибудь, а наяву,
становится трижды
дороже
все то, чем я жил и живу.
У отчего понял порога
я, скидок ни в чем не моля,—
чем горше дается дорога,
тем слаще
родная земля!

ВЛЮБЛЕННОСТЬ

До восторженности влюбленно,
не сводящая глаз с него,
златоустовская мадонна
кормит первенца своего.
Благоденствуя миру детства,
мать пророчествует пути
засыпающему
младенцу,
как на облаке, на груди.

Отдает она свет безбрежный
ласки трепетной одному,
будто вся в ней святая нежность
предназначена лишь ему.
А как только она услышит
умилительное — «ва-ва...»,
материнское чувство выше
не укладывается в слова...
Обыкаясь, над ним хлопчет,
оттого ль, что навек вошло
в этот розовенький комочек
ее собственное тепло...
Я прошу,

не имея внуков,
у родительницы его:
— Дай хоть чуточку
побаюкать
мне
воробушка своего!

Я миру посвящаю
каждый шаг...
И, никогда не ведавшие скуки,
в отечестве деяния верша,
мне в деле
не отказывали руки.
Боготворю зарю
и всякий раз

я радуюсь
чувствительно и звонко,
когда от материнских
теплых глаз
светлеет взгляд
счастливого ребенка.

У нас на жизнь
незыблемы права —
и в этом
убеждений наших сила.
Еще я доживу
до торжества
навечно
завоеванного
мира.

Покидая свои гнезда,
не куда-нибудь, а в лес
перламутровые звезды
опускаются с небес.
А одна ко мне летела,
только рядышком прошла,
так что сердце потеплело
от вселенского тепла.
Распустив пурги поводья
долговязые во мгле,
обживает новогодье
свое время на земле.
Если вдуматься строго,
у него, как у побед,
есть в грядущее дорога,
а другой дороги нет!

МЕЧТЕ НАВСТРЕЧУ

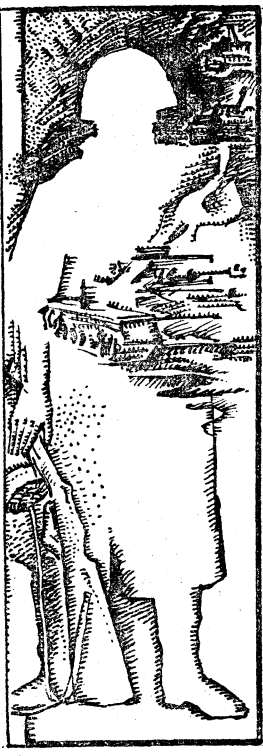
На Земле
с безумством вечным
споря,
нам порой бывает
не до сна...
Сколько же в ней
ядерного
горя!..
Как-то еще
вертится
она.

Миру в мире
защититься есть чем.
Человек вступил
в последний
бой!..
И летит Земля
мечте навстречу,
уходя
от бойни
мировой.

БЕЗЫМЯНЫМ ГЕРОМ

Арте́м Серге́ев, генерал-майор

Рис. Владимира Ганзина

В начале 1944 года в Белоруссии, в районе города Рогачева, линия фронта проходила по Днепру. Наши войска были на низком и покатом левом берегу. На правом, высоком и обрывистом, находился противник — 31-я немецкая пехотная дивизия.

Решено было форсировать Днепр и сломить оборону в самом неожиданном для немцев месте — там, где берег наиболее крут и где оборона противника казалась неприступной.

Тайна и внезапность должны были решить, по крайней мере, половину дела. Но сохранить в тайне готовящуюся операцию и начать ее совершенно неожиданно для противника — одно из высших и трудных достижений военного искусства. Еще великий Суворов говорил: «Удивить — победить!».

Никаких письменных документов не составлялось, все задачи ставились устно и лишь самому ограниченному кругу лиц.

Тщательно и скрытно готовились войска к штурму.

22 февраля 1944 года, когда чуть забрезжил рассвет, в воздух взлетела красная ракета, за ней еще несколько. Ухнул первый орудийный выстрел. И разом, сотрясая воздух, заговорили пушки, гаубицы, минометы. Над головой зашуршали, завизжали снаряды. Словно боясь опоздать, скороговоркой заговорили пулеметы и автоматы.

Вскоре противоположный берег Днепра превратился в сплошную колышущуюся стену дыма, пронизанную огненными всплесками.

Немецкая дивизия была сбита с правого берега. Ее части в беспорядке отступали на запад, к Рогачеву, пытались зацепиться за каждый населенный пункт, за каждую тыловую позицию.

Передовые подразделения наших войск, пробившись через Днепр отдельными боевыми группами, смело врелись в гущу противника, разрезали на мелкие части его оборону, заходили в тыл, сеяли панику, парализуя способность врага к сопротивлению. Нам надо было добить 31-ю дивизию, захватить Рогачев и форсировать находящуюся за ним реку Друть равьше, чем немцы сумеют поднять резервы и создать перевес в силах. Роты стрелков-пехотинцев бежали вперед через Днепр, тащили на себе минометы и патронные ящики, катили пулеметы; артиллеристы спешили переправить пушки по надледной переправе, которую в ночь перед атакой сумели построить саперы.

Впереди крутой берег высотой с шестизатяжный дом. Солдаты, как муравьи, облепили склон и быстро ползли вверх. Но артиллеристам преодолеть такое препятствие было не так-то просто. Наверх надо закатить пушки, а они весят больше тонны.

В бою дорога каждая минута, а саперам для сооружения въезда на гору потребуется не менее двух-трех часов. Но вот командир батареи распорядился бросить с отвесного берега конец длинного троса. В него вцепились десятки рук артиллеристов и пехотинцев и под возгласы

«Раз, два — взяли!» первая пушка медленно поползла вверх. Через 30—40 минут наверх были подняты орудия двух батарей. Но автомобили-тягачи поднять нельзя, надо ждать, пока саперы подготовят въезд.

Неожиданно к берегу подскочили солдаты на немецких лошадях-тяжеловозах.

— Эй, артиллеристы! Принимай тягачи с овсяным карбюратором!

В несколько минут соорудили упряжки, и две батареи артиллеристов вышли вперед на помощь атакующей пехоте.

Замыкающим оказалось орудие старшего сержанта Юлдаша Азимова. Ему досталась всего одна лошадь. Он сел на нее верхом, остальные солдаты бежали рядом, подталкивая пушку.

Вдруг слева послышались звонкие выстрелы — это немецкие танки стреляли по вашим батареям, ушедшим вперед. Вскоре солдаты увидели несколько бродивших лошадей с оборванными постромками.

— Наших побили! — крикнул Юлдаш и стал настегивать лошадь. Солдаты сильнее навалились на пушку.

Когда достигли опушки леса, увидели жуткую картину. Тут и там было разбросано шесть искореженных пушек, а около них — артиллеристы. Несколько человек убито и среди них старший офицер батареи старший лейтенант Гусак. В нескольких шагах от него, обхватив руками лафет, лежал наводчик Амуртазов...

К Азимову подбежал воспитанник батареи четырнадцатилетний Ваня, сквозь слезы рассказал:

— Мы только из леса, а из кустов пять танков... Залпами сбили пушки, а потом начали расстреливать. Кто вскопчит, его из пулемета. Старшего лейтенанта сразу. Он только крикнул: «Танки слева! К бою!». Я рядом был. Он: «Ваня, в канаву!» И все, — Ваня заплакал навзрыд.

Солдаты быстро перевязали раненых, поймали еще несколько лошадей, запрягли дугом и что было сил помчались вперед. Юлдаш, зорко следивший за местностью, вдруг даже вздрогнул: метрах в четырехстах слева гуськом стояли пять немецких танков. Первый из них горел.

— Танки слева! К бою! — крикнул Юлдаш и резко развернул лошадей. — Расцепляй! По левому танку — бронебойным. Огонь!

Снаряд ударил в верхнюю часть танка и срикошетировал.

— Наводи ниже. Огонь!

Снаряд точно угодил в цель.

— Наводи на следующий! —скомандовал Юлдаш наводчику Петренко. Тот прильнул к окуляру панорамы, немного повернул маховики наведения, ударил правым локтем по спусковой ручке.

Огненные брызги посыпались из борта танка.

Прошло несколько минут, но лишь один танк успел сделать выстрел. Заряжающий Семенов пошатнулся, схватился за бок, потом выпрямился, схватил вырванный снаряд, дослал в патронник. Орудие вздрогнуло, и от последнего танка поле-

тели огненные брызги. Его заволочло черным дымом. Но кто расправился с пятым танком?

Оставив с орудием и лошадью наводчика и еще двух человек, Азимов с остальными солдатами направился к танкам.

— Товарищ старший сержант, кто же его и чем? — спросил высокий белокурый латыш Шнефельс, подойдя к пятому танку, из которого струился тонкий дымок.

— Видите, у танка порвана гусеница, под ней мелкая воронка. Ясное дело, от ручной гранаты.

— А почему танк сгорел? — подумал вслух замковой Зайцев.

— Понятно почему, — ответил Азимов. — Видишь, на броне осколки разбитой бутылки? Значит, он сначала гранатой сорвал гусеницу, а потом зажег танк бутылкой горючей смеси «КС».

Рядом с танком лежали три убитых танкиста в черных куртках с изображением черепа и костей на воротниках. У двух куртки немного обгорели, значит, выпрыгивали уже из горящего танка.

Да, но кто же тот герой, который пошел против пяти танков? — задавал вопрос Юлдаш и не находил ответа.

Через два дня был взят город Рогачев, а за рекой Други образовали плацдарм. И вот однажды было приказано полк построить. Начальник штаба зачитал Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении полка орденом Красного Знамени и Приказ Верховного Главнокомандующего о присвоении полку наименования «Рогачевский». Затем началось вручение наград.

«...Старший сержант Азимов Юлдаш награждается орденом Красного Знамени, — читал начальник штаба приказ, — за то, что со своим орудием одним из первых форсировал Днепр и уничтожил четыре вражеских танка... Орденом Отечественной войны первой степени — младший сержант Петренко, наводчик орудия... Орденом Славы третьей степени — рядовой Семенов, заряжающий орудия...»

Сердце Юлдаша учащенно билось от волнения. Он взял обеими руками орден, протянутый командиром полка, прижал к губам, потом быстро сунул орден за пазуху ватника и опять обеими руками схватил протянутую ему руку, прижал ее к своей груди, поклонился и громко сказал: «Служу Советскому Союзу».

Юлдаш был счастлив. Теперь он один из самых славных узбеков. Но вдруг почувствовал какой-то укор. Он вспомнил того солдата, безымянного героя.

— Товарищ командир, — сказал Юлдаш, — узнай, пожалуйста, где тот солдат, что первый танк сжег. Это он главный герой. Пусть ему самая большая награда будет... Скажи, пусть наградят, или я ему свой орден отдам. Все мы отдадим.

— Нет его, — печально ответил командир. — И где могила — не знаем. Пока ничего не знаем, но будем продолжать поиски.

Этого солдата не нашли и потом. Видимо, он погиб, совершая свой новый солдатский подвиг.

«ЧТО В БОЮ НАМИ ВЗЯТО, ТО СВЯТО!»

Борис СОЛОНИН

Рис. Владимира Ганзина

«У лукоморья дуб зеленый; златая цепь на дубе том; и днем и ночью кот ученый...» Был дуб, тот самый. Но вместо кота на дубе сидел фашист и высматривал нас...

Через реку Великую, имеющую в ширине сто тринадцать метров, когда-то по деревянному мосту следовал верхом на коне 24-летний Пушкин... А теперь вот пришло время саперам через эту реку готовить две переправы для наших частей.

Я живо представлял себе этих саперов, этих тружеников войны, лежащих на снегу под заграждением врага и тихо режущих ножами колющую проволоку четырехгранного сечения немецкого производства — ею было опутано все пушкинское лукоморье.

Освободить святые пушкинские места — вот какая задача была поставлена перед 33-й дивизией вместе с другими соединениями 22-й армии, сформированной на Урале.

В ночь с 23 на 24 марта мы совершили ночной марш. Прошли Большое Елисеево, Усадище, Батово, и к пяти утра учебная наша рота сосредоточилась в двухстах метрах восточнее Лаптево. Командный пункт дивизии был в Белия.

Незадолго до перехода в наступление я случайно повстречался с начальником четвертого отделения штаба дивизии майором В. С. Шеко. Он был очень занят размещением своего отделения в немецких землянках, расположенных прямо на высоте восточного берега реки Великой. Майор устраивался в своем «кабинете», раскладывал многочисленные папки, бумаги, заявки. Девушка в военной форме печатала какую-то деловую бумагу. Я осмелился подсказать майору, что надо бы к землянке прорыть новый ход сообщения на восток, а то немецкий выход из землянки идет на запад, и противник видит, как входят и выходят из землянки люди.

— Знаешь, капитан, занимайся-ка ты своим делом. Мы уж тут сами знаем, что и как.

Спорить и доказывать было нетактично, в глубине души я уважал этого человека. И поспешил смиренно распрощаться.

А вскоре гитлеровцы, каким-то образом пристрелявшись, накрыли и вершину высоты, и землянку, и майора с девушкой... Все погибло от прямого попадания... Долго я ругал себя, что не настоял тогда, — надо было начальнику штаба дивизии сказать. По штабу противник стрелял редко, а в обороне — никогда. А тут вот как, и майор погуб...

Когда учебная рота продвигалась днем 25 марта, за этой высотой по дороге к разъезду Русаки, с восточной стороны насыпи железной дороги без рельсов и шпал мы увидели множество кавалеристов на невысоких мохнатых лошадках — «монголках». Кавалеристы лежали вдоль насыпи — видно, надеялись после удачного нашего прорыва прогуляться кавалерийским аллюром «в три креста» по вражеским тылам.

Мы находились северо-западнее Пушкинских Гор, где находится лукоморье, и могила поэта, и знаменитый «дуб уединенный». Мы тогда и не подозревали, что на дубу немцы устроили наблюдательный пункт и во все глаза следили за нами своими недобрыми фашистскими окулярами...

Утреннюю мглу 26 марта разорвали десятки разноцветных ракет, и в тот же миг раздался мощный грохот всей артиллерии прорыва соединений двух армий. Мы форсировали Великую, вырвались прямо к траншеям вражеской линии обороны «Пантера». Только 27 марта дивизия отразила тринадцать контратак пехоты и танков. В этих боях была почти разгромлена 15-я дивизия СС. В ночь на 28-е части дивизии, удерживая рубежи обороны, произвели перегруппировку сил: 82-й стрелковый полк — в Стречно, 164-й — Гнилуха, 73-й — Мошино, штаб дивизии — Заборово.

Вот та абсолютно достоверная обстановка, которая содалась на плацдарме на 28 марта 1944 года.

На рассвете немцы после длительной и массовой артподготовки перешли в контратаку. В течение дня наши воины отбили восемь вражеских атак. Но взяла все равно наша!.. И артподготовка с нашей стороны была куда гуще...

Лейтенант Шугайлов, командир стрелкового взвода 73-го полка, рассказывал:

— Я никогда не видел и не слышал такой артподготовки! Она длилась долго и так разрушила «Пантеру», что, когда мы пошли вперед, из первых трех траншей этой обороны в нас некому было стрелять! Все фрицы были уничтожены, завалены обломками, засыпаны землей. А вот потом, на другой день, откуда-то подтянули резервы, и словно остервенели фашисты... Прут со всех сторон...

27 марта рано утром я получил боевое распоряжение начальника штаба дивизии — переправиться через реку и занять участок обороны в районе южнее деревни Мошино, и следом — в Стречно.

Было еще довольно темно и тихо. Курсанты в белых маскировочных костюмах шли один за другим по доскам, уложенным на еще довольно крепкий лед саперами дивизии, — они «маяками» стояли на каждом повороте, указывали путь и поторапливали нас.

На ближайшую полынью, черневшую слева, я старался не смотреть и много не раздумывать: Великая это река или «невеликая». Я вообще о ней здесь впервые услышал. Географию плохо знал или все забыл, как учебку закончил. Река как река — не велика, не узка, метра два глубиной. Только я своим наметанным глазом видел: течение у нее довольно мощное — как у нашей Нейвы в Алапаевске в весеннее половодье.

Как оказалось, мы заняли позиции недалеко от деревни Горушка, стоявшей когда-то на западном берегу реки Великой, где впадает в нее знаменитая пушкинская Сороть голубая...

Окопались. Установили круглосуточное наблюдение за противником. Но и телефоны, и противник помалкивали. Фрицы за три дня боев достаточно получили по загревку — плацдарм постепенно, но неуклонно расширялся. Я, конечно, в те дни во всей обстановке не разбирался, но что было перед нами, справа и слева, — знал и видел собственными глазами.

Выписка из боевого приказа от 27.III.44 за № 0028

подтверждает все мои тогдашние предположения: «Командиру 82 сп с учебной ротой, первой батареей 105 ОИПТД — сдать участок Мошино 115 сд и 2.00 занять и прочно оборонять Стречно — стык троны и большой дороги северо-западнее Гнилухи. КП дивизии — отметка 936, НП — Заборова».

Так что память меня не подвела. Только и уточнено, что все произошло не утром, а ночью, к 2.00 28-го. Это самое Стречно я хорошо помню. А когда были под Мошино — из памяти вылетело, весь день 27 марта пролетел неизвестно как...

Вообще, названия населенных пунктов, как правило, были условные. Никаких деревень, изб не существовало. Что осталось, то фашисты разобрали на укрепления...

Мне было приказано из штаба дивизии: «Без команды огня не открывать! И себя не раскрывать!» Не понимая еще, что это значит, я без рассуждений принял приказ.

Потом мой земляк-уралец, минометчик Пластков Михаил Миронович, вспоминал:

— День был здорово жарким. Я сбился со счета, сколько раз пришлось «сбегать» за минами... Командир минометной роты Ручкин мне говорит: «Ты, Пластков, не ранен?» — «Не знаю, а что, — говорю, — товарищ старший лейтенант?» — «Да у тебя на спине весь полушубок исполосован, посмотри!» Я снял полушубок и не на шутку испугался: все разодрано осколками, как не зацепило меня?! «Надень, Пластков, другой, — говорят лейтенант, — и дуй опять, мин надо больше...» Я переоделся в телогрейку и снова побежал на восточный берег за минами...

А противник все полз и полз на Горушку. Тревожились, волновались курсанты:

— Товарищ капитан, наших бьют, помочь надо!

— Огня не открывать! — ору я.

Я их понимал: что за дела — там своих лупят, а мы сидим смотрим... И тут телефон зазуммерил:

— Десятый?.. Видишь?

— Вижу, товарищ первый!

— Атаковать деревню, занять, закрепиться!

И в душе у меня все стало на место. Шестьдесят курсантов в грязно-белых костюмах с яростью ринулись на фашистских солдат и офицеров. Курсанты все сделали, как на учениях. Подбежав к окопам, они дружно бросили гранаты, прыгнули сверху и завязали рукопашную. Они были настолько разъярены, что не давали немцам даже поднять руки...

Мы тоже понесли потери, но главным образом ранеными, которых сразу после боя успели перевязать и отправить в тыл.

— Товарищ капитан, — доложил связной, — нам надо дожидаться смены и вернуться на прежние позиции.

Ну, вот и все, отвоевали Горушку.

Но я скажу еще несколько слов. В те дни, конечно, было не до разглядывания — где же пушкинские места и что это за Святогорский монастырь, и Тригорское, и Михайловское... Мы попросту о них ничего не знали, так как находились они у противника, а там стояли рядом другие соединения нашей армии — даже не нашей, а, как потом оказалось, 10-й гвардейской.

Но знаменитый «дуб уединенный» из деревни Горушка был виден. На том дубе был немецкий наблюдатель. Фашист смотрел на нас как бы с нашего тыла, черт его побери!.. То-то фашисты уж очень точно были, и майора Шеко с его «кабинетом» по указке же наблюдателя, наверно, накрыло. Этот фашистский «кот ученый» много нам напакостил.

А по дубу, и вообще по всем пушкинским местам, нам стрелять нельзя было. И вот это мы знали: что дубу более 300 лет, что под ним любил сидеть часами Пушкин и, говорят, именно тут сочинил он пролог к «Руслану и Людмиле».

Вообще, это место примечательное. Как сейчас стоит перед глазами. В ясную погоду с плацдарма далеко было видно на восток, вернее, на юго-восток...

ВОТ ОНО КАК ВЫГЛЯДИТ...

Иван ТЮРЕНКОВ

Батарея укрылась в зарослях начавшего цвести сада. Артиллеристы рыли землянки, оборудовали запасные позиции. По вечерам играли в шахматы, иногда их навещал доктор со своей мандолиной.

Командир батареи Мансур Галин, не любивший жары, поселился в полотняной палатке у самого пруда.

Было затишье. После жестоких боев под Старым Осколом их 96-я танковая бригада имени Челябинского обкома комсомола была отведена на отдых и пополнение в село Бехтеевка, а теперь в качестве резерва Воронежского фронта стояла под Белгородом, у села Дальняя Игуменка.

В затишье следует приводить хозяйство в порядок, принимать и обучать пополнение. Утром позвонили из штаба бригады, сообщили, что в батарею направляется новый командир огневого взвода. В батарее это большой человек.

— Огневик идет! — многозначительно сказал Галин повару. — Надо встретить гостя.

— Добре! — ответил повар. — Отбивными и борщом? — Тебе виднее.

Молоденький лейтенант появился прямо из-за палатки.

— Лейтенант Чурсин, — доложил он, четко откозыряв.

Огневик оказался совсем юным мальчиком. Новенькая гимнастерка, начищенные до блеска сапоги, плотные ремни... Командир батареи любезно заметил:

— Вы прямо как из магазина мод.

— Так точно! — весело отозвался лейтенант. — После многотрудных училищных темпов даже ремни спарили... А в день выпуска выдали все новое. Вот и приходится скрипеть.

— Ничего, обомнетесь... Девушка-то есть?

— На примете.

— Совсем хорошо. Письма пишет?

— Не пишет...

— Придет время — напишет.

— Надо надеяться... — раздумчиво промолвил лейтенант. — Если будет кому, загадывать нельзя.

— Наш комиссар Захаренко говорит, что когда человек внушает себе страх смерти, то теряет веру в жизнь. О смерти просто не нужно думать.

В углу палатки затрещал телефон.

— Понятно... Есть! Будет сделано! — комбат положил трубку и повернулся к новенькому: — Сколько времени?

— Половина девятого... — ответил лейтенант. — А на ваших?

— Виноват, забыл про свои...

— Ничего, мой точно идут. А что, спешить надо?

— В 22.00 выступаем.

Остаток ночи в крошечной тьме оборудовали позиции совсем в новом месте; когда забрезжил рассвет, старательно замаскировали вывороченную землю. Все это мало походило на училищные уроки. Солдаты работали слаженно, каждый знал свое место, и лейтенанту ничего не оставалось, как самому взяться за совковую лопату.

Теплые лучи тепло и ласково разлились по склонам. Такая тишь и благодать — какая там война...

Над головами повис самолет с двойным фюзеляжем.

— Опять «рама»... — сказал комбат. — Оборону прощупывает, а потом своим по радио передаст.

— И что будет? — спросил лейтенант.

— Прилетят бомбардировщики и начнут давить

дрозда, — ответил Галин. — Вот что, Николай, оставайся здесь — составь схему ориентиров. Я схожу проверю, все ли готово.

Оставшись один, лейтенант почувствовал тревогу. Не смерти он испугался — он о ней не думал — и не бомбежки — он просто не знал еще, что это такое. А тревога между тем была.

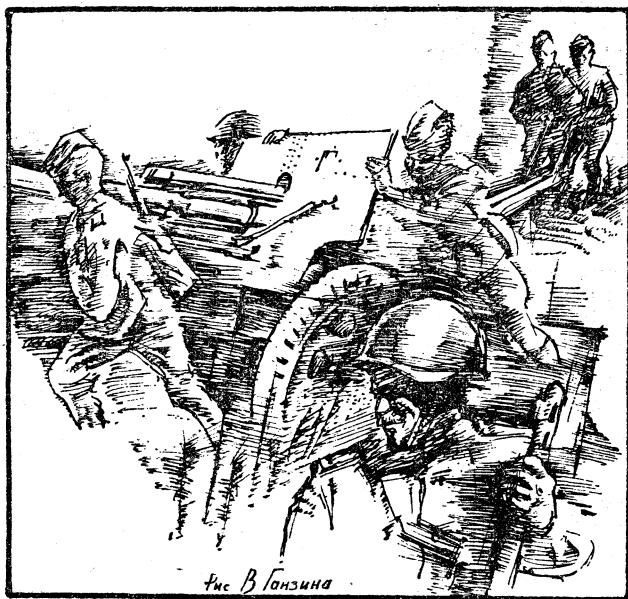
Из мохнатого облачка вынырнули серые с отвисшими брюхами бомбардировщики. Немецкие стервятники, выстроившись, как обычно, в «чертову карусель», надеялись расчистить путь своим танковым клиньям.

Николаю казалось, что все самолеты, а их было более двадцати, летят не куда-нибудь в сторону, а именно на него. Он заметался в поисках убежища, но, как нарочно, на глаза не попадался ни один окоп. Он упал прямо на открытую землю, сжался в комок, закрыл лицо руками. Послышался пронзительный свист — взрыв, еще взрыв, за ними третий... Осколки пролетали над самым ухом, срезая ветки кустарника. Самолеты без устали сыпали бомбами, тархтели пулеметными очередями.

И вдруг стало тихо. Лейтенант вскинул голову: самолеты делали крутой разворот. Опять... Он вскочил и опрометью, не чуя под собой ног, побежал по склону. Сухой треск пулеметов будто догонял сзади. Страшным дьяволом мчался над головой вражеский самолет. Земля будто выворачивалась наизнанку. Лейтенант уцепился руками за траву.

Сделав последний заход, пикировщики ушли. Лейтенант встал. Вместе с сизой дымкой к горлу поступала тошнота. Высота была изрыта воронками, кусты дыбились на брустверах, трава еще кое-где горела.

Но уже раздавались перекилки пехотинцев. Из-за бугра пробежали два санитары. Опять зазвенели лопаты. Пришел комбат.

— Не дорожите своей жизнью, лейтенант, — сказал он. — А убило бы? Кто же под бомбежкой перебегает?..

Лейтенант молча слушал. А в голове, как заезженная пластинка, крутилось одно: «Не убило... Не убило... Не убило...»

Двое суток танковая бригада перебрасывалась с Обянского на Корочанское шоссе, преграждая путь танковым соединениям врага. Батарея неотступно караулилась за колонной головных танков, шедших по разбитой дороге.

В один из таких бросков путь бригаде преградил заболоченный исток Северного Донца. Проложенная через врага гать не выдерживала, танки зарывались и садились на днища.

Галин, стоя на подножке тягача, кричал своим батареям:

— В Дальнюю Игуменку!.. Задача на месте! Давай, давай, ребята, продирайся!..

Но немцы шли не на Дальнюю Игуменку, а на Мелихово. Их машины сгрудились у заминированного прохода через противотанковый ров. Галин дал распоряжение расставить орудия на больших интервалах вдоль дороги, распределил цели: кому — по «тиграм», кому — по средним танкам.

Началась дуэль... Четыре легкие пушки, опираясь сопниками станин в кювет, после каждого выстрела подпрыгивали, поднимая дорожную пыль. Выпустив два-три снаряда, расчеты быстро перекачивали орудия в сторону и открывали огонь с новых позиций. Задымился один танк... Еще два завертели на месте с перебитыми гусеницами.

И только «тигры» стояли недвижимо, посылая свистящие «болванки» в сторону батарей.

Лейтенант скорректировал огонь третьего орудия по головному танку. Трехдюймовые бронейно-трассирующие снаряды, попав в башню «тигра», как будто отскакивали от нее и, оставляя за собой огненную черту, рикошетили в небо.

«Не берет...» удивлялся лейтенант. — Не так надо. Все, что наполняло его сейчас, — только удивление, оттого что снаряды отскакивают. Каким-то боковым зрением он видел, как у одного орудия прямым попаданием исковеркало щит и снесло панораму, как под тягачом, стуча гаечными ключами, сержант Золотко снимал перебитый «болванкой» передний кардан. Но он видел это будто не наяву. А наяву были только отрякошетиравшие от брони снаряды...

Тем временем немцы, на свою беду, что-то сообразили и стали распознаться от узкого прохода, подставляя орудиям борга. Этим без промедления воспользовались батареи.

— Повернись, голуба, повернись!.. — кричал лейтенант, и третье орудие тоже садило в бока.

Два танка вздрогнули, задымилась, и в верхних люках показались немецкие танкисты.

Только теперь лейтенант почувствовал напряжение боя. Он оценил, как умело развернул комбат батарею, вспомнил бесконечные перекачивания орудий. В училище такие перекачивания доводили курсантов до изнеурения и казались лишними здравого смысла. А вот оно как выглядит...

Когда подошли танковые батальоны, враг был отброшен за село. Небольшая была, но победа.

Александра Полякова, 1941 год

В ночь с 9 на 10 мая 1943 года Александра Полякова направила горящий самолет на эшелон немецкой техники. Летчице было двадцать лет.

...Шура однажды прибежала домой, сияющая от радости, и с порога крикнула:

— Мама, я буду летчицей!

Наталья Константиновна испуганно всплеснула руками:

— Что же это такое? У всех девочки как девочки, а у нас что же?..

Шура утешала мать:

— Мама, ну не сердись!.. Я уже вступила в аэроклуб, комиссию прошла. Из меня получится хороший летчик, если, конечно, очень захотеть. Я очень хочу, понимаешь!

Родители знали, что девочка взахлеб читает книги об авиации. Когда погиб Валерий Чкалов, Шура весь день проплакала. И все-таки они надеялись, что авиация — лишь одно из увлечений их одаренной дочери, которая чем только не увлекалась: стрельбой из малокалиберной винтовки, коньками, гитарой, пением, балетом... Увлечения увлечениями, а профессию полагаются выбирать земную. Отец всерьез рассердился:

— Выкинь дурь из головы! Доктором будешь, а не летчиком!

— Какие вы у меня несовременные... — вздыхала Шура. — На доктора пусть учатся те, кто мечтает стать доктором. А я хочу летать.

Школьная подруга Шуры Наташа Кондидова вспоминает: «Мы ее тоже отговаривали. Только ее никто на свете не смог бы отговорить — она больна была авиацией!»

Когда началась война, Шура пришла к военкому города. Она требовала направить ее в Борисоглебскую авиационную школу. Военком только устало вздохнул — круглолицая симпатичная девчушка собирается стать военным летчиком...

Три дня она с утра до вечера ходила от военкомата в горком комсомола и обратно, пока не добилась зачисления курсантом в военное авиационное училище.

ВСЕ ДЕВОЧКИ КАК ДЕВОЧКИ...

Александр
КОВАЛЕНКО

Она добила своего — стала военным летчиком, командиром легкого ночного бомбардировщика.

...Шура подошла к самолету, провела рукой по перкалевой обшивке крыла. Сегодня ее третий боевой вылет.

Полк легких бомбардировщиков По-2 базировался вблизи линии фронта на полевых аэродромах. Днем самолеты прятались поэскадрильно в земляных капонирах и накрывались маскировочными сетками, а ночью вырубали в поле и вылетали на боевое задание.

Авиамеханик, увидев на стоянке командира, доложил:

— Товарищ сержант! Машина к боевому полету подготовлена, бомбы подвешены, заправка полная.

— Спасибо. Вылет через час, — сказала Полякова.

Когда солнце скрылось и опустились на землю сумерки, сержант Полякова повела груженный бомбами самолет на задание.

— Приближаемся к линии фронта, — доложил штурман Сагайдаков.

Какая она, эта линия?.. Все темно... Нет, вон всполохи... Там горит Сталинград. Чтобы уйти от прожупывания прожекторов, ловивших ее, Полякова резко отдала ручку на себя — бомбардировщик нырнул вниз.

— Молодец! — похвалил штурман. — Выходим на боевой курс, сбрасываю светящуюся бомбу...

Полякова вывела самолет на освещенную цель. Скопление вражеских танков, орудий, машин — туда!..

— Уходите вправо! — раздался тревожный голос штурмана.

Рядом с кабиной нарисовался силуэт вражеского истребителя. Спасибо, штурман, за предупреждение!.. Большая опасность была...

С каждым боевым вылетом Шура становилась увереннее. На ее счету — более 70 боевых вылетов, тысячи уничтоженных фашистов, десятки танков, самолетов и другой техники.

В начале декабря 1942 года она летала бомбить группировку вражеских войск под Сталинградом. Фашисты открыли зенитный и пулеметный огонь. Ведущий группы маневрировал, меняя курс и высоту, но прожектора, будто зацепившись за самолеты, сопровождали их. Вдруг Шура ощутила сильный удар в бедро. Левая нога сначала одеревенела, потом появилась невыносимая боль.

— Как дела, командир? — спрашивал штурман, почуввав неладное.

И она, стараясь быть спокойной, отвечала:

— Все в порядке.

Цель еще впереди, а предательская боль уже охватила все тело. Шура, стиснув зубы, крепче вцепилась в штурвал и на повторный вопрос штурмана снова ответила:

— Все в порядке, в порядке...

Только уже за линией фронта она сказала о ранении. Меховые унты ее наполнились кровью, кровь выступила на полу кабины, на сиденье. Она с трудом посадила самолет. Вытаскивали ее из кабины уже без сознания.

В полевом госпитале первые ее слова были:

— Я смогу летать?

— Сможете, сможете! — успокоил врач. — Кости целы, только крови много потеряли. Отоспитесь, поправитесь...

За участие в боях под Сталинградом гвардии сержант Полякова Александра Павловна награждена орденом Красной Звезды.

Авиационная часть, в которую вернулась Полякова из госпиталя, передислоцировалась на Воронежский фронт. На этом фронте воевал ее отец. «Папа, можешь смело наступать. В случае чего, я тебя прикрою сверху, — писала она отцу. — Будем вместе бить фашистских гадов».

86-й вылет был ее последним вылетом. Бомбить эшелоны врага, скопившиеся на станции Глазуновка Орловской области, пошла группа бомбардировщиков «По-2» 970-го ВАП «ночников». На подходе к цели ночных бомбардировщиков встретили косые лучи прожекторов и густые шапки разрывов зенитных снарядов. Но боевой приказ гласил ясно: пройти сквозь этот огонь и сбросить бомбы на эшелоны врага с живой силой и техникой, стоящие на путях.

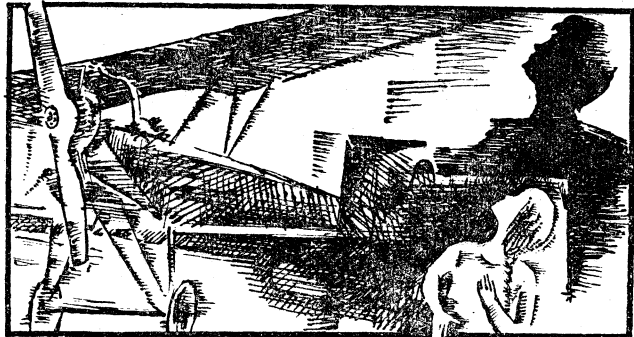
Цель все ближе. Но и огонь усилился, осколки зенитных снарядов пронизывают обшивку самолета. Уже видны на путях эшелоны. И тут разорвавшийся снаряд осыпал Шуру самолет градом осколков. Остановился мотор, из-под капота вспыхнуло пламя.

— Бросай, штурман! — Полякова еще удерживала машину на боевом курсе. Когда бомбы сбросили, она попыталась было пламя резким скольжением. Не удалось. Можно было выбраться с парашютом — куда, фашистам в лапы?! И все-таки Шура не могла решать за другого, и потому она сказала:

— Ефим, прыгай!

— В плен не собираюсь, — ответил Ефим Сагайдаков. И Шура направила горящий самолет прямо на эшелоны.

«Летчик! Ты идешь на боевое задание. Вспомни в этот час свою боевую подругу, простую русскую девушку, любившую жизнь и Родину так же сильно, как и ты. Мсти за нее, товарищ!» — призывала армейская газета «Доблесть», рассказавшая об этом подвиге Шуриного экипажа, о подвиге Александры Поляковой, оборвавшей ее короткую жизнь и обессмертившей ее.

ГОЛЬ НА ВЫДУМКУ ХИТРА

Людмила СЕРГЕЕВА

Почти полгода, с 22 июня по 2 декабря 1941 года, героически оборонялась военно-морская база Ханко (Гангут). Врагу не удалось проникнуть в глубь территории. Гангутцы не только отражали атаки, но и сами захватили 19 белофинских островов. 25-тысячный гарнизон под командованием генерала С. И. Кабанова препятствовал врагу блокировать советский Балтийский флот в восточной части Финского залива.

— Меня вызвали в штаб 8-й отдельной стрелковой бригады, к комбригу Симоныку, — вспоминает гангутец Борис Кондратьевич Вербичский из города Хмельник Винницкой области. — В штабе вместе с ним находился генерал Кабанов. Он приказал мне доложить обстановку на острове Меден и действия взвода на острове Хорсен. Выслушали меня командиры внимательно, приняли решение вернуть остров Хорсен обратно, развить наступление и прибавить к нашей территории еще несколько островов.

25 июля, пока враг еще спал, взвод высадился на северном берегу, снял тихо сторожевой пост... Часа в три был взят остров и еще пять в придачу.

Нужно было налаживать телефонную связь с командованием — бойцы собирались основательно устроиться на занятых позициях. Но тут возникла маленькая заминка: не оказалось у связистов подводного кабеля...

Командир взвода связи 270-го полка лейтенант Айзикович раздобыл где-то чудом уцелевшее старое корыто, растопил в нем битум и просмолил обычный провод на два раза. Такому проводу вода не страшна! Намотали кабель на четыре катушки, поставили в лодки и отплыли от берега. Кабель разматывался, связисты привязывали к нему камни, чтобы он тонул.

Так и служил нам этот кабель верно до конца обороны острова.

— Я прибыл на полуостров Ханко в июне и служил водителем тягача ЗИС-33 в 204-й артиллерийской дивизии, — рассказывает рядовой Григорий Иванович Зубко, который живет сегодня на Полтавщине. — Батарей наша стояла на возвышенности у деревни Сюндальен, в трехстах метрах от берега залива. В домиках уже не хватало места, и мы стали строить землянки. Освещением служили керосиновые лампы, а кое-где и копилки, сделанные из гильз. Электростанция не было. Но я обнаружил у нас на батарее неисправный движок с генератором. Решил я его в свободное время отремонтировать — опыт с гражданки пригодился. Движок заработал. От командования я получил благодарность и премию.

На гражданке кем только не приходилось быть — трактористом, шофером, кузнецом, киномехаником... Даже закончили до войны музыкальную школу. Вообще деревенский опыт — хороший опыт, никогда не знаешь, что и где из него пригодится...

Помню я, такая история была на Гангуте. Как только наши повара начинали варить обед, враг по дыму засекал походную кухню и начинал обстрел. Трудное создалось положение. Бывало, по три дня сидели голодными...

Я поехал на машине в город и снял с домов старые водосточные трубы. Сделал из них два загнутых колена, приладил к трубе походной кухни. После этого дым шел по трубам, охлаждался и уже не поднимался в небо столбом, а стелился по всей округе. Противник больше не мог вести прицельный огонь, и мы стали обедать по-человечески...

— С начала войны бойцы взвода полковой разведки обороняли участок береговой линии морской границы, — вспоминает Николай Иванович Кича из Конотопа. — Напротив того участка, метрах в пятистах, была группа островов, занятых противником. Пока не наступили холода, вся оборона велась по правилам фортификационной науки. Траншея, вырытая по передней линии обороны, соединяла пулеметные точки, а в тыл шли извилистые ходы сообщений.

В ноябре ударили морозы. Прибрежную полосу на несколько сот метров сковало льдом. Наша сухопутная граница как бы выдвинулась далеко вперед, а «ничейная» полоса воды резко сузилась — того и гляди, по льду придут непрошенные гости.

Стали выдвигать далеко вперед боевое охранение. Разведчики выходили на пункт наблюдения по ночам — днем враг сразу засекал их. Морозы крепчали, и разведчикам приходилось туго. Бывало, лежишь пластом на льду и чувствуешь, как руки и ноги уменьшаются в размерах — то медленно застывает кровь в кончиках пальцев.

И, как обычно бывает, удачная мысль пришла неожиданно.

Еще осенью на кухню привезли в бочках соленую треску. Бойцы быстро справились с ней, бочки опустели. Сложили их в кустах, недалеко от кухни.

Вот и решили мы те бочки приспособить для военной службы. Наладили покрепче обручи, залили бочки водой и, когда они разбухли и перестали протекать, укрепили их дополнительно досками, чтобы лед не раздавил. По линии охранения разведчики продолбили ночью с большой предосторожностью проруби, на лыжах-волокушах подтащили бочки. Нагрузили камнями и опустили в прорубь.

Через пару дней бочки надежно вмерзли в лед. Камни из них вынули и положили рядом — получился гарный окопчик! Хлопцы шутили, что осталось только между окопчиками ходы сообщений прорыть... Разведчики получили надежное укрытие, а в случае высадки десанта можно было и вести бой.

Интересно, что в Ленинграде такие же ледовые окопы применяли в дивизии, которая охраняла «Дорогу жизни» через Ладогу. Все думаю: может, кто из наших разведчиков воевал в той дивизии?..

— Через два месяца после начала войны Большая земля словно отделилась от нас, — рассказывает гангутец Исаак Савельевич Айзикович из Киева. — В первую очередь почувствовали это мы, связисты.

До войны и в первые ее годы управление войсками осуществлялось главным образом по телефону. Питался телефонный аппарат от двух элементов. Чтобы сделать вызов, достаточно было напряжения всего в три вольта. Но элементы старели, и связь не срабатывала. Наконец старые элементы питания сели окончательно — помощи ждать было неоткуда.

Начальство собрало на совет взводных 270-го стрелкового полка. Кто-то подал мысль использовать сухие анодные батареи. Мысль понравилась всем, кроме командира радиовзвода. Оно и понятно: запасы батарей невелики, а радиостанция без них мертва... Однако на каждый телефонный взвод выдали по одной батарее. Телефонисты раскромсали ее, и получилось двадцать маленьких батареек из одной. Хватало малышки для работы телефонного аппарата максимум на месяц.

Наступил сентябрь, затем октябрь. Сообщение с Ленинградом — только по радио. Больше ни одной батареей у радиостов выманить не удалось.

Я до войны закончил в Ленинграде училище связи. В голове калейдоскопом вертелись названия гальванических элементов, но толком так и не мог вспомнить, что из чего состояло и что взять попроще в наших условиях. И вдруг вспомнился элемент Даниэля: один электрод медный, другой — цинковый, а электролитом служит раствор медного купороса. Все это есть под рукой!..

В срочном порядке стали готовить новые элементы. Из бутылок нарезали стаканы, медь взяли из проводов, цинк — из упаковочных коробок для патронов, купорос выпросили у полкового ветеринара. Элемент давал один вольт. Маловато, но все-таки выход... Соединяли по три стакана вместе. Так каждый телефонный аппарат оброс целой батареей самодельных элементов, и связь ожила — до конца обороны работала безотказно.

Самыми большими тружениками в армии называли связистов. Недаром, конечно... В мирное время для наведения телефонной связи выделялась команда из двух-трех человек. На телефонисте навешаны катушка кабеля, аппарат, карабин, лопатка и противогаз. У второго номера дополнительно — трехметровый шест, у старшего — сумка с инструментом. Кабель укладывали вдоль дорог, забрасывали на кроны деревьев. Тут же срачивались стыки, прозванивалась трасса.

Военный связист всегда работает в одиночку, и труд его поистине изнурительный. Случалось нередко: не успеет кабель проложить, а уже нужно возвращаться и искать место разрыва...

На Гангуте телефонный кабель стали прятать в ровик, выкопанный в земле на глубину лезвия лопаты. Такую связь можно нарушить лишь прямым попаданием снаряда. Когда случался разрыв и кабель соединяли — ухудшалась слышимость. Чтобы избежать этого, мы укладывали голые алюминиевые провода на куски дощечек с пропилами или роликами. Провод снимали со старых высоковольтных линий. Использовали даже конючую проволоку, которую научились раскручивать...

Так с первых дней войны родился способ прокладки телефонного кабеля, не предусмотренный никакими инструкциями. Связисты Гангута, по неофициальным данным, уложили более двухсот километров связи. Позже, ведя бой в осажденном Ленинграде, телефонисты, помня гангутский опыт, рыли ровики и прокладывали стальную проволоку для связи.

Гвардии подполковник в отставке, председатель совета ветеранов-гангутцев Украины И. С. Айзикович вспоминает еще одного легендарного гангутца, прославившегося своей смекалкой...

— До начала войны лейтенант Иван Заяц командовал взводом конной разведки. Мы жили с ним в одной

квартире, и я достаточно нагляделся на его мальчишеские выходки и проказы. Озорной его опыт немало пригодился...

Заяц был родом из кубанских казаков, унаследовал у них лихость и веселый нрав.

Его стоило просто послушать — рассказывал вдохновенно, с большим мастерством, и трудно было уловить, где кончается и начинается фантазия... Из слов лейтенанта мы, его товарищи, заключили, что до войны он закончил разведшколу. Похоже, что знал несколько языков. Во время советско-финской войны был награжден орденом Боевого Красного Знамени.

На Ханко лейтенант Заяц был командиром восьмой роты 270-го стрелкового полка. Рота заняла оборону на левом фланге сухопутной границы, а правый фланг выходил к морю. Свой КП Иван Заяц разместил в искусственном гроте скалы. Дзоты, устроенные тоже в камнях, отличались особой прочностью и даже относительным комфортом. Между дзотами кроме телефонной связи была еще и акустическая — по проложенным в земле трубам. Слышимость — что надо.

Как-то Заяц позвонил мне на КП батальона и попросил дать ему на пару суток переносной радиоузел. Радиоузел оставили нам товарищи из политотдела бригады, и я не решился распоряжаться чужим добром и отказал. Лейтенант ругался, доказывал, стыдил — дескать, плохой ты друг...

— Ну ладно, — закончил он вдруг, — приходи хоть без радиоузла... Мне поможешь и с пользой время проведешь.

Когда стемнело, я пришел на КП, и Иван с ходу огорошил меня вопросом:

— Тебя от керосина не тошнит? Да нет, не пить... То, что он мне сказал, было мне знакомо. Я просто забыл... В Ленинграде пацанами мы устраивали во дворе грандиозные фейерверки. Наберешь в рот керосин, пфукнешь на зажженную спичку — такой тебе салют!.. Девчонки визжат от восторга.

Иван вручил мне коробок спичек и бутылку с керосином, проверил связь с батареей, и мы полезли на КП. По команде «Огонь!» стрельнула пушочка «сорокапятки», а мы вдвоем дважды пфукнули на зажженные спички. Получилось полное впечатление двух оружейных залпов!..

— А теперь ховайся, — скомандовал лейтенант, и мы нырнули в каменный грот КП. Через пару минут противник открыл по инсценированной нами батарее ураганный огонь, прямо арталет... Десятки снарядов разных калибров обрушились на гранитную скалу.

— Представляешь, кабы мы предварительно дали им концерт по радиоузелу?! Видит противник — огромное зарево, а выстрела со скалы почти не слышно... Фальшивая игра получается! Так, думаю, если усилить пушочку через радиоузел — был бы полный эффект!..

— Ну и смекалистый мужик, этот лейтенант, — подтвердил командир батальона капитан Поляков, когда я рассказал ему о «концерте».

Радиоузел передали на КП, и Иван Заяц умудрился таким вот, не очень уж хитрым маневром выманить у врага несколько тысяч крупнокалиберных снарядов. Не имея со своей стороны никаких потерь...

Шутники они — гангутцы!.. Они ведь даже письмо барону Маннергейму написали в духе знаменитого послания запорожцев турецкому султану... Четыре тысячи экземпляров этого письма-листочка было сброшено в расположение врага. Вот что писали гангутцы Маннергейму:

«...Сунешься с моря — ответишь морем свинца! Сунешься с земли — взлетишь на воздух!.. Сунешься с воздуха — вгнем в землю!.. До встречи, барон!»

Так оно и получилось.

ШКОЛА

В БУХЕНВАЛЬДЕ

Юрий Пестерев

Учителя Никодима Васильевича Федосенко — уже тогда седебородо, семидесятилетнего, — организатора подпольной школы в фашистском концлагере Бухенвальд, хорошо знали не только маленькие узники восьмого барака.

О нем слышал Г. Г. Попов — связной знаменитого «ударного батальона», которым командовал В. В. Логунов.

О школе и маленьких узниках Валентин Логунов написал в книге «В подполье Бухенвальда».

Знали его В. И. Перцухов и Г. П. Сальников, не раз приносившие бухенвальдским школьникам баланду и хлеб и наблюдавшие за уроками старого учителя.

На всю жизнь запомнил Василий Иванович Перцухов внятный и неторопливый голос пленного педагога. Может быть, тогда, находясь за колючей проволокой, двадцатилетний узник твердо решил, что если останется живым, то обязательно будет работать учителем. И он стал им. Василий Иванович Перцухов 36 лет работает учителем немецкого языка в станице Терновская Краснодарского края.

— Конечно, особой изобретательностью отличался Никодим Васильевич Федосенко, — рассказывает Василий Иванович Перцухов. — Он был как ходячая энциклопедия. Мне рассказывали, что были даже учебные планы и проводились уроки по отдельным предметам. Конспирация была строжайшая. Не каждый узник знал о существовании школы. Дети занимались вечером и почти до отбоя. Конечно, им было тяжело. Они занимались после изнурительной работы. В подтверждение того, что я видел сам и слышал от своих товарищей, после войны мне попала на глаза заметка, опубликованная в «Учительской газете». В ней бывшие узники называли отличников бухенвальдской школы. Хорошо запомнил фамилию Ивана Удодова, который после войны стал мировым рекордсменом по тяжелой атлетике.

В Московской области живет бывший политрук роты Георгий Петрович Сальников. Он был учителем еще до войны. В Бухенвальд попал за то, что в одном из лагерей прочитал доклад по случаю 25-летия Великого Октября.

И вот что сохранила о Бухенвальде его память.

...Какой-то ад крошечный. Узник понял, что убежать отсюда может разве что невидимка. Но дети, в чем они провинились перед «третьей империей»? Казалось, взрослые бессильны облегчить участь маленьких узников.

— И вдруг: я ушам своим не поверил, когда узнал, что под носом у эсэсовцев организована школа, — сообщает Сальников. — Об этом страшно было подумать. Настоящая школа с учителями и учениками! Даже доску и географическую карту раздобыли! Смелчаки, рискуя жизнью, тащили из канцелярии для учеников бумагу и карандаши, со склада — теплые вещи. Усилиями Николая Кюнга, которого я хорошо знал, а также усилиями других членов интернационального комитета маленьких узников удалось освободить от работы и обеспечить дополнительным питанием. Ребятам постарше переводили на работу в лазарет — «ревир», на склады, в кухню. Мы отрывали от себя часть хлеба и баланды, чтобы передать в детский блок.

Как рассказывают бывшие узники, существенной прибавкой к столу детей был хлеб и баланда умерших, подачу списков на которых придерживал персонал «ревира». От норвежских студентов, тоже узников, в восьмой блок шли посылки.

Ребята оживали на глазах, становились мягче и доверчивее к своим старшим товарищам.

У Г. П. Сальникова сохранился бухенвальдский дневник и записи, сделанные им после восстания:

«В мае 1945 года я дежурил в малом лагере и разговаривал с самым юным узником Бухенвальда. Он поляк, родился в Ченстохове в 1942 году. Его арестовали вместе с отцом и матерью и посадили сперва в тюрьму, а потом в концлагерь. Очень скоро родители были расстреляны, а его в 1944 году перевезли в Бухенвальд, и он стал узником под номером 116543. Вот дословно его слова: «Немцы недобры, я до русских поеду. Поеду до России, там любят маленьких». Говорил он по-русски, потому что жил среди русских детей в восьмом блоке...»

В школе идет урок. Старшие товарищи — дозорные — просматривают улицу, чтобы в любую минуту предупредить об опасности. Если идет эсэсовец, то учитель прекращает урок и тут же переключается на детскую игру.

...И все-таки с чего все началось? При встрече с бывшими узниками Бухенвальда этот вопрос и задавал не раз. Ответы разноречивые. Одни утверждают, что старик Федосенко долго не находил себе места, плакал, когда видел, как мучаются и страдают маленькие арестанты, и, желая хоть как-то облегчить их участь, подумал о школьных уроках. Неважно, что вокруг — колючая проволока и полосатая одежда. Ему хотелось донести до сознания маленьких граждан правду, что все они остаются людьми даже в неволе, что всех их ждут на родине. Он учил их писать, считать. Учил жить и ненавидеть фашизм. Учил любить Родину и быть ей верной до конца.

Другие вполне авторитетно заявляют, что толчком к организации подпольной школы послужила смерть одного мальчика, затравленного и растерзанного немецкими овчарками. Тогда активисты-подпольщики и занялись всерьез своими маленькими собратьями. Особенно кипучую деятельность вокруг детского блока развернул член подпольного центра, историк по образованию, Николай Кюнг. И видимо, ему первому пришла идея организации школы в концлагере. Он же вел историю в этой школе (а после войны работал заведующим в Подольске). Третьи предполагают, что создание школы — это дело рук политработников во главе с Сергеем Котовым или «штубендистов» (дневальных) восьмого блока Николая Задумова и Якова Холопцева.

Скорее всего они проявляли заботу о маленьких узниках. А главное-то, что среди них были профессиональные педагоги — Федосенко, Кюнг и другие.

Сколько их осталось — учеников этой единственной в своем роде школы?

Школа работала больше года, а гитлеровцы даже не подозревали о ней. В голове не укладывается — чем бы дело кончилось, узнай они о существовании школы...

— Когда я рассказываю об этой школе, ком к горлу подкатывает, — говорит Перцухов, — а в глазах стоят ученики в полосатых костюмах. Выжил ли кто из них? Не знаю... В марте 45-го я бежал из транспортной команды смертников, отправленной в Зальцбург (Австрия). Дальнейшая судьба бухенвальдских учеников мне неизвестна.

Поиск продолжается. И я уверен, что малоизвестная страница из жизни подпольной школы, организованной на страх и риск в «лагере смерти», пополнится новыми сведениями. Молодое поколение должно знать, как маленькая советская школа жила и боролась за колючей проволокой, вселяя в сердца юных узников фашизма волю к борьбе, укрепляя уверенность в победе.

РУКОПИСЬ № 2552

Владислав ДЕБЕРДЕЕВ

Начало см. на 2-й стр. обложки

В моем собрании есть проспекты, брошюры и буклеты обо всех мемориальных музеях В. И. Ленина на территории нашей страны. Это память о посещениях священных для каждого из нас мест: Ульяновска и Казани, Куйбышева и Уфы, Ленинграда и Красноярска, Шушенского и Пскова, Разлива и Подольска, Москвы и Горок Ленинских. А вот небольшая книжка «Ленинские памятные места в Лейпциге», проспект Дома-музея Владимира Ильича в Праге, красочный буклет «Ленин в Закопане», где мне тоже довелось побывать.

Широко представлена в домашней Лениниане уральская тематика: книги «Ленин об Урале», «Уральцы пишут Ленину», «Ленинская гвардия Урала» и другие. Многие изданы как миниатюра. К слову сказать, самое маленькое издание в коллекции — это своеобразный «альбевир» размером 65×65 мм: сборник стихов поэтов всех союзных республик «Ленин с нами», а самое большое — фолиант «Ленинской «Правде» 70 лет» (345×270 мм).

Определенный интерес представляет и стереотипированная копия десятого номера газеты «Искра». Газета с передовой статьей В. И. Ленина «Каторжные правила и каторжный приговор» была перепечатана в ноябре 1901 года Кишиневской подпольной типографией (первой на территории России) и выпущена в виде... брошюры на 14 страницах форматом 210×290 мм.

Однако самая дорогая реликвия моей Ленинианы, ее самый поистине бесценный экземпляр — это рукопись Владимира Ильича «Грозная катастрофа и как с ней бороться». Она представляет собой факсимильное воспроизведение оригинала, предназначенное для вручения делегатам XIII съезда РКП(б) в мае 1924 года, — первого партсъезда после смерти Ленина.

В предисловии к стереотипированному экземпляру произведения сказано: «Перед нами — одна из наиболее замечательных и наиболее типичных для Владимира Ильича рукописей в ее подлинном виде. Эта рукопись — программа Октябрьской революции. Она написана сразу, без черновиков, в несколько дней, 10—14 сент. 1917 г., на конспиративной квартире, в момент, когда лозунгом дня и судьбой автора стало: смерть или победа! Перед нами — подлинная страница истории».

На ней ленинским характерным, стремительно летящим, бисерным почерком (основной размер каждой буквы текста примерно один-полтора миллиметра) изложено конкретное экономическое обоснование грядущей социалистической революции. В тринадцати главах этой гениальной работы дан глубокий, исчерпывающий, всесторонний анализ текущего момента — надвигающийся голод, война, разруха — и сделан исторический вывод: «Идти вперед, в России 20 века, завоевавшей республику и демократизм революционным путем, нельзя, не ИДЯ к социализму, не делая ШАГОВ к нему...»

Работа «Грозная катастрофа и как с ней бороться» написана В. И. Лениным в подполье, в Гельсингфорсе, 23—27 сентября 1917 года по новому стилю. В газете «Рабочий путь» (так в те дни называлась «Правда») 14 октября были опубликованы две заключительные главы из нее: «Борьба с разрухой и война» и «Революционная демократия и революционный пролетариат». А через несколько дней, 19 октября (6 числа по старому), в центральном органе большевистской партии

появилось сообщение: «Вышла новая брошюра Н. Ленина «Грозная катастрофа и как с ней бороться».

Это программное произведение, выпущенное в Петрограде издательством «Прибой», вооружило партию, народ знанием практических путей, форм и методов революционного преобразования экономики страны.

Весной 1924 года ленинская рукопись пережила свое второе рождение, получила вторую жизнь. Она была выпущена в своем натуральном, подлинном виде тиражом в 1000 экземпляров Институтом В. И. Ленина, созданным годом ранее. Факсимильное воспроизведение работы «Грозная катастрофа и как с ней бороться» стало одним из первых практических шагов этого нового института, о котором в специальном постановлении XIII съезда РКП(б) было сказано, что он должен стать «базой изучения и распространения ленинизма среди широких партийных и беспартийных масс».

Так появилась на свет тиражированная — для изучения и распространения ленинских идей — рукопись исторического произведения. Она с волнующей точностью воспроизводит все детали подлинной работы вождя Великого Октября: фактуру и формат бумаги, цвет линеек («в клеточку») и другие особенности авторского оригинала.

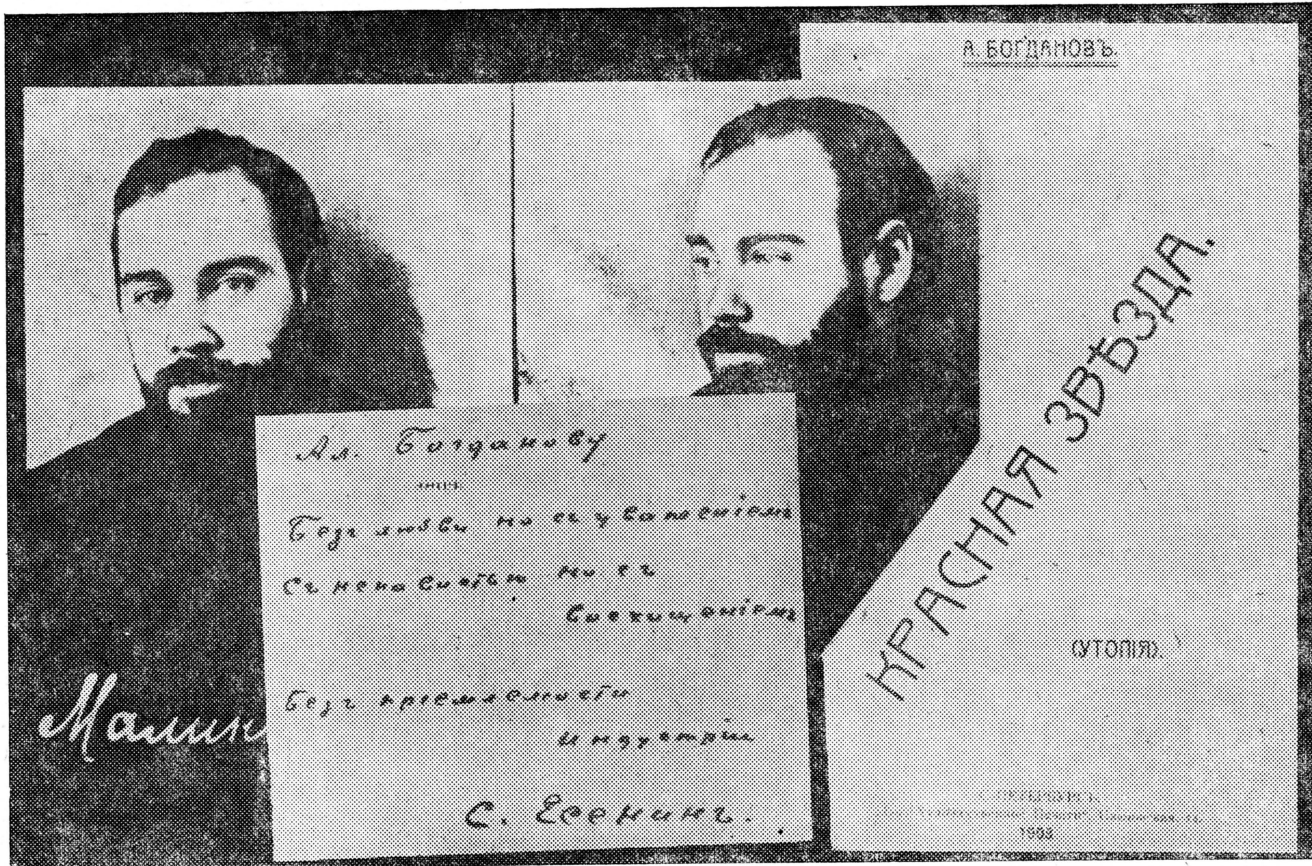
На каждом листе моего экземпляра рукописи стоит фиолетовая печать. На ней написано: «ИНСТ. им ЛЕНИНА. Рукопись № 2552. Колич. листов 16. Лист №...» Цифры, обозначающие номер рукописи, количество листов и потом порядковый номер каждого из них, вписаны красными чернилами. Весь же основной текст, написанный ленинской рукой — начиная с содержания на первой странице и до слова «конец» на последней, — имеет черный цвет.

Как рукопись № 2552 попала в домашнюю Лениниану? В годы моей работы научным консультантом в Доме политического просвещения Свердловского обкома КПСС мы, совместно с журналом «Советская педагогика», проводили для школьных пропагандистов областные научно-практические конференции. К нам в Свердловск приезжала сотрудница журнала Ида Иосифовна Восси. В свое время, в молодости, она была привлечена к работе по организации и проведению XIII партсъезда, и ей за проявленную при этом активность был вручен факсимильный экземпляр ленинской рукописи. Узнав о моем увлечении, И. И. Восси и подарила его мне в знак делового, творческого содружества.

И вот я держу в руках рукопись и думаю о том, что ленинские мысли, изложенные в программной работе о социалистическом переустройстве экономической жизни страны, знаменательно созвучны сегодняшним делам партии и народа. Как современны, как злободневны мысли Ильича о контроле на производстве, о демократизации процесса управления, сбережении народного труда, новой роли банков и т. д. Вот один пример.

Сегодня многих из нас волнует и даже беспокоит проблема частного. Не случится ли так, спрашиваем мы себя и окружающих, что в связи с безудержной индивидуальной трудовой деятельностью в нашем обществе появятся «социалистические толстосумы», мироеды, нажившиеся на «дефицитных услугах» миллионеры? В. И. Ленин конкретно и четко указал, как бороться с этой опасностью. Семьдесят лет назад он писал: «Можно ввести подоходный налог с прогрессирующими и очень высокими ставками для крупных и крупнейших доходов».

И такие практические актуальнейшие советы-заветы находишь, по существу, на любой странице ленинской рукописи «Грозная катастрофа и как с ней бороться». Они помогают и сегодня, сию минуту мыслить и жить по-новому, строить нашу экономику на новых началах.

Автограф Виталий НОВОСЕЛОВ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

Как-то профессор Малиновский показал мне сборник стихов Сергея Есенина «Преображение» 1918 года издания. Привлекла внимание дарственная надпись на книге: «Ал. Богданову. Без любви, но с уважением. С ненавистью, но с восхищением. Без приемлемости индустрии. С. Есенин».

Профессор Александр Александрович Малиновский — это сын врача Малиновского, отбывавшего вологодскую ссылку в начале века и больше известного под псевдонимом Богданов.

Родился Саша Малиновский в Париже в 1909 году. Его раннее детство прошло в небольшой колонии русских эмигрантов. Среди них были москвичи, участники боев на Пресне, приговоренные к смертной казни или длительной каторге. Путь на родину изгнанникам был закрыт.

После амнистии 1913 года некоторые эмигранты стали возвращаться в Россию. В начале 1914 года выехали из Парижа и Саша с матерью. Перед отъездом мальчика, говорящего на двух языках, но не имеющего подданства, крестили в посольской церкви — необходимо было иметь русскую метрику. Крестным отцом его стал А. В. Луначарский.

Учился Малиновский сначала в одной из московских

гимназий, затем в 70-й школе Краснопресненского района. Он предполагал сделаться математиком, но в восьмом классе увлекся подарком отца, книгой Э. Кречмера «Строение тела и характер». Это и предредило выбор профессии. Александр выдержал экзамены и стал студентом медицинского факультета МГУ.

Самое мрачное впечатление студенческих лет — внезапная смерть отца в апреле 1928 года. А. А. Богданов, директор созданного им при поддержке В. И. Ленина Московского института переливания крови, был увлечен идеей продления творческого долголетия обменными переливаниями крови. Делались многочисленные опыты на добровольцах, в первую очередь на самих врачах. В их числе был и директор института. И вот одно из переливаний окончилось для Богданова трагически.

Старый большевик П. Лепешинский на гибель Богданова откликнулся публикацией в журнале «Огонек». Он назвал ее «Трагедия крупного ума». А через четыре десятилетия историк медицины А. А. Белова написала о Богданове книгу.

...Еще студентом Александр Малиновский увлекся новой тогда отраслью теоретической медицины — генети-

кой. И судьба его сложилась неровно, как у многих генетиков того поколения. В возрасте 26 лет он стал кандидатом биологических наук. Но война прервала теоретические работы. В Великой Отечественной войне военврач Малиновский участвовал в качестве хирурга.

В 1948 году уже печаталась готовая к защите докторская диссертация, но изменилось положение в биологической науке. И он снова долгое время не занимался научными изысканиями.

В 1951 году Малиновского пригласил в свой институт известный специалист по глазным заболеваниям В. П. Филатов.

В Одессу из Еревана для встречи с Малиновским приехал молодой профессор Армен Леонович Тахтаджян. Он одним из первых ученых выявил рациональное зерно в основном научном труде отца Малиновского — А. А. Богданова. А через несколько лет академик Тахтаджян опубликовал свою работу «Тектология: история и проблемы», где написал, что тектология, несмотря на досадные философские ошибки автора, была одной из первых фундаментальных попыток создания кибернетики, что Богданов на несколько десятилетий опередил американских ученых и, кроме того, многие проблемы разработаны Богдановым полнее и строже, чем в современной теории.

В 1965 году А. А. Малиновский вернулся в Москву. Ему без защиты диссертации присудили степень доктора биологических наук, избрали профессором по курсу генетики 2-го Московского медицинского института.

В последние десятилетия основным местом работы профессора Малиновского стал Институт системных исследований АН СССР, основной темой научной работы — биокрибнетика.

— Мне удалось критически развить некоторые главы тектологии. Испытал при этом, если можно так выразиться, двойной творческий подъем. Ведь это не только мой скромный вклад в развитие советской науки, но и в какой-то степени продолжение работы отца, — говорит Александр Александрович.

Каким же произведением Александра Богданова является содержание дарственной надписи Есенина?

Бережно хранит Александр Александрович в своей скромной квартирке в одном из старых районов Москвы на улице с прозаическим названием Конюшковская немногие сохранившиеся фотографии, книги и записи Богданова. Еще бережнее хранит он память об отце.

Автограф вряд ли вызван стихами А. Богданова. Современники называли их старомодными. В авторе чувствовался не столько поэт, сколько ученый. И шли они больше от ума, чем от сердца. Хотя отдельные стихотворения не без интереса читаются и сейчас.

Оригинально и четко срифмованы «Стальная игрушка» и «Шпик». Первое об оружии революционера — револьвере. Второе — о нападении на филера. Вероятно, они навеяны впечатлениями 1905—1907 годов, когда Богданов вместе с Л. Б. Красиным возглавлял боевую техническую группу при ЦК РСДРП. Под их руководством боролись боевики, имена которых знает сегодня вся страна, например, С. Тер-Петросян (Камо).

Вероятно, читал С. Есенин и поэму А. Богданова «Марсианин, заброшенный на Землю», где автор пытается в поэтической форме передать трагедию посланца иной, более совершенной цивилизации, прилетевшего с Марса на Землю и не способного вернуться на родную планету из-за крушения космического корабля.

Прочитируем отрывки из этой поэмы:

*Разбился корабль о земные громады.
Все спутники — в вечность ушли.
Мне нет возвращенья из этого ада,—
С жестокой планеты Земли.
А Марса родного багряная сфера
Сияет в бездонной дали...
Мне сердце сдавила Земля атмосфера,
Гнетет тяготенья Земли.*

*И выбор тяжелый: уйти ли из жизни,
Где все оскорбляет мой взгляд,
С мечтою о дальней, прекрасной отчизне,
Где братство и разум царят,
Иль жертву тоски и мучительной боли
Для жизни чужой принести,
Той, жалкой, что, ощутив к счастью и воле
Стремясь, не находит пути?..
Да, этой задаче отдать свои силы,
Сказавши отчаянно «нет»,
Спокойно и твердо пройти до могилы,
Оставив потомкам завет,
Чтоб в эру победную слово привета
Прощальное милым снесли
От брата забытого с юной планеты,
С прекрасной планеты — Земли!...*

Думается, что дарственная надпись С. Есенина написана под влиянием научно-фантастического романа А. Богданова «Красная звезда». Ведь именно в этом произведении, впервые напечатанном в 1908 году, Александр Богданов спел свой гимн индустрии и грядущей научно-технической революции.

Наводит на размышление и содержание дарственной надписи Есенина, и название сборника стихов, на котором она сделана — «Преображение». Может быть, совпадение случайное. Тогда оно символическое. Ведь оба они — и поэт, и фантаст — мечтали, каждый по-своему, о преобразении «Руси советской».

Несколько лет назад, после полувекового перерыва, издательство «Молодая гвардия» вновь напечатало роман Александра Богданова. Современные критики называют это произведение предтечей советской научной фантастики.

Александр Александрович Малиновскому больше семидесяти лет. Но он бодр, энергичен, полон творческих планов.

Профессор Малиновский очень скромно одет и прост в обращении. Непосвященному трудно предположить, что его труды цитируют генетики и антропологи, скульпторы и философы, математики и врачи. Гостя Александр Александрович всегда проводит до станции метро «Краснопресненская», причем в любое время года он без пальто и головного убора. По дороге не преминет рассказать, что рос болезненным юношей, но по совету отца «поменялся кровью» с пожилым мужчиной, после чего расцвел физически.

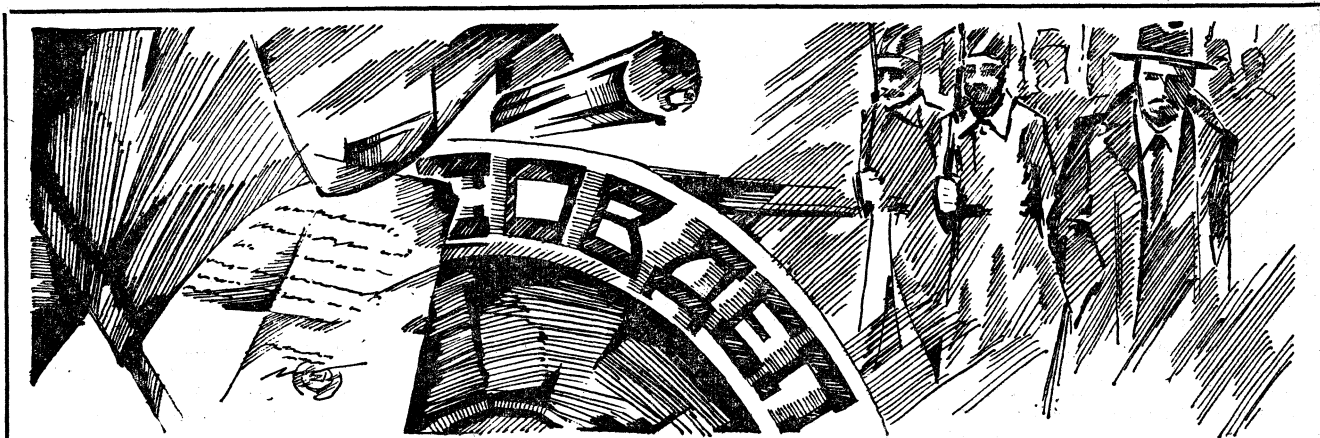
И все-таки однажды, провожая вологодского гостя, Александр Александрович накинул плащ стального цвета, заметно великоватый ему. Перехватив вопрос на лице приезжего, он улыбнулся и рассказал историю плаща.

Оказывается, этот плащ подарил ему «со своего плеча» писатель-фантаст Ефремов. Их связывала дружба. «То был человек, могучий и духом, и телом, — сказал об Иване Ефремове профессор Малиновский, — один из немногих современных фантастов, он талантливо и смело писал о человеке будущего».

На вопрос, как познакомился он с Ефремовым и что их сдружило, Александр Александрович ответил, что их сблизил общий интерес к роману «Красная звезда». Писатель высоко отзывался об этом произведении и много сделал для его переиздания. К сожалению, роман увидел свет, когда И. Ефремова уже не стало.

Вот на какие размышления и обобщения натолкнул меня автограф великого русского поэта Сергея Есенина, сделанный им на сборнике стихов «Преображение».

На снимках: А. А. Богданов, тюремное фото (публикуется впервые); автограф С. Есенина; титульный лист книги А. Богданова «Красная звезда», изданной в 1908 году.

В Ярославле, В Восемнадцатом ...

Леонид
БОГОЯВЛЕНСКИЙ
Рис. Сергея Малышева

Эти документы я совершенно случайно обнаружил в ворохе писем, платежей, справок, квитанций и других бумажек, которые с годами накапливаются в каждой семье. И меня охватило то просветленное чувство радости, которое появляется у человека, сделавшего пусть совсем маленькое, но все же открытие.

Полуистлевшие, с обтрепанными краями листки оказались подлинными документами времен гражданской войны. Трогаю серую, шершавую бумагу мандатов и удостоверений Советской власти, вчитываюсь в тексты и — оживают строки. Воображение и фантазия дорисовывают обстановку и побуждают к поиску. Встречи, расспросы, книги, архивы...

Дело увлекло, захватило и не отпускает.

КТО ОН?

Документ первый, письмо

«Осло. 25 января 1928 г. Владимир Михайлович, я крайне сожалею, что Ваше письмо так долго путешествовало за мною и что я только недавно могла исполнить Вашу просьбу о пересылке Вашего ходатайства во ВЦИК. Приложила и свою рекомендацию Вам, так как прекрасно помню, как Вы твердо и мужественно защищали меня, «опасную» большевичку, в дни, когда на Волге нарастало и готовилось Ярославское восстание.

Мне очень и очень досадно, что я не смогла ранее направить во ВЦИК Ваше прошение из-за случайности, по которой письмо Ваше ко мне так сильно запоздало.

Сообщаю Вам мой адрес и сделаю, что могу.

*С приветом А. Коллонтай.
Легатин де УРСС. Ураниенберг-вейкен, 2; Осло, Норвегия.*

Письмо напечатано на листе белой, чуточку шероховатой бумаги. Подписано фиолетовыми чернилами. Другой рукой размашисто, но четко, в левом нижнем углу выведен адрес.

Имя Александры Михайловны Коллонтай широко известно и в нашей стране, и за рубежом: соратница Ленина, активная участница Октябрьского вооруженного восстания, народный комиссар в первом Советском правительстве, оратор, публицист, писатель, дипломат, первая в мире женщина-посол... Такова Коллонтай. А что сказать о ее адресате — Владимире Михайловиче? Кто он? При каких обстоятельствах защищал Коллонтай на Волге летом восемнадцатого года?

Вчитаемся внимательно в текст. В нем — теплота и дружеская озабоченность. Это не сухая, официальная бумага с исходящим номером и не отписка случайному знакомому. Между письмом и событием — девять с половиной лет: фронт, напряженная партийная и политическая работа,

поездки за рубеж... Тысячи людей прошли перед глазами, десятки и сотни новых знакомств и встреч. Но Коллонтай прекрасно помнит и ситуацию лета 1918 года, и того, кто был рядом с ней в короткую, но трудную минуту.

Что же случилось тогда?

ИЗ ПРОШЛОГО Воспоминание

Старцева гора в Сарапуле на Каме крутым откосом падает к самой воде реки. Картина необъятного простора открывается глазу. На противоположном берегу — плоская равнина. Синь хвойных лесов и желтизна хлебных полей. Внизу, под откосом, широкая река. Видно, как струится красноватая камская вода.

Своя жизнь у реки. Возле грузового причала кланяется, сгибая длинную шею, порталный кран — «гусь», черпает ковшем гравий в трюме баржи. Повизгивает «кукушка» — маленький паровозик. Речной трамвай отваливает от пассажирского причала, разворачивается по течению, увозит пассажиров за Каму. Огромный плот вытянулся по фарватеру. Желтобокий буксирный пароход с высокой черной трубой шлепает по воде плечами деревянных колес...

Краем откоса взбираемся на Старцеву гору. Там живет наш хороший знакомый и дальний родственник (тесть моего дяди), Владимир

Михайлович Дружинин, «дедушка Беленький», как называют его мои дети. Он уже стар — восьмой десяток идет, слаб здоровьем и не может, как было раньше, спускаться с горы и преодолевать неблизкий путь до нашего дома. И всякий раз, приезжая в отпуск, мы навещаем его.

Всегда предупредительный, вежливый, но не льстивый, он никогда не повышал голоса, не произносил бранного слова. Будучи немногословным, больше слушал, чем рассказывал сам.

В его внешности, манере поведения проглядывал минувший век. Белый накрахмаленный воротничок и такие же манжеты с изящными запонками, галстук, жилет, «Павел Буре» в чугунном корпусе на серебряной цепочке (дореволюционные часы знаменитой фирмы), очки в тонкой оправе, усы с чуть закрученными кончиками. В руке трость — толстая суковатая палка, покрытая темным лаком.

В тридцатые годы, мальчишкой, слышал, что Владимир Михайлович, по профессии юрист, работал адвокатом и даже судьей, занимал высокие посты. И что руки у него золотые, умелец, разгадает секрет любого, даже самого хитроумного замка, разбирается в часовых механизмах, знает работу по металлу.

В отпуск 1963 года застал я Владимира Михайловича в больнице: уже совсем плохо работало сердце. А через несколько дней мы скорбной процессией шли на ту же Старцеву гору, провожая его в последний путь.

Минуло еще десять лет. Не стало его дочери, жены моего дяди. В ее бумагах мы с братом и обнаружили письмо Коллонтай и другие документы Владимира Михайловича.

Просматриваю книги о жизни Коллонтай. Ищу, что сказано в них о ее поездке на Волгу. В книге «Не дом, но мир» Э. Миндлина читаю: «Летом ЦК партии направил Александру в агитационную поездку на пароходе по Волге. На останках в городах Поволжья она выступала с докладами. В Ярославле в те дни вспыхнуло поднятое эсерами восстание. Коллонтай едва не оказалась в руках восставших — в самый последний момент пароход успел повернуть назад в Кострому. Это было спасением от верной мучительной смерти...»

Деталей в книге не было. Написал через издательство автору, но не получил ответа.

А что же делал тем летом на Волге В. М. Дружинин?

СЛЕДОВАТЕЛЬ

Документ второй, удостоверение

«Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в г. Козмо-

демьянске. 14 февраля 1918 г., № 321, г. Козьмодемьянск.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Настоящее удостоверение выдано Владимиру Михайловичу Дружинину в том, что он состоит членом Козьмодемьянской судебно-следственной комиссии по избранию Общего Собрания Козьмодемьянского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и пользуется всеми правами члена следственной комиссии в порядке декрета от 19 декабря 1917 года, что и удостоверяется подписом и приложением Советской печати.

Председатель Баринов
За секретаря Ф. Кр...

Сохранился протокол того собрания. За В. М. Дружинина деловало самое большое число депутатов: 30 из 34-х.

Но разберемся сначала в географии. Кама впадает в Волгу возле Казани. Если плыть из Казани вверх, то через двести километров слева по ходу судна увидим дебаркадер козьмодемьянской пристани (ныне название города пишется с мягким знаком). А еще через 230 километров попадем в Горький (до 1932 года — Нижний Новгород). Через 330 километров после Нижнего достигнем Костромы. А отсюда рукой подать и до Ярославля, всего 80 километров ходу. Выше Ярославля будет Рыбинск (ныне Андропов).

Пароход дореволюционной постройки шел от Козьмодемьянска до Нижнего полсуток. Быстроходный катер одолевал это расстояние за 8—10 часов. Запомним эту цифру. От Нижнего до Ярославля около полудня суток пути.

Козьмодемьянск до революции был уездным городом Казанской губернии с шестью тысячами жителей, со 169-ю промышленными заведениями, лечебницей, библиотекой, восемью низшими учебными заведениями. В 1910 году в городе открылась мужская гимназия. Торгово-промышленные дельцы Козьмодемьянска враждебно встретили Октябрьскую революцию. Нелегко шел здесь процесс установления Советской власти. На политическую ситуацию в городе оказывали влияние эсеры.

31 декабря 1917 года Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов смещает комиссара Временного правительства, ликвидирует земство, волостные органы управления, национализирует торговые и промышленные заведения, формирует новый аппарат управления.

Председателем Совета стал беспартийный рабочий Василий Анисимович Баринов — мужественный революционер. Забегая вперед, скажем: в сентябре 1918 года он стал членом РКП(б), в 1923 году скончался в Ялте от туберкулеза. Силы, здоровье, жизнь — все отдал он революции.

В то же время правые эсеры во главе с Фирсовым и Любимовым организовали свой Совет крестьянских депутатов, пытались распространить свою власть на уезд. Сложилось двоевластие. Некоторые вопросы Советы решали совместно. Например, судебно-следственную комиссию, хотя она и формировалась как орган первого Совета, выбирали на общем собрании обоих Советов. К февралю первый Совет стал большевистским: в городе организовалась и оформилась ячейка РКП(б), отряд Красной гвардии, затем уездный военкомат, ревтрибунал и ревком.

В конце мая против Советской власти выступили части Чехословацкого корпуса. В июне — июле они захватили Челябинск, Екатеринбург, Пензу, Симбирск, Самару... Реввоенсовет Республики создает Восточный фронт. В Козьмодемьянске в эти дни формируется военно-революционный штаб по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией.

Пятого июля эсеры подняли мятеж в Москве, а шестого — в Ярославле. В Козьмодемьянске эсер Любимов организовал выступление крестьян уезда против большевистского Совета. В город явилась толпа сагитированных им крестьян и попыталась схватить Баринова и других членов исполкома. В этой ситуации власть в городе временно взял в руки военно-революционный штаб. Был избран новый, объединенный Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Его председателем вновь избрали Баринова.

7 августа чехи захватывают Казань, но, встретив упорное сопротивление красных отрядов, дальше, вверх по Волге к Козьмодемьянску и к Нижнему продвинуться не могут. Но и здесь, в тылу фронта, было не спокойно: бесчинствует и грабит склады вооруженный отряд предателя Трофимовского, эсера, бывшего начальника снабжения Восточного фронта. В селах близ Козьмодемьянска восстали против Советской власти кулаки. В самом же городе положение твердо контролировал большевистский Совет. Козьмодемьянская партийная организация пополнилась новыми членами, оформляется городской партийный комитет РКП(б). Создается уездная ЧК. Милиция, которая в дни февральской революции сменила царскую полицию, и отряд Красной гвардии объединяются в новую, рабоче-крестьянскую, красную милицию. Так вот, с августа 1917 года по февраль следующего начальником козьмодемьянской милиции и был В. М. Дружинин.

Родился он в городе Осе, на Каме, недалеко от Сарапула. Отец, Михаил Иванович, по профессии ветеринар, служил в земстве, где начал службу и его сын. Весной 1917 года Владимир Михайлович работал на заготовке хлеба для населения гор-

ных заводов Урала в Красноуфимском уезде. Потом недолго занимал должность участкового начальника милиции. Получил приглашение в Козьмодемьянск. В партии он не состоял, но организацию большевистского Совета в Козьмодемьянске горячо приветствовал и активно работал по укреплению Советской власти в городе и уезде. Возможно, повлияли тут и хорошие личные взаимоотношения с В. А. Бариновым. Получив большинство голосов на выборах в судебно-следственную комиссию, В. М. Дружинин и возглавил ее, став вначале фактическим, а затем и официально утвержденным председателем комиссии. Шел ему тогда 37-й год.

Вот в эти дни и отправляется вверх по Волге агитационный пароход ЦК партии, на котором находится член ЦК А. М. Коллонтай. В ту пору ей было уже сорок шесть лет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Документ третий, удостоверение

«Комиссариат по военным делам Козьмодемьянского уезда Казанской губернии. 8 августа 1918 года, № 6178, г. Козьмодемьянск.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Настоящее удостоверение выдано председателю уголовно-следственной комиссии Казанского окружного суда Владимиру Михайловичу Дружинину в том, что ему штабом Козьмодемьянской военной коллегии разрешается хранение по обязанностям службы огнестрельного оружия и патронов.

*Член военной коллегии
Л. Красильников».*

Другой документ выдан Дружинину на право свободного выезда и съезда в Козьмодемьянск по делам службы. Ему разрешалось также внеочередное получение билетов, проезд в товарных, служебных, скорых, воинских и всякого рода иных поездах и пароходах, а также на отдельно следующих паровозах.

Итак, Владимир Михайлович вооружен и может свободно передвигаться в зоне военных действий. Приходилось ему плавать и вверх по Волге до Нижнего Новгорода на катере «Совдеп», который находился в распоряжении Совета.

На палубе катера установили пулемет, вооружили команду. «Совдеп» охранял пристань и город с реки, патрулируя вдоль берегов, сопровождал транспорты с грузами и баржи с красноармейцами, отправляющимися на Восточный фронт.

Вполне вероятно — подтверждение этому пока нет, — Козьмодемьянский Совет получил телеграфное распоряжение направить свой катер в Нижний Новгород для сопровождения и охраны агитпарохода ЦК на каком-то отрезке реки. А Дружинину, как человеку безусловно на-

дежному и ответственному, была поручена безопасность работника ЦК. Это было тем более удобно, что внешне он не походил на «красного», не носил гимнастерки или комиссарской кожанки. Костюм-тройка с галстуком-бабочкой, штилеты и трость не могли вызвать подозрения у эсеровских сыщиков. А местность и селения по маршруту парохода он знал хорошо.

НА МИТИНГЕ

Из рассказов моих братьев

Единственный человек, который знал все подробно о жизни В. М. Дружинина, была его дочь, Галина Владимировна. Но, увы... Наша мама, которая и ныне живет в Сарапуле, лишь смутно помнит какой-то разговор о знакомстве Владимира Михайловича с Коллонтай. Там же, в Сарапуле, живет и мой брат Валентин Сергеевич. Однажды он и отец помогли «дедушке Бельенькому» пить дрова. Старики вспомнили свое участие в революции, и тот рассказал, как он спас Коллонтай. Память брата сохранила лишь обрывок рассказа. Будто бы Владимир Михайлович успел спрятать ее где-то, укрыть от преследователей.

Второму брату, Серафиму Сергеевичу, из рассказов Дружинина запомнилась такая сцена. Коллонтай выступала на митинге. Какие-то люди с криком и угрозами в ее адрес бросились из толпы к трибуне. Владимир Михайлович, прикрывая Коллонтай, смешался с толпой и быстро увел ее дворами и переулками к реке, где стоял пароход.

Вот и все, больше у меня «нет данных». Можно лишь сожалеть, что поздно мы хватились. Расспросить бы нам «дедушку Бельенького»...

В книге А. Иткиной «Революционер, трибун, дипломат» цитируется письмо известного советского артиста В. И. Качалова к Коллонтай: «Привет Вам от Волги. Вспоминали Вас там. Помните в 18 году мы с Вами ехали на пароходе от Ярославля или от Рыбинска до Нижнего. Вы читали лекции, мы халтурили с «Дном» и еще с чем-то, в Ярославле эсеры поднимали восстание, на Самару напирал Колчак... Чуть было не угодили в Ярославское пекло, но вовремя метнулись назад в Кострому и вернулись благополучно в Москву».

Это единственное воспоминание очевидца, которым и пользовались биографы знаменитой революционерки. Как видим, между ним и рассказами моих братьев нет противоречия. Но есть неточности. Из Рыбинска или Ярославля невозможно «метнуться назад», в Кострому, ибо она впереди, ниже по течению. Видимо, пароход шел от Нижнего к Ярославлю. И Колчак не напирал на Самару летом 18-го года. В это время

он был еще в Англии и появился в России позже.

Из Поволжья А. М. Коллонтай вернулась в Москву. А как сложилась жизнь Владимира Михайловича?

В МАРИОБЛИСПОЛКОМЕ

Документ четвертый, удостоверение
«РСФСР. Революционный комитет Марийской автономной области. 24 января 1921 г., № 116, г. Краснококшайск.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано сие от революционного комитета Маробласти Владимиру Михайловичу тов. Дружинину в том, что ему поручается организация областного отдела юстиции на правах временного заведующего последним, что подписью и приложением печати удостоверяется.

Председатель ревкома Петров».

4 и 25 ноября 1920 года ВЦИК РСФСР издал декреты об образовании Марийской автономной области и ревкома, которому и поручались все организационные дела. В июле 1921 года собрался I съезд Советов области. Он избрал облизполком. На первом заседании исполкома заведующим отделом юстиции и был утвержден В. М. Дружинин. Это был итог и вершина его деятельности в годы гражданской войны.

В его аттестации записано: проявил безупречную честность, знание действующих законоположений, выдающуюся теоретическую подготовку, широкую практическую осведомленность, личную инициативу по усрошению делопроизводства и искоренению канцелярской волокиты. Как злободневно звучат эти слова! В тяжелые годы гражданской войны Дружинин сохранял те качества человека и работника органов правосудия, в которых и ныне ощущается острый дефицит. А ведь он был еще председателем профсоюзной организации, корреспондентом городской газеты «Красный труд», членом драматической секции культпросветдела исполкома. И на все хватало времени!

Осенью 19-го года в Козьмодемьянске открылся музей изобразительных искусств. Его дополнили полотно Брюллова, Айвазовского, Юона, Бакшеева, которые привез сюда из Казани Павел Радимов, художник и поэт. Работали Клуб коммунистов и Народный дом. Здесь на сцене играли спектакли по пьесам Островского и Горького. В постановках участвовали Владимир Михайлович, Василий Анисимович Баринов... Революция создала иную жизнь, нового, духовно обогащенного человека. В это благородное дело вносили свою лепту и выдающиеся личности, такие, как А. М. Коллонтай, и рядовые революции, подобные В. М. Дружинину.

АВРААМИНЪВ ОСТРОВ

Анатолий ШАШКОВ

Рис. Сергея Малышева

Старинные книги. Свидетели былого. Некоторые из них до нас не дошли, и мы можем судить о них лишь по упоминаниям в архивных документах. Другие пока не «опознаны» и, дожидаясь своего часа, лежат в книгохранилищах. Третьи становятся добычей археографов. В их руках старинная печатная или рукописная книга оживает. Сквозь толщу лет начинает звучать голос Истории.

...Эти несколько километров по топкому лесному болоту казались нам бесконечными. Куда идти, знал лишь наш проводник, старый лесник и охотник Иван Иванович Молоткуров, каким-то чудом находивший потемневшие от времени зарубки на деревьях. Но вот наконец-то под ногами твердая почва. Сухой пригорок, поросший зеленой травой, могучие сосны вокруг. Мы на Авраамиевом острове.

Осматриваемся... Заросшая яма с остатками сгнивших бревен. Обвалившийся, высохший колодец. В толстых стволах сосен вырублены ниши — сюда ставили иконы. Два продолговатых бугорка — очевидно, могилы, но крестов давно нет. Говорят, что похороненных здесь старцев Авраамия и Иоанна перенесли много лет назад в другое место, но куда — никто не знает.

Когда-то здесь и на соседнем острове Пустынном стояли лесные избышки — кельи. Таких тайных старообрядческих убежищ существовало немало в непроходимых лесах и болотах Урала и Сибири. В подобные скиты и «пустыни» уходили от «антихристовой» власти церкви и феодального государства беглые крестьяне, солдаты, мастеровые. Здесь хранились и переписывались служебные и «учительные» книги, создавались полемические произведения, различные сборники и «цветники». Отсюда они расходились в «мир» — в деревни и слободы, заводские поселки и города.

Этот старинный раскольниковый скит, затерявшийся в бескрайних Бахметских болотах, был особенно знаменит. Здесь триста лет назад скрывался от преследований один из самых авторитетных вождей урало-сибирского старообрядчества инок Авраамий. Много легенд ходило вокруг его имени. Но постепенно биография Авраамия перестала быть загадкой...

XVII век. Беспокойное было это время: две крестьянские войны, городские и крестьянские восстания, стрелецкие мятежи, раскол русской церкви... Не остались в стороне от классовой борьбы и окраины Русского государства, в том числе районы Урала и Сибири. Здесь скрывались от преследований ссыльные, беглые, раскольники-старообрядцы.

Религиозный раскол в отсталой России — явление вполне закономерное. По словам Ф. Энгельса, «всякая борьба против феодализма должна была тогда принимать религиозное обличие, направляться в первую очередь против церкви». Выступления старообрядцев приобретали политический характер. Это был антигосударственный, антикрепостнический протест. Старообрядческое движение защищало прежде всего интересы крестьянства.

Уже в 50-х годах до Урала и Сибири дошли слухи о том, что патриарх Никон «переменил веру». Среди жителей Верхотурья, Тюмени, Тобольска и других городов началось брожение. В 1665 году с открытым осуждением никоновской церковной реформы выступила группа монахов и священнослужителей. Среди них был и поп тюменской Знаменской церкви Доментян. Вскоре из Сибири их отправили в заполярный Пустозерск.

В эти смутные времена молодой боярский сын Алексей Венгерский из Тобольска решил укрыться от мирской суеты за монастырскими стенами. Он надевает монашескую рясу в далеком Троицком Кондинском монастыре (примерно 1658 год) и становится иноком Авраамием. «Постригал ево черной поп Василей... И в том монастыре жил он десять лет».

В обители Авраамий подружился со строителем (так в монастыре называли тогда эконома) Иванищем, исполнявшим обязанности настоятеля. По его поручению ездил в Москву «бить челом» о монастырских нуждах. А позже по поручению братии Кондинского монастыря — в Тобольск, вступив там с церковными властями в «спор о вере», обсуждая реформы патриарха Никона. За это был сослан в Туруханский Троицкий монастырь. Оттуда ему удалось «по отпуску» вернуться в свою обитель. «А ис Кондинского монастыря вышед, жил он по разным монастырям...», был и в знаменитом Далматовском, где также имелось немало сторонников «старой веры».

В это время на родину вернулся бывший тюменский поп Доментян. Как ему удалось уйти из Пустозерска — неизвестно. Иванище, живший тогда вместе с Авраамием на Кондинской заимке (пустынь, основанная в 1662 году, недалеко от Ялutorовска на Исети), постриг Доментяна в монахи под именем Даниила.

И вот Даниил-Доментян, построивший на речке Березовке в 12 верстах от Ялutorовска свою собственную пустынь, стал проповедовать идею массового самосожжения. Наступают «последние времена», говорил он, нечего молиться за царя, продавшего свою душу антихристу. По тем временам это был крайне радикальный призыв. В пустынь Даниила стали стекаться толпы людей.

Местные власти всячески старались прекратить уход жителей к Даниилу. Особенно усердствовал в этом приказчик Мехонской слободы Гаврила Буткеев. Доведенные его преследованиями до отчаяния, мехонские крестьяне заперлись с семьями в одном из дворов и грозились, в случае, если их не оставят в покое, устроить «гарь».

На речке Березовке стоял наготове большой военный отряд. Узнав о его приближении, Даниил-Доментян и собравшиеся с ним крестьяне решились (в ночь на 6 января 1679 года) на последний отчаянный шаг... И запалили кельи-избушки, облитые смолой, заранее обложенные берестой и соломой. Сотни людей погибли в «гаре».

Начался правительственный розыск. Уже в феврале властям стало известно, что некий гуляющий человек Васка, «утеклец» из Даниловой пустыни, вместе с пашенными крестьянами Исетского острога Ивашкой Бархатовым и Ивашкой Казанцевым, «переходя во многие места, православных христиан от истины прелщают, и к церк-

виам Божиим приходить не велят». 15 марта Ивашка Бархатов и Васыка были арестованы в деревне Мостовке и отправлены с охраной в Тобольск. На поиски Ивашки Казанцева, ушедшего на Кондинскую заимку к Авраамии и Иоанну, направили военную команду.

Однако местные крестьяне отбили арестованных по дороге в Тобольск и заперлись с семьями в Мостовке. Появилась угроза нового самосожжения. Начались переговоры с тобольскими крестьянами. Они написали на имя царя Федора Алексеевича «Сказку» — один из самых ярких памятников антифеодального протеста зауральских крестьян-старообрядцев XVII века, изложив причины того, почему люди готовы «во огни гореть, якоже и у Даниила священноинок». Социальные мотивировки, грамотно построенная система доказательств защищали «старую веру». Ее крестьяне связывали со старыми, казавшимися лучше, порядками. Идеализация прошлого была обычным явлением для крестьянского сознания эпохи феодализма.

Судя по всему, самосожжений в Мостовке и в Мехонской слободе не произошло. Власти вынуждены были дать крестьянам необходимые гарантии их безопасности, а те, в свою очередь, с присущим им здравым смыслом, уже подумывали о весенней пахоте...

Через три года, в связи с Московским церковным собором 1681 года, после которого начались новые преследования старообрядцев, в Зауралье стала назревать новая вспышка массового протеста. В Утяцкую слободу к Федору Иноземцеву стали стекаться из разных мест крестьяне, драгуны, «гулящие люди», беломестные казаки, жители посадов. Образовалась новая пустынь.

Активную роль в этом «зборище» играли старцы Авраамий Венгерский и его друг Иванище Кондинский. Они, кстати сказать, были противниками самосожжения. Мнения разделились. Тогда Авраамий, видимо, предложил обратиться за советом (в 1681 году) к высшему авторитету в расколе — протопопу Аввакуму. В далекий Пустозерск, где со своими союзниками томился в земляной тюрьме «огнепальный» протопоп, отправился посланец. После двухнедельного раздумья Аввакум «благословил — да сгорят».

Авраамий силой своего авторитета сумел, вероятно, отсрочить «гарь» и внести сомнения в законность аввакумовского благословения, сделанного без совета «с братьей». После нового визита в Пустозерск стало известно, что Аввакума и трех его товарищей — попа Лазаря, инока Елифания и дьякона Федора Иванова 14 апреля 1682 года сожгли в срубе «за великие на царский дом хулы».

Посланец, очевидно, привез и вести о стрелецком восстании в Москве, которые усилили дух Утяцкой слободы. Люди «зборища» открыто протестовали против «антихристовой» царской власти. Именно тогда Авраамий вместе с Федором Иноземцевым написал «Сказку» о том, почему они отказываются целовать крест (то есть приносить присягу) новым царям Ивану и Петру.

В декабре 1682 года в Утяцкую слободу были посланы войска, что вызвало новое самосожжение (по некоторым сведениям, сгорело 104 человека).

Старцы Авраамий, Иоанн Кондинский и те, кто выступал против добровольного самоубийства «во имя веры», сумели скрыться. Разыскивать староверов были посланы из Тобольска и Тюмени военные отряды.

15 января 1683 года один из таковых отрядов, под командованием сына боярского Федора Фефилова, прибыл на Дальние Кармаки. В деревне Гилевой стрельцам повезло: при обыске в доме крестьянина Ивана Коробейникова «сыщики» обнаружили «в избе тринадцать книг, да в двух ящиках письма неведомо какие».

Конфискованные книги, письма и их владельца, уже изрядно избитого, стали грузить на подводы. Однако крестьяне, собравшись большой толпой, заявили сыну боярскому: «Мужика тебе ныне не дадим». Слова они подкрепили весьма активными действиями: освободили Ивана Коробейникова и отняли у стрельцов его книги. Крестьяне «за книги учительные Псалтырь да Часовники, да Сборничек» печати царя Михаила Федоровича, «да за святых отец предание» готовы были идти на смерть. А узнав от Коробейникова, что стрельцы разыскивают старцев, они кричали: «Мы-де за тех людей умираем, за Авраамия и за Иванища!» В итоге посрамленные «сыщики» вернулись ни с чем.

Вполне возможно, что у Коробейникова хранились книги Авраамия и Иоанна.

После событий в Утяцкой слободе Авраамий Венгерский и Иоанн Кондинский скрывались на Ирюме. У деревни Ильиной они основали скит. Через четыре года, когда и здесь стало не очень спокойно, они перебрались на Дальние Кармаки, где на пустынных островах, затерявшихся в непроходимых Бахметских болотах, возникнут их кельи.

После смерти Иванища пустынь инока Авраамия разрастается. Его имя приобретает все более громкую славу среди урало-сибирских староверов.

Авраамий был неуловим. Но в конце 1701 года тюменским властям удалось схватить известную «расколщичку», беглую стрелецкую женку Ненилку Кузнецову, связанную со старцем. Под пыткой она дала согласие проводить «поимщиков» на острова.

В начале 1702 года тюменский воевода Осип Тухачевский организовал для поимки «того расколщичка старца Аврамки» специальную экспедицию под руководством сына боярского Василия Некрасова и подьячего Ивана Васильева. Неожиданный налет на укрытый в болотах скит увенчался успехом: сам Авраамий, его товарищ — старец Варлаам, имущество были захвачены, кельи на Авраамиевом и Пустынном островах сожжены. «Те пустынные дватцать две книги» были доставлены в тюменскую приказную избу.

Судьбой захваченных книг распорядился воевода Тухачевский. 6 из них он велел «отдать для службы в соборную церковь... для того, что в соборной церкви после пожара разорения книг малое число». Остальные 16 книг, 9 печатных и 7 рукописных, были до особого распоряжения «запечатаны под приказною избою».

Участь Авраамия Венгерского и тех, кого схватили в связи с его «поимкой», была решена чиновниками Сибирского приказа в апреле 1702 года довольно традиционно: его самого, Варлаама, Ненилку Кузнецову велено было отправить в Тобольск. Старцев здесь ждали застенки в архиерейском доме, а остальных — розыск с кнутом и дыбой и наказание, «чем будут по винам своим достойны». На Софийский двор приказано было отправить и все конфискованные книги.

В тюремных подвалах Тобольского архиерейского дома, в кельях Знаменского монастыря узников, закованных в колодки и притянутых цепями к стене, в перерывах между пытками палачи в рясах убеждали вернуться в «ограду» официальной церкви. Отказавшиеся обратиться в православие обычно погибали довольно быстро, и следственные дела таких упрямцев заканчивались стереотипным приказанием митрополита — «загрести мертвые телеса» в овраге за городом тайно, без погребального обряда. Такая же судьба ждала и непокорного старца Авраама. Но случилось иное...

Разбирая листочки и тетради из довольно-таки внушительной связки рукописей, еще несколько часов назад пылившейся на дне старинного сундука, который принадлежал милой старушке, жившей в одном из ирюмских сел, мы нашли ветхий сборник, написанный небрежным полуставом прошлого века. Несколько листов занимало историческое повествование, где одним из главных героев был старец Авраамий. Именно это сочинение (так называемая «Рукопись о древних отцах»), написанное во второй половине XVIII века тогда еще для нас неизвестным автором, и поведало нам о дальнейшей судьбе Авраамия Венгерского.

Через несколько лет после своего ареста он с помощью некоего человека по имени Калина бежал из Тобольского Знаменского монастыря. Вернулся на Ирюм, в свой старый скит близ деревни Ильиной. Здесь жил он еще некоторое время. Перед смертью тело свое попросил перевезти на Дальние Кармаки и похоронить на острове в Бахметских болотах, рядом со своим другом Иоанном Кондинским.

И еще одно предсмертное желание было у старца Авраамия: вновь собранную библиотеку он завещал своему преемнику — иноку Тарасию.

Во время кровавого розыска, следовавшего за подавлением знаменитого Тарского бунта 1722 года, когда население всего города и его округи отказалось присягать «антхристу» — будущему безымянному императору (о нем шла речь в известном указе Петра Первого о престолонаследии), Тарасию удалось ускользнуть от воинских команд. Они рыскали по всему Зауралью в поисках распространителей «раскольников прелести». А инока Тарасия искали особенно тщательно, но за двадцать долгих лет они уже успели забыть (или просто не сумели найти) то место, где некогда скрывался старец Авраамий. А именно здесь, на островах в Бахметских болотах, и переждал первую, самую страшную волну правительственного розыска его ученик. Удалось ему сохранить и полученные от Авраамия книги.

В 1723 году на тайном старообрядческом соборе престарелый Тарасий благословил свою библиотеку новому руководителю местных раскольников общин — беглому вятскому священнику Семену Васильевичу Ключареву.

Более четверти века этот человек возглавлял огромный старообрядческий приход с влиятельным скитским центром, имевшим прочные тайные связи не только с соседними крестьянскими мирами и заводскими поселками Урала, но даже с казачьими городками и станциями на Яике.

Весной 1750 года отменно налаженная и тщательно законспирированная организация тем не менее была разгромлена. Были арестованы сам Семен Ключарев и его ближайший помощник Гаврила Семеновских, имевший характерное прозвище Морока, которое он получил за редкостное умение устраивать разнообразные «чудеса» и таинственные видения.

Во время ареста Семена Ключарева были захвачены и его книги. Так в руки властей попала еще одна библиотека старца Авраамия Венгерского.

В начале 50-х годов XVIII века, когда фанатичная жестокость тобольского митрополита Сильвестра Гловатского вызвала мощную волну протеста и привела к десяткам массовых самосожжений на огромных просторах востока России, «пустынные» острова на Дальних Кармаках вновь становятся центром шумных «збориш» беглых крестьян-старообрядцев. Руководителем их стал ирюмский крестьянин Мирон Иванович Галанин. Здесь же, в своем тайнике, расположенном «между непроходимыми и великими болотами на острове в великих лесах и в двух избушках», Галанин написал и первое свое историческое произведение — «Историю про древнее благочестие». Единственный список этого прежде неизвестного сочинения нам удалось обнаружить в том самом ирюмском сборнике, в котором находилась и «Рукопись о древних отцах».

В октябре 1753 года о тайном убежище Галанина стало известно церковным властям. Прибывшая на остров воинская команда во главе с самим тюменским воеводой арестовала Галанина и его товарищей. После этого еще много лет правительственные отряды вылавливали по близлежащим тайным убежищам крестьян, бывших «в зборище к сожжению с Мироном Галаниным».

Как и старца Авраамия, о котором впоследствии будет вспоминать Галанин, его из Тюмени отправили в «тобольские козематы».

До последнего времени мы крайне мало знали о подробностях заточения Галанина. Единственным источником об этом периоде жизни крестьянина-бунтара являлось чудом сохранившееся письмо, написанное им в 1774 году своему другу — Стефану Ивановичу Тюменскому. И вот совсем недавно одному из участников нашего похода на Авраамиев остров В. И. Байдину удалось разыскать в Свердловском областном архиве документы, из которых стало известно, что через четыре года после ареста Галанина перевели в Екатеринбург, где он в числе других семи старообрядцев, также присланных сюда из Тобольска, содержался «в особливом заречном тыне», построенном еще В. Н. Татищевым, организовавшим в 1737 году полицейскую акцию по вылавливанию в уральских лесах беглых крестьян-старообрядцев.

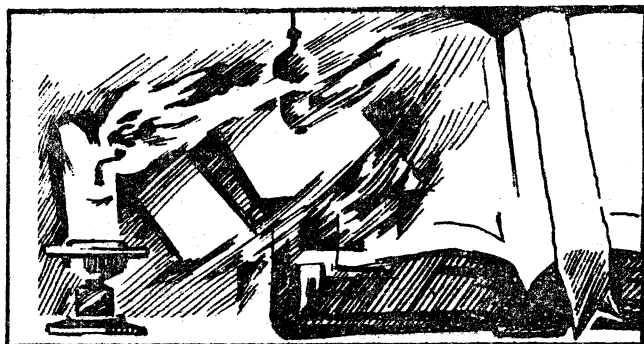
Присылка в Екатеринбург раскольников несказанно удивила Главное управление Сибирских, Казанских и Оренбургских заводов. Однако канцелярские чиновники решили все же не отсылать их назад «для избежания в пересылке изменного убытку». Присланные были освидетельствованы штаб-лекарем Шнизе и по его заключению «за старостию и приключимыми болезнями» оказались непригодными «быть в работе». Тем не менее Мирон Галанин «временно» был направлен на работы вместе с осужденными на смертную казнь колодниками на каменно-мраморную фабрику.

Только после двадцатилетнего заключения Галанин сумел вернуться на родину. Но властям так и не удалось сломить его дух. Свой немалый авторитет, добытый в борьбе и мучениях, Мирон Галанин отстаивал и на многолюдном старообрядческом соборе 1777 года в Невьянске, и в своих ярких, самобытных сочинениях.

И тут необходимо еще раз вспомнить «Рукопись о древних отцах», посвященную старцу Авраамию Венгерскому, судьба которого так напоминает трудный жизненный путь Галанина. Это, видимо, не случайно. Судя по ряду признаков, автором «Рукописи» был именно он, «ирюмский житель» Мирон Иванович Галанин.

В начале 80-х годов XVIII столетия Галанин вновь один из организаторов массового антицерковного движения урало-сибирских крестьян-старообрядцев. Тогда же его арестовали во второй раз...

Умер Мирон Галанин 26 мая 1812 года. Но имя крестьянского вожака до сих пор бережно хранят в своей памяти его земляки. Не следует забывать его и нам: не так уж много имен «простых мужиков», живших на Урале в XVIII веке и занимавшихся писательским трудом, донесло до нас время.

СТРЕЛА, НЕСУЩАЯ МИР

Мурат
РАХИМУЛОВ,
писатель

Как драгоценную реликвию до конца своей жизни хранил Гете лук и стрелу. Про этот лук со стрелой он говорил И. П. Эккерману в мае 1825 года: «Как я вижу, он все еще в том же самом состоянии, в каком был в 1814 году, когда меня почтил его подношением один начальник башкирского отряда».

Башкирский народ, как и народы всей Руси, разгромившие полчища Наполеона, может с полным правом сказать вместе с Пушкиным:

*...В бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами
кумир*

*И нашей кровью испунили
Европы вольность, честь и мир.*

Во время Отечественной войны 1812 года в Оренбургской губернии было сформировано сорок кавалерийских полков, в том числе 28 башкирских.

Вместе со всеми народами помнят и башкиры «про день Бородин». Москву в рядах русских войск защищали четыре башкирских полка. В одну из ожесточенных атак французам удалось захватить прославленный редут Раевского. Тогда генерал Ермолов бросил в наступление батальон Уфимского полка и выбил неприятеля.

Человек исключительной отваги, замечательный воин и поэт Денис Давыдов в своих мемуарах «Тильзит в 1807 году» и «Дневник партизанских действий 1812 года» писал о башкирах: «Вооруженные луками и стрелами», «в вислouxих шапках, в каких-то кафтанах вроде халатов и на лошадях... малорослых», они были присланы «с намерением, поселив в Наполеоне мысль о восстании на него всех народов, подвластных России, устрашить его тем».

Д. Давыдов рассказывает об одном случае, свидетелем которого он был. В перестрелке взяли в плен французского подполковника, огромный нос которого насквозь был

пронзен стрелой, остановившейся ровно на половине своей длины. В тот момент, когда лекарь собирался уже пилить стрелу надвое возле самого носа, чтобы как можно безболезненнее вынуть ее, один из башкир, узнав свое оружие, запротестовал: «Нет,— говорит он,— нет, бачка (бабка.— М. Р.), не дам резать стрелу мою; не обижай, бачка, не обижай! Это моя стрела; я сам ее выну».— «Что ты врешь,— говорили мы ему,— ну как ты вынешь ее?» — «Да, бачка, возьму за один конец,— предложил он,— и вырву во; стрела цела будет».— «А нос?» — спросили мы. «А нос? — отвечал он.— Черт возьми нос!» Можно вообразить себе хохот наш... Долг платежом красен: тут, в свою очередь, французский нос восторжествовал над башкирской стрелой».

Французы прозвали башкир северными купидонами. Кстати, вместе с Денисом Давыдовым в тылу врага отважно действовал башкир — командир конноказацкого полка майор Темиров.

Подвиг башкир воспет русской литературой в самых задушевных и проникновенных словах. Он вдохновил оренбургского поэта-декабриста Петра Кудряшева на цикл стихотворений. Сами их названия говорят о доблести, верности родине: «Прощание башкирца с милой», «Песнь башкирца перед сражением», «На смерть башкирского батыра». На эту тему создано немало исторических народных песен. Например, башкирские песни, дошедшие до нас в вольных переводах П. Кудряшева.

*Он коня седлает верною,
Надевает шлем с кольчугою,
Прицепляет саблю острую,
Лук тугой за плечи вешает
И колчан с стрелами мехкими...*

Вместе с мужьями и братьями в войне участвовали и башкирские женщины. Оренбургский краевед первой половины XIX века Василий Зефирин в «Рассказах башкирца Джантюри» описал подвиг отважной башкирки. Французы окружили отряд конников. Ему грозила неминуемая гибель. Женщина, благодаря своей находчивости, спасла отряд и была награждена боевой медалью. Среди башкир до сих пор бытует песня «Ирэмэль», воспевающая подвиг женщины-башкирки, участницы Отечественной войны 1812 года.

Смелость башкирских воинов признавал сам неприятель. Французский генерал де Марбо в своих мемуарах писал, что русские получили подкрепление, состоящее из большого количества башкир и татар; эти вновь прибывшие части, вооруженные одним луками и стрелами, стремительно атаковали личный конвой Наполеона... Другой мемуарист, Дюпюи, писал: «Нас осо-

бенно угнетали отряды башкир, вооруженных копьями и луками»

...Великий Гете, отложив в сторону перо, брал в руки башкирский лук. Стрела, пущенная из него батыром, принесла мир, дала возможность творить гениальному художнику.

г. Уфа.

ТЕКСТИЛЬЩИК — ПРОФЕССИЯ СИБИРСКАЯ

Владимир
ЖЕРНОВНИКОВ,
журналист

Кто не знает о том, что «на Сибири и пряли и ткали»? В каждом доме была прялка, да не одна — несколько. В больших семействах имелся ткацкий станок. Однако долгое время эти занятия оставались домашними.

Лишь в XVIII веке под Тюменью и в Тобольске появились суконные фабрики, мастерские, занимавшиеся изготовлением судовых и рыболовных снастей, полотняная и шелкоткацкая мануфактуры. Как товары кустарного изделия, так и промышленные всегда пользовались широким спросом на ярмарках и в Тобольске, Ирбите, Кургане и далеко за пределами Тобольской губернии.

Вот что пишет о мануфактуре тобольского купца Ф. Ф. Кремлева, основанной в 1793 году, доктор исторических наук Д. И. Копылов:

«Предприятие имело хорошее по тем временам оборудование и выпускало в год до 6000 аршин шелковых, полушелковых и бумажных тканей и 5000 аршин лент. Продукция не уступала по качеству тканям московских мануфактур и вся без остатка расходилась в Тобольске».

Славилось и тюменское сукно, тонкое, добротное. Но настоящую славу приобрели здешние ковры. «Ковров в Тюмени выделяется довольно много, хотя и нет для них постоянно и правильно организованных фабрик. Ковры эти по доброте,

чистоте и изящности рисунка и отделки, а также по прочности красок не могут выдержать сравнения с бухарскими, но надобно сознаться, что выделка их совершенствуется год от году и употребление довольно распространено не только в Сибири и во внутренних губерниях, но они продаются даже в царстве Польском...» Это строки из «Памятной книжки для Тобольской губернии» 1864 года.

А в газете «Неделя» того же времени о былой славе тюменских ковровщиц упоминает Юрий Кларов в повести «Сафьяновый портфель, или Премия Наполеона»: «Ассортимент товаров в магазинах Елпатова в России не исчерпывается изделиями Востока. Здесь также можно было приобрести русские ковры, преимущественно тюменские, с пышным разнообразием растительного рисунка на черном фоне и длинным ворсом, исполненные в так называемой «махровой технике».

Ковры из Тюмени охотно покупали в Петербурге, при царском дворе, и всюду, где знали цену работе сибирских мастеров.

В советское время, до войны и после, заметную роль в крае играли ковровые артели и льношенильковые заводы, которые работали на местном сырье.

Так что профессия текстильщика в Сибири давняя.

Как-то в Москве, при посещении ГУМа, я был приятно удивлен, увидев ткань «Светлана» производства Тюменского камвольно-суконного комбината.

Рождение в этом городе текстильного гиганта связано с тем, что Тюмень стала центром уникального по своим масштабам нефтегазового региона. Комбинат — внушительное даже по современным меркам производство. Под одной крышей целых пять фабрик, задействованных в сплошной конвейер. С него почти непрерывно сходит пряжа ярких и нежных цветов, пальтовые и костюмные ткани.

Характерны их названия: «Сиверга», «Полярный», «Меглон», «Медея», «Харис»... И вот «Светлана». На ежегодных ярмарках в Москве с тюменскими текстильщиками охотно заключают договоры швейные и торговые предприятия Украины, Белоруссии, других союзных республик, крупных городов страны.

На комбинате насчитывается более 200 профессий и специальностей. Ведущие из них известны у нас издревле.

Старый промысел получил новую жизнь.

г. Тюмень.

Рис.
Евгения
Охотникова

Федор АРХИПОВ

СТАНЦИОННЫЙ КОЛОКОЛ

Отлитый в семнадцатом веке,
с оторванным «язычком»,
висит на шершавой он рейке
с привязанным к ней молотком.
Он сотни изведал бомбежек,
иссечен осколками бомб,
но петь еще здорово может
и весело: «Бом-тили-бом».
Щербатый
от вылома с краю,
натертый до блеска песком,
он утром побудку играет
с железным дружкой-молотком.
И днем поездам салютует,
и ночью их славит приход.
Под песню его молодую
к вагонам стремится народ.
В лихую годину набатом
гремел он у всех на виду
и так ликовал в сорок пятом,
когда мы попрали беду...

НА ОЗЕРЕ

Мне кажется,
он сдержанно ликует
среди лесов и невысоких гор,
когда-то нареченный Таватум
в чешуйках бликов солнечных
простор.
Там ветер свел его
в меха гармони,
а тут он — как пластиночки слюды,
и кудри пышные
над ним березки клонят,
заглядывая в зеркало воды.
Над мысом —
облаков белесых ярус
и голубых распльвов череда,
в которых распластался чайкой
парус,
несущийся неведомо куда.
Хрусталь воды
я черпаю ладонями
и пью, как будто струи родника —
родимого, уральского,
исконно
дарованного людям на века.

Федор Петрович Архипов — автор трех книг стихов, многих коллективных сборников и публикаций в журналах «Смена», «Сибирские огни», «Волга», «Дальний Восток», «Советский воин».

Принимал активное участие в разгроме фашистской Германии и милитаристской Японии в 1941—1945 годах.

По профессии — педагог.

СПОКОЙНО ЛИ МОРСКОЕ ДНО?

Газогидраты (умершая органика), смешиваясь с осадками на дне морей и океанов, образуют губчатые слои... Глубинные течения кое-где добираются до этих залежей, размывают их. Они взрываются, и водогазовая смесь бьет вверх! Не эти ли неожиданные удары «морского дьявола» губят корабли, к примеру, в районе Бермудского треугольника!..

— Это тот случай, когда наука не может сказать «да» или «нет». Это тот случай, когда наука говорит «может быть».

Запомните это интервью: оно подтвердится или будет опровергнуто совсем скоро, еще в этом веке.

И тогда станет ясным, что это: или самое невероятное, самое крупномасштабное предсказание, открытие XX века, триумф науки или... миф, самообман.

Такое заявление сделал для нашего журнала кандидат технических наук Рюрик Петрович Повилейко. Автор «Уральского следопыта», сегодня он выступает в качестве нашего корреспондента и берет для нас интервью у Владимира Петровича Царева, другого нашего автора, доктора геолого-минералогических наук, заместителя директора по науке Института проблем и освоения Севера Сибирского отделения Академии наук СССР (Тюмень).

Его заслуга перед наукой состоит в том, что он в содружестве с другими учеными разработал новые представления о процессах образования и накопления углеводородов в земной коре, иначе говоря, обосновал существование нового мощного источника энергии — газогидратных залежей.

На эту тему и беседуют Р. Повилейко и В. Царев.

— Проблема во всех отношениях нова. Так что давайте, Владимир Петрович, поговорим об азбуке понимания и освоения природных газогидратов. Да и вообще, есть ли они в природе? Одни говорят, что это — открытие века, другие, что это — миф XX века. И вообще: газогидраты — вред или польза? Ведь газовая промышленность столкнулась с проблемой образования гидратов в трубопроводах достаточно давно...

— Впервые газовые гидраты в качестве причины, осложняющей эксплуатацию газопроводов, назвал в 1934 году американец И. Г. Гаммершмидт. А в 1946 году советский ученый И. Н. Стрижов, описывая примеры образования гидратов в узлах сбора газа, в призабойной зоне скважин, пришел к теоретическому заключению, что в природе могут существовать газогидратные залежи. Но о практических масштабах своего предположения он не задумывался и размеров их даже не представлял.

В 1971 году Государственный комитет СССР по делам изобретений и открытий зарегистрировал открытие советских ученых под № 75 «Свойство природных газов находиться в земной коре в твердом состоянии и образовывать газогидратные залежи». Я хочу назвать этих людей: академик А. А. Трофимук, академик Н. В. Черский, доктор геолого-минералогических наук В. Т. Васильев, доктор технических наук Ф. А. Требин и Ю. Ф. Макогон.

— Они предсказали газогидраты, в сущности, на суше. А вы были в числе коллектива авторов, которые предсказали газогидраты морские. Среди геологов и нефтяников все популярнее становится ваша статья, опубли-

кованная в дальнем 1973 году, ее все чаще вспоминают и цитируют спустя 15 лет. До вас предсказали газогидраты в природе вообще, а вы в своих предсказаниях выжили на гигантские морские залежи газогидратов.

— Да, все так. Нас, оценивших масштабы гидрообразования в Мировом океане в 1973—1975 годах, было трое: академик Андрей Алексеевич Трофимук — главный нефтяник страны, человек, сохранивший нам озеро Байкал, академик Николай Васильевич Черский — крупный ученый, прокладывающий новые пути в науке, и — ваш покорный слуга, тогда совсем молодой ученый из далекого Якутска.

— Но для практического подтверждения, предсказания, а тем более открытия нужно, чтобы были обнаружены реальные месторождения газогидратов в природе. Разве они найдены?

— Да. Американские и советские исследователи во время специальных рейсов «Гломар Челленджер» и других судов действительно обнаружили под дном морей и океанов залежи гидратов, наличие которых было теоретически предсказано советскими учеными. Встал вопрос о возможности практической разработки газогидратных залежей, о технико-экономической оценке таких возможностей в качестве замены быстро истощающихся ресурсов нефти и газа. Достаточно сказать, что освоение этих нетрадиционных видов топливно-энергетического сырья позволит в десятки раз (!) увеличить обеспеченность Советского Союза ресурсами и запасами углеводородов.

— Но по некоторым оценкам даже в сотни раз!

— Это еще требует серьезного подтверждения. Ведь мы предсказывали все на кончик пера, ориентируясь на теоретические модели, без всякого фактического материала. Многие рассматривали нашу гипотезу как забаву.

Весь парадокс в том, что та наша статья 1973 года подтолкнула американцев. Они пошли на поиски газогидратов в природе и нашли их. Потом это вернулось бумерангом к нам: журнал «Наука в СССР» заказывает нам проблемную статью. Нет пророка в своем отечестве — это же дело известное!

И сегодня, как и вчера и завтра, нужно защищать приоритет советской науки. В этом я вижу смысл сегодняшней нашей с вами беседы.

— Так что же это такое — газовые гидраты?

— Это белесые, быстро распадающиеся от тепла кристаллы, структурой похожие на обычный снег. Ну, а если говорить просто, то это твердые соединения, источники углеводородных газов.

— Каковы масштабы распространения в природе газогидратов? Стоит ли о них говорить, как о серьезных источниках углеводородного сырья?

— В природе они образуются и сохраняются там, где живет вечная мерзлота, и прежде всего под мощными покровными ледниками Гренландии и Антарктиды — необычные места для мирового складирования топлива.

И топливо нетрадиционное, и места его нахождения непривычны. Примерно треть суши, или, точнее, 27 процентов, и более 90 процентов площади Мирового океана содержат газогидраты. На суше они залегают на глубинах 200—2000 м, а в осадках дна их находят от поверхности до глубин 500—800 м. Газогидратные месторождения в нашей стране распространены на северо-западе европейской части, в Сибири и на Дальнем Востоке — на площади 2,4 миллиона квадратных километров.

Зоны гидратообразования в морях, омывающих территорию СССР, распространены на площади 3,0—3,5 миллиона квадратных километров. В этих осадках сохраняются биохимические газы, образующиеся из поступающего из толщи воды органического вещества (растительные и животные остатки), и накапливаются газы, мигрирующие из глубинных зон земной коры и мантии. В сущности, здесь на дне Мирового океана сосредоточена сегодня четверть всего органического углерода оболочек Земли. А это значит, что на суше масштабы накопления этого «нового» газа сопоставимы с обычными газовыми месторождениями, а запасы их в Мировом океане в десятки, сотни и даже в тысячи раз превышают ресурсы всех горючих ископаемых Земли — углей, битумов, нефтей, свободных газов.

Запасы газогидратов гигантские. Но надо понять, как, во-первых, они формируются, во-вторых, как их искать и, в-третьих, как осваивать и эксплуатировать.

— Начнем с земной тверди. Как проводить поиск газогидратов на суше?

— На суше месторождения газогидратов ищут так же, как обычные залежи нефти и газа. Но есть и свои особые приемы и признаки, выявляющие именно те зоны накопления углеводородов, которые могут считаться глобально значимыми и которые уже сегодня могут стать рентабельными в освоении. Если знать эти признаки (особые структуры, тепловые аномалии) и целенаправленно их использовать, то они позволяют выходить на крупные месторождения, которые уже были обнаружены в Якутии и сейчас уточняются в других районах Сибири, в частности, в Западно-Сибирской нефтегазовой провинции.

— А как искать газогидраты на море?

— При образовании гидратов в морских осадках скорость происхождения упругих волн возрастает в несколько раз. Вот почему в их поиске можно использовать стандартные сейсмо- и геоакустические методы разведки. Можно прямо отбирать пробы осадков герметичными и негерметичными пробоотборниками. Гидраты, насыщающие морские осадки, поднимают из скважин в Мексиканском заливе и при глубоководном бурении с американского судна «Гломар Челленджер» в Атлантическом и Тихом океанах. У нас они подняты с осадками в Черном, Каспийском, Охотском и Балтийском морях, со дна озера Байкал.

— Ну, хорошо, предположим, месторождение газогидратов найдено и оценено. Но ведь это сотая, если не тысячная часть проблемы. Главное — освоение залежей...

— А суть освоения залежей проста — разложить гидраты на газ и воду, а затем отобрать образовавшийся газ. Если газогидраты занимают до 30—40 процентов объема пор в пласте, то говорят уже не просто о газогидратных залежах, а о газ-газогидратных залежах. Как только отбирается свободный газ и падает пластовое давление, то нарушается равновесие, гидраты начинают разлагаться, резко охлаждая пласт.

Отбираем новую порцию газа или добавляем тепла — новое нарушение равновесия. Температуру устойчивости гидратов можно довольно сильно снизить, если закачивать специальные реагенты. Расчеты показывают, что если не учитывать теплообмен с окружающими породами, то температура пласта должна при разрушении гидратов снизиться на 20 °С. Однако практически за 20 лет разработки температура снижается лишь на 3—10 °С.

— Неужели все так просто с добычей? Тогда почему же газовая промышленность страны по меньшей мере

настороженно относится к проблеме газогидратов? Наверное, все не так просто. Наверное, есть и чисто технологические трудности, связанные со спецификой добычи газа из газогидратов?

— Конечно, все не так просто. Для разрушения газогидратов, выпадающих в призабойной зоне, в скважины закачивают метанол, используют забойные нагреватели. Эти и некоторые другие специфические операции увеличивают стоимость добываемого газа в два раза, а иногда и более.

— Перед тем как завершить беседу, позволю себе задать один не совсем научный вопрос. Недавно мировую прессу обошло новое сообщение о знаменитом Бермудском треугольнике в связи с природными гидратами. Связь гидратов с таинствами Бермудского треугольника — на чем это основано?

— Бермудский треугольник — это тропический участок океана. Очень много здесь органики, которая в конечном счете опускается на океаническое дно. Цикл такой: умершая органика — газы — газогидраты. Сколько? Невероятное количество газогидратов, которые смешиваются с осадком, образуя губчатую среду с плотностью 0,9 г/см³, то есть меньшей, чем плотность воды. А газогидраты в такой среде — штука непоседливая. Они перераспределяются в осадке, размываются глубинными течениями. А если слои газогидратов оказываются у самой кромки дна, то начинает действовать неизбежная выталкивающая сила. Громадные куски-площадки отрываются от осадка. Поднимаясь в теплой воде, они начинают быстро, чуть ли не взрывообразно, разлагаться. Напомню, что один объем твердых кристаллов газогидратов дает 100—150 объемов газа. Образуется водогазовая смесь плотностью 0,1 — совершенно воздушной. Все это, конечно, на какое-то, очень короткое время, как справедливо считает американец Мак-Ивер.

— И что дальше? Захватывающая картина!

— А дальше, если в эту среду с плотностью 0,1 падает лодка, плот или корабль, то они камнем уходят на дно. Да, как камень в океаническую яму, до самого дна. Облако метана мгновенно убивает все живое на борту. Образуются у поверхности мощные гидродинамические потоки, вихри, воронки. Если невысоко летит вертолет или самолет, то он срывается с небес в воду, как картонная елочная игрушка...

— Сегодня в лабораториях всего мира найдется не больше одного-двух килограммов того, что мы называем нетрадиционно полученными образцами углеводородов. Но они получены не просто опытным путем за лабораторными столами. Их существование предсказано в природе, и они в природе найдены. Предсказаны теоретически советскими учеными, а найдены в природе в значительных количествах американскими исследователями. Парадоксальная ситуация: держим в руках граммы, а говорим об обеспечении человечества чуть ли не на века, по крайней мере на половину следующего тысячелетия. Не самообман ли это?

— Но вспомните ситуацию с супругами Кюри — Пьером и Марией — на пороге нашего века. В сарайчике на окраине Парижа они держали в руках миллиграммы радия. Даже через годы после его открытия во всем мире не набралось бы и десяти граммов смертельно-живительного радия. А ученые уже говорили об эре радиоактивности, об эре освобождения атомной энергии, о бесконечных запасах этой энергии в природе. И это подтвердилось!

Сегодня в науке сложилась аналогичная ситуация. Кризис есть, и кризиса нет. Энергетический кризис есть, если придерживаться традиционных взглядов и ориентироваться на традиционные источники нефти и газа. Но если в воззрениях использовать нетрадиционные источники углеводородов, то нет и не будет энергетического кризиса.

Раиса
АНДАЕВА

ФРОНТОВОЙ РИСУНОК УРАЛЬЦЕВ

В Московском Доме художника установлена мемориальная доска, на которой выбиты имена художников и искусствоведов, членов Московской организации Союза художников, павших смертью храбрых на фронтах Великой Отечественной войны. Скорбный список начал именем Н. М. Аввакумова, уроженца города Асбеста Свердловской области.

С декабря 1941 года Н. М. Аввакумов работал художником в газете Третьей ударной армии «Фронтвик». Наш земляк был принят в военную Студию художников имени М. Б. Грекова и вместе с войсками прошел Белоруссию, Прибалтику, Румынию, Венгрию, Австрию. За этот период художник выполнил почти три сотни листов, около ста плакатов, более двух сотен композиционных рисунков, зарисовок.

Полтора десятка фронтовых рисунков Аввакумова хранятся в графическом собрании Пермской художественной галереи. Пермь — город, где Н. М. Аввакумов начал художественное обучение. Произведения эти в пермское собрание поступили от жены художника Г. Д. Аввакумовой.

Тематически его рисунки чрезвычайно разнообразны — портреты воинов, отдых после боя, работа фронтовой кухни, чистка орудия, места сражений, фронтовой пейзаж.

Карандаш художников тех героических лет справедливо сравнивают с пером очеркиста. Таковы и рисунки Н. М. Аввакумова. Значительны его рисунки, выполненные на Калининском фронте: «Командир орудия старший сержант Кави Тимербаев», «За чисткой орудия», «Митинг», «Разведчик Николай Орлов». Известный советский художник Н. Н. Жуков, художественный руководитель Студии военных художников имени М. Б. Грекова, вспоминал об Аввакумове: «Я получал истинное удовольствие, наблюдая, как он работал в такие минуты, когда находился в большом волнении, когда нужно было большое умение собрать себя, сосредоточить все силы на выполнении рисунка. Он работал темпераментно и в то же время осторожно».

Н. М. Аввакумов писал в те годы: «Работать приходилось в труднейших условиях — по 16—18 часов в сутки. Война потребовала от нас самого большого, что мог дать».

Работы нашего земляка полны веры художника-фронтвика в победное завершение Великой Отечественной войны. Так на обороте рисунка «На шоссе. Июнь 1944 года» читаем надпись, сделанную рукой художника: «Мы хотим окончить войну в Берлине. И ничто нас не остановит!» Исторический оптимизм, свойственный советским воинам, составляет нравственное содержание произведений, созданных в годы Великой Отечественной войны, и придает им непреходящую ценность.

Фронтовой рисунок — яркий документ и в то же время удивительно живая страница художественной летописи Великой Отечественной. Исторические, краеведческие, художественные и мемориальные музеи страны тщательно собирают и бережно хранят в своих фондах десятки, сотни фронтовых рисунков, военных альбомов, зарисовок,

в которых документально точно изображены события героических лет.

Многие из рисунков могли и не сохраниться. Они были исполнены под пулями во время бомбежек и арт-обстрелов, на передовой и в медсанбатах. Их авторы горели в танках, дрались в рукопашных схватках, освобождая родную землю от фашистских захватчиков.

Нельзя без волнения ныне рассматривать рисунки военной поры Л. Л. Попова — пермского художника-фронтвика. В собрании галереи около двух десятков его рисунков. Значительная их часть была исполнена на новгородской земле. То был январь 1944 года — время наступления Красной Армии на боевой линии Третьего Прибалтийского фронта. «Взорванный немцами мост через Волхов при отступлении фашистской армии» — читаем на одной из композиций. «Сожженная при отступлении вражеских войск деревня Нехино» — еще один рисунок из новгородской серии. Каждый из них окрашен скорбной интонацией.

Надолго останавливают наше внимание такие рисунки Л. Попова, как «Вражеские укрепления, пробитые нашими частями в январе 1944 года. Волховский фронт», «Разбитый немецкий эшелон. Станция Подберезье. 1944 год». Рисунки пахнут порохом. Стремительный штрих, растушевка пятен создают ощущение, будто рисунок рождается на наших глазах. Труднопроходимые дороги, военные обозы, вереницы машин, воинские походные кухни, родные каждому советскому воину места, которые он призван был защищать, — темы пейзажных произведений. Среди рисунков пермского собрания — работа земляка В. А. Кобелева — акварельная композиция «Дорога на фронт».

В художественно-документальной летописи Великой Отечественной войны особое место занимает портретный рисунок. Несколько композиций из своих боевых альбомов передали галерею пермяки — заслуженный художник РСФСР А. Н. Тумбасов и художник В. И. Шлендов. Их альбомные зарисовки помечены 1944-м, 1945 годами.

Чертами монументальности отмечен портретный рисунок «Герой Советского Союза, танкист И. У. Бутырин», исполненный уроженцем г. Осы Пермской области И. Ф. Титовым.

Работы уральских художников-фронтвиков — малая, но ценная частица того поистине неисчерпаемого документального материала, который создавался в годы войны.

600 МГНОВЕНИЙ ВОЙНЫ РЯДОВОГО 178-Й СИБИРСКОЙ ДИВИЗИИ КОНДРАТЬЕВА

Владимир ДОЛМАТОВ,
Виктор КОНДРАТЬЕВ (фото)

Шесть мгновений войны из шестисот, запечатленных фотоаппаратом рядового Виктора Кондратьева, были опубликованы в 10-м номере нашего журнала за 1986 год.

Живое лицо войны, увиденное на снимках, взбудоражило память, пробудило надежды. «В школе № 30 у нас до войны работал учителем Виктор Алексеевич Кондратьев, — вспоминает инвалид войны, старшина запаса С. И. Матыженок из Читинской области. — Потом я немало воевал в этой дивизии и где-то встречался с Кондратьевым. Если это Вы и есть, то очень рад, что остались живы после такой бойни. Даже если не тот Кондратьев, все равно счастье, что Вы выжили...»

*Mr. George Lewis
The Goldpiece, 4-11*

*Portrait of Sergeant
George Lewis
1945*
*Portrait of Sergeant
George Lewis
1945*

СОЛДАТСКИЙ ХЛЕБ. Мы на берегах Воти. Ажевский лес, роща Курица.

Под плотным огнем врага хозяйственники не могли подвезти нам ни продукты, ни боеприпасы. И когда одной из машин с хлебом удалось пробиться на передовую, бойцы отправились за сухим пайком. Кто они, эти солдаты, я не знаю. Всмотритесь в их лица; как сидят на них шинели. Тот боец, что стоит с мешком, похож на учителя в мирной жизни, рядом с ним — хлебороб, оторванный от родных полей. И как бы ни было мучительно трудно, они верят: победа за нами!

ЛИЦА ДРУЗЕЙ. Фронтовые фотографии — мои старые друзья, с которыми суждено не расставаться до конца войны. Иногда я достаю толстые потрепанные альбомы военных лет, устраиваясь поудобнее у окна и начинаю перелистывать. На этом снимке справа — мой друг, проживающий ныне в Киеве, И. Фомовский и я сам.

У АРТИЛЛЕРИСТОВ — ПЕРЕДЫШКА.

Солдат умеет устраиваться с комфортом. Раз есть печка, значит, можно просушить сапоги. И телефонист на боевом посту (ждет команду с НП), прикрывшись от ветра сорванной с петель дверью, не обижается на неудобства. В паузах между боями каждый находит занятие по душе: кто прилег отдохнуть, кто строгаёт деревяшку, кто возится у пушки, а тут, в центре, сочиняется письмо девушке — не иначе. Вот-вот раздастся «К бою!» — все закрутится, придет в движение, заговорят пушки... Но эти воспоминания о теплой печке еще весь день будут греть бойцов.

ВЕРНЫЕ ПОМОЩНИКИ. Бой есть бой. Пали сраженные солдаты. И тут на выручку к ним неслись санитарные собаки. Упряжка из четырех дворняг, носилки, установленные на колеса-ролики, — вот и вся повозка. Зато сколько солдат обязаны этой четвероногой «скорой помощи». Собаки у нас воевали только в первый год войны, и этот кадр про их верную службу у меня единственный. Но как-то я прочитал о свердловчанине А. П. Цветкове: тяжело раненного, его с поля боя вынесли собаки. Как отплатить долг этим безродным трудягам-санитарам? «После войны, не раздумывая, пошел работать ветеринаром, — писал Цветков, — и горжусь, что за эти годы вылечил и спас не одного барбоса». За жизнь — жизнь!

В АТАКУ. Перед броском всплещется сердце, сожмется от предчувствия невозполнимой утраты, и вот уже несешься в крике, забыв обо всем на свете. Слева, справа падают товарищи, но нельзя пока ни остановиться, ни помочь им. Одна цель движет тобою: впереди враг, не дай ему пощады. А после боя оглянешься вокруг — иссеченный лес, словно кто прошелся по нему гигантской косой, земля в болячках от воронок — и думаешь: как же это я цел-то остался...

ФРОНТОВОЙ КОНЦЕРТ. В перерывах между боями бывали у нас прекрасные минуты — концерт! Готовились к нему недолго. На ровной площадке саперы укладывали помост из досок — это сцена. А перед сценой горка — это зрительный зал. Выступали ансамбли армии, фронта или своя солдатская самодеятельность. Нередко артистам приходилось вести программу вполголоса, приглушая и музыку, ведь фрицы находились в нескольких сотнях метров от «концертного зала». Как помогали нам музыкальные паузы! Давали заряд бодрости, унимали грусть. А песни о фронтовой землянке, «Темная ночь», «Соловьи, соловьи» с первого исполнения запомнились на всю жизнь.

Не красотой слога, а глубокой искренностью подкупают эти письма. Приятно и то, что не ошибся фронтовик: да, и учитель в школе № 30, и пехотинец, которого встречал Матыженок на фронте, — это тот самый Кондратьев.

Война — уже наша история. Но годы не властны над человеческим сердцем. Свердловчанин Федор Никитич Кондратьев пишет: «Я случайно узнал о Вас из публикации в «Советской России». Фамилия и имя сходятся, и еще сходятся, что брат наш Виктор тоже взят в армию из Томска. Прочитал статью, и вот верю, и не верю, и все-таки хочется надеяться, что в газете произошла ошибка — вместо «Никитич» напечатали «Алексеевич». О, если бы действительно Вы оказались нашим братом, ведь мы его до сих пор считаем без вести пропавшим...»

Увы, в газете ошибки нет. Но, может, кто-то из читателей «Уральского следопыта» знает о судьбе Виктора Никитича Кондратьева? И еще таится надежда, что во фронтовых фотографиях Кондратьева кто-то узнает себя, своих родных и близких...

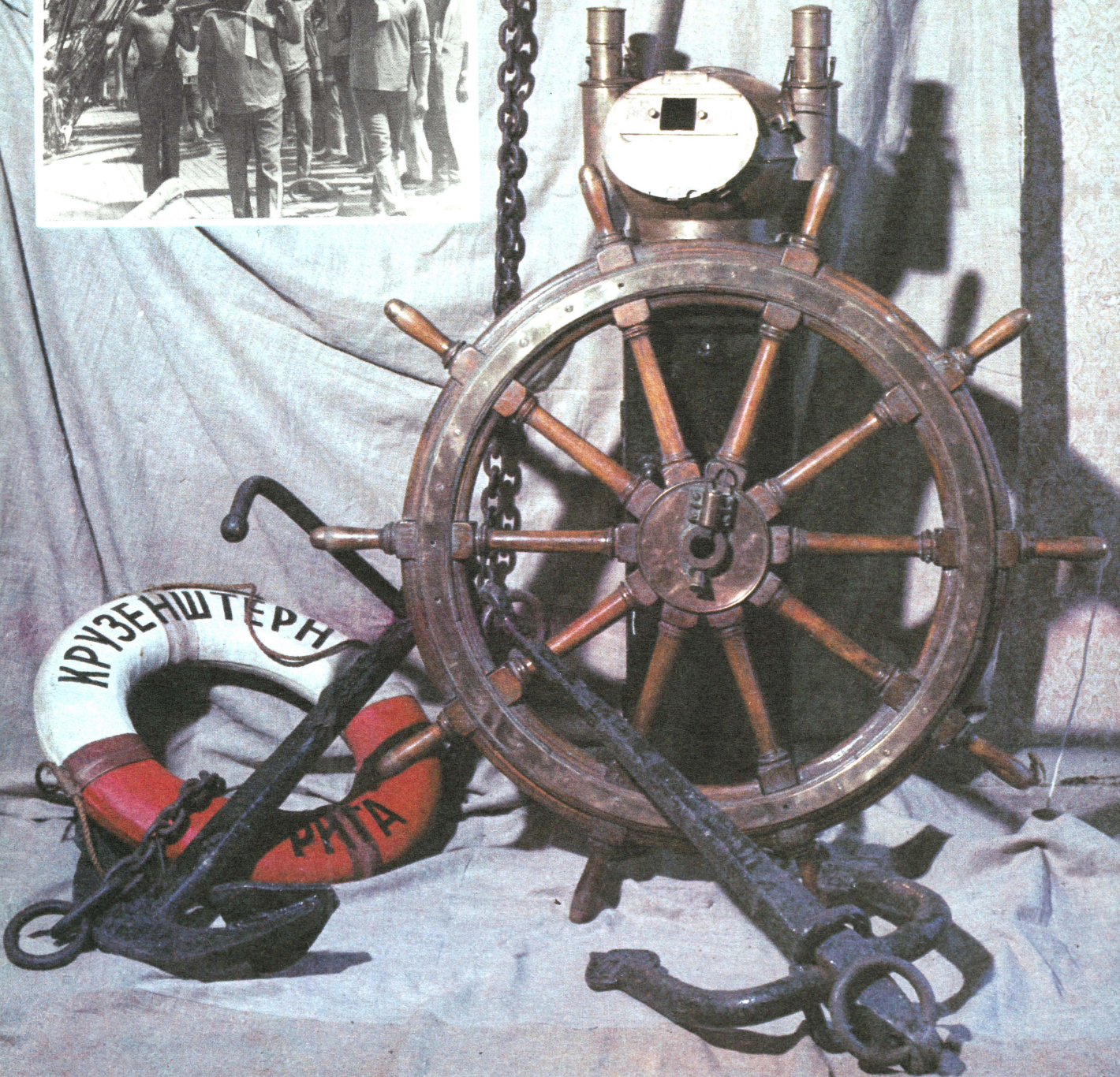

КАПИТАН УРВАНЦЕВ. Николай Урванцев (он в центре снимка) — самый молодой комбат в нашей дивизии. Про таких бы песни петь — отважен, умен, расчетлив в бою... Про то, как воевал, говорят ордена: Ленина, Боевого Красного Знамени, Отечественной войны I степени. Прошел он огненные смерчи Калинина, Ржева, а вот на Волге не убергли мы Николая, остался лежать на ее берегу.

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН

ОСТРОВА И КАПИТАНЫ

РОМАН В ТРЕХ КНИГАХ

ПОД МАЧТАМИ «КРУЗЕНШТЕРНА»

Встречи на палубе

Решили ехать в город, до Графской пристани, а там действовать по обстоятельствам. Вдруг встретятся курсанты или кто-то из экипажа «Крузенштерна»! Тогда можно будет завязать беседу и напроситься в гости. А есть и крайний вариант: зайти в диспетчерскую порта и выяснить, не пойдет ли к паруснику какой-нибудь служебный катер.

Но когда спустились от дома на причал ГРЭС, Толик придержал Гая за плечо.

— А ну, испытаем судьбу...— И громко сказал: — Дед! Напротив Голландии парусник стоит, знаешь? Подбрось, а?

В десятке метров от пирса на ялике с растопыренными по бортам удилищами сидел старичок с серебристой щетиной на подбородке и в соломенной шляпе без доньшка. Он отвечал Толику с ленивым непониманием, явно притворялся глуховатым. Но, услышав, что платой за рейс будет трешка, проявил полную и даже несколько суетливую готовность...

Через две минуты ялик с Гаем и Толиком уже тутукал движком посреди бухты. Гай перегнулся через борт и, поддернув обшлаг новенькой желтой футболки, бултыхал в воде ладонью. В зеленой глубине колыхались медузы. Утреннее солнце старательно грело Гаю спину. Вода казалась почти гладкой, но, незаметная глазу, очень пологая зыбь медленно приподнимала и опускала ялик. И внутри у Гая что-то приподнималось и опускалось.

Но это не от качки, конечно! От собственного волнения, от какой-то праздничной тревоги.

Гай не выдержал:

— Толик... А если не пустят?

— Весьма возможно. Если бы я один был, другое дело. А так скажут: куда с таким обормотом?

— Почему это я обормот?! Я — вот...— Гай пошевелил плечами в футболке. Он считал, что новой майки вполне достаточно для парадного вида. По крайней мере, в данном случае.

— А космы-то... Целыми днями шландаешь, в парикмахерскую зайти не можешь... И уши все облезлые, кожа висит. Что за привычка: с собственных ушей шкуру драсть...

Продолжение. Начало в № 4.

— Ты ко мне придираешься, потому что сам боишься, что не пустят на «Крузенштерн»,— пронзительно сказал Гай.

— Боюсь. Потому что втравил ты меня в авантюру. Думаешь, на кораблях жалуют незваных гостей?

— А ты придумай что-нибудь...

Толик хмыкнул.

Утро было безоблачное. Рубки высоких теплоходов сияли такой белизной, что синева неба сгушалась вокруг них фиолетовым контуром. И даже старый тускло-сизый крейсер, ждущий ремонта, сегодня чисто и молодо голубел под солнцем.

«Крузенштерн» издали казался небольшим, как модель в музее. И приближался сперва медленно, незаметно. А потом вдруг стал расти, расти, взметнул опутанные такелажем мачты в бесконечную высоту и навис над Гаем громадой белого борта.

По борту косо опускался к воде трап — лесенка с леерным ограждением и площадкой внизу. Но, видимо, рассчитан был трап на катера с высокими палубами или просто приподнят. Когда ялик подошел, площадка оказалась на уровне груди у вставшего Толика. Толик прочно положил на нее ладони.

Недавно признавшись Гаю в робости, Толик теперь вел себя уверенно. Вполне по-флотски. Гаю понравилось. Вскинув лицо, Толик решительно крикнул:

— На «Крузенштерне»!

Высоко вверху перегнулся через планшир смуглый мужчина в белой рубашке с погончиками.

— Слушаю вас!

— Я инженер Нечаев с морзавода,— заявил Толик.— Разрешите на борт? Есть дело!

В словах Толика была лишь капля правды. К морзаводу он имел самое-самое маленькое отношение. Но Гай не осудил дядюшку за хитрость.

— Прошу! — сказал наверху моряк. И оглянулся: — Ребята, приспустите трап!

— Не надо! — Толик легко метнулся на площадку, ухватил за руки Гая и дернул его к себе из качнувшегося ялика. Гай, разумеется, зацепился коленом и зашипел.

Деду Толик сказал быстро и вполголоса:

— Все, папаша, спасибо. Теперь давай от трапа подалее...

Борт был ой-ей-ей какой высоты, и Гаю казалось, что поднимаются они по дрожащему трапу страшно долго. Цепляясь за канат-поручень, Гай шагал за Толиком. Он прихрамывал, но про боль в колене уже не думал. Он был торжественно-счастлив.

До сих пор Гай (сейчас-то он понимал это) жил здесь в ожидании какого-то необыкновенного случая. Все время шевелилось едва заметное предчувствие, что эти мелькающие приморские дни — предисловие

ГРАНАТА

(Остров капитана Гая)

Книга вторая

Рис. Евгении Стерлиговой

к какому-то главному событию. К необыкновенному, похожему на сказку об острове.

И вот сейчас оно наступило. Наверно, в самом деле сказка. И уж, по крайней мере, — приключе-ние. Ну, в самом деле: не из обычных же дней, не из простой жизни пятиклассника Гаймуратова такое сверхающее утро, синева бухты и белый корабль-великан!

Гай чувствовал, что эти мгновения у него уже ник-то не отберет. Пускай хоть что будет потом! Пускай хоть через пять минут скажут: выметайтесь с судна!.. Впрочем, куда выметаться-то? Умница Толик — спр-овадил яличника!

Они шагнули на палубу. Смуглый моряк сказал с какой-то полувоенной вежливостью:

— Вахтенный штурман Радченко. Слушаю вас...

У штурмана была повязка — синяя с белой по-лосой.

Гай поймал себя на том, что ему хочется подтя-нуть шорты и опустить по швам руки. Он так и сде-лал.

— Инженер Нечаев... — опять сказал Толик. — Я здесь в командировке. Узнав, что на рейде стоит барк «Крузенштерн», взял на себя смелость приехать, чтобы повидаться с давним знакомым — третьим по-мощником Морозовым...

Гаю вспомнился Станюкович — в его рассказах офицеры корветов и клиперов объяснялись с такой же суховатой, но безукоризненной учтивостью. И пра-вильно. Здесь тоже парусник...

Но штурман Радченко не выдержал стиля бе-седы:

— Да как же так?! Третий помощник — я! А Мо-розова у нас нет!

— Но...

— А до меня был Бурцев! Он сейчас второй!

— Какая досада, — произнес Толик без всякой до-сады. — В шестьдесят первом году, после капремонта...

— А, так это было вон когда! — Радченко вино-вато заулыбался. — Я-то здесь всего год. Я позна-комлю вас с первым помощником, он у нас давно. Вы подождите...

Штурман ушел. Толик подмигнул Гаю. Тот рас-сеянно улыбнулся и посмотрел вокруг и вверх с ощу-щением чудес и простора.

Казалось, он не просто на палубе, а в каком-то корабельном городе. На площади, где белые дома с чисто-синими стеклами и медью иллюминаторов, вышки с локаторами и прожекторами, перекинутые в воздухе мостики со спасательными кругами на по-ручнях. А еще — громадные, повисшие на изогнутых балках шлюпки, наклонные грузовые стрелы, какие-то белые бочки, кольца толстенных тросов... Но «пло-щадь», выложенная чистыми желтыми досками, не казалась загроможденной. Она была просторна, и де-сятки людей на ней были словно редкие прохожие.

Курсанты в робах с форменными флотскими во-ротниками и матросы без всякой формы возились с бухтой троса, красили борт у спущенного на палубу баркаса, сновали туда-сюда. Два растрепанных бо-родатых человека, не похожие ни на курсантов, ни на матросов, пронесли странное зеркало — обтянутый фольгой громадный щит в прямоугольной раме... В общем, корабль-город жил своей, непонятной для посторонних жизнью...

А над этой жизнью, над простором корабельной площади возносился окутанный переплетением тро-

сов, лестниц, тонких концов с блоками и украшенных какими-то мохнатыми муфтами канатов мачтовый лес.

Мачт было всего четыре, но Гай все равно ощущал себя в лесу. Густота снастей создавала впечатление чащи. Сбегавшийся к верхушкам такелаж делал мач-ты похожими на острые, чудовищной высоты ели. Двадцатипятиметровая парашютная вышка в парке Среднекамска была малюткой по сравнению с ними. Чайка, севшая на клотик, с палубы казалась топо-линой пушинкой.

Но эта громадность была не страшной. В ней чу-дился радостный размах — под стать синим ветрам и солнечным океанам. И Гай прерывисто, толчками, вздохнул, вбирая в себя эту высоту, этот простор, это счастливое великанское чудо.

... — Первый помощник капитана Ауниньш.

Гай вздрогнул и опять опустил руки по швам.

У подошедшего высокого моряка было твердое лицо с чуть раздвоенным подбородком и очень свет-лые глаза.

— Чем могу служить? — спросил он. Его едва заметный прибалтийский акцент понравился Гаю. Так же, как нравились тут все остальное.

— Инженер Нечаев, — уже третий раз сказал То-лик и покосился на Гаю. — А это мой племянник... м... Михаил.

Ауниньш наклонил гладко причесанную голову, сказал Гаю:

— Станислав Янович... — И снова вопросительно взглянул на Толика. Тот вздохнул:

— Ваш коллега уже сообщил мне, что штурман Морозов на «Крузенштерне» больше не служит...

— Да. Он ушел два года назад.

— Понятно. Я познакомился с ним гораздо рань-ше...

— Значит, вы уже не первый раз у нас на бар-ке? — осведомился Станислав Янович.

— Первый. С Морозовым мы встречались на «Са-турне», он был туда на время откомандирован... Проект «Дина». Слышали?

— О, — сказал первый помощник и глянул внима-тельно.

— Да... — кивнул Толик, и Гай почувал, что он слег-ка расслабился. — Это было славное время.

— Значит, вы тоже гидрограф? — спросил Ау-ниньш. Как-то незаметно получилось, что они уже не стояли, а втроем неторопливо шли вдоль борта.

— Я не гидрограф... Точнее — не совсем гидро-граф. Я был в группе технического обеспечения.

Ауниньш глянул так, словно снова хотел сказать «о». Но сказал другое:

— А мы вот превратились в плавучую школу. К Министерству рыбного хозяйства приписаны.

— Жалеете? — с пониманием спросил Толик.

— Дело нужное. Но трудно перестраиваться, при-вык под синим флагом... — И он объяснил уже спе-циально для Гаю: — До недавнего времени мы были гидрографическим судном военного флота. У гидро-графов флаг синий. Только в углу на нем — военно-морской флажок.

— Почти как флаг вспомогательных судов, — слег-ка гордясь своим знанием, сказал Гай.

— Так. Но на нашем флаге еще белый круг с маяком.

— Я знаю. В Южной бухте много таких...

— Да... А теперь у нас в каждом рейсе больше полутора сотен практикантов. Масса хлопот...

— Можно представить,— посочувствовал Толик.

— Да... Но не это самое опасное. Вы, наверно, слышали уже: нас взяли на бордаж две киностудии, «Ленфильм» и «Молдова-фильм». Кому-то пришла фантазия снимать на учебном судне художественную кинокартину... Можете полюбоваться.

Навстречу шли три густобородатых матроса в широченных штанах, атласных блузах и шапочках с помпонами. Они серьезно приложили к шапочкам пальцы.

— Самые бестолковые курсанты — ангелы по сравнению с ними,— отчетливо сказал Станислав Янович.— Где кино — там порядка нет вообще. Эти понятия несовместимы.

Толик сочувственно кивнул. И спросил:

— А что за фильм-то?

— «Корабли в Лиссе». По Александру Грину.

— Да?.. Ну и... как у них получается?

— Я не знаток,— ответил Ауиньш, тоном давая понять, что не одобряет легкомысленного интереса инженера Нечаева.— Не могу судить... Но, по-моему, слишком много пустой экзотики.

Толик, видимо, не удержался:

— Наверно, вы не любите Грина?

Станислав Янович сбоку медленно посмотрел на Толика.

— Как ни странно, я люблю Грина... Хотя есть мнение, что латыши — люди излишне хладнокровные и не склонные к романтике... Но я считаю, что Грина облепили розовыми слюнями: ах, мечты, порывы души к несбывшемуся, ах, зов блистающего мира... А потом — кафе «Алые паруса», косметический набор «Ассоль» и на том же уровне — пошлые статейки о «кудеснике из Зурбагана».

— Но есть и другое. Например, у вас на Балтике — траулер «Зурбаган». Название гриновского города на борту судна — чем плохо?

— Так. Это хорошо. Но это не кино, а флот... Кино с флотом надо держать подальше друг от друга. Для обоюдной пользы... Кстати, поэтому я не одобряю вашего товарища, Морозова, если правда то, что про него говорят.

— А что говорят?

— Будто бы он ушел консультантом на Ялтинскую киностудию. Там строят шхуну для «Острова сокровищ», искали специалиста для проводки бегущего такелажа. Морозов якобы согласился.

Толик помолчал. Потом сказал с коротким смешком:

— Станислав Янович, не хочу дальнейшее знакомство омрачать хитростью. Во-первых, Морозов не товарищ мой, а почти случайный знакомый. Во-вторых, я знал, что он уже не на «Крузенштерне». Я просто придумал повод, чтобы попасть на судно. Мой племянник так страстно мечтал об этом, что я не устоял.

Они оба глянули на Гая, и он засопел, опустив голову. И мысленно сказал Толику: «Вот попрут сейчас, будешь знать».

Ауиньш помолчал и суховатым улыбнулся:

— Я подозревал что-то похожее. В командировку не ездит с племянниками...

— Нет, здесь я не хитрил...— Толик был, видимо, уязвлен.— Я и правда приехал по делу. А Михаила пришлось взять с собой по семейным обстоятельствам. Днем я на работе, а он свищет по окрестностям. К счастью, сегодня я оказался свободен... Мы просим извинить за вторжение.

— Ага,— сказал Гай и постарался глянуть на первого помощника ясно и доверчиво. Тот усмехнулся:

— Причина, я думаю, все равно уважительная... Но я, к сожалению, должен вас оставить: дела... Я дам практиканта потолковее, он будет для вас экскурсоводом. Только...— Ауиньш посмотрел на Гая.

— Я понял,— кивнул Толик.— Не спущу глаз.

Ауиньш окликнул пробежавшего паренька в форме и попросил показать экскурсантам судно. Слово «экскурсанты» досадливо царпануло Гая, но он тут же забыл об этом.

Курсант Лебедев, угловатый, с пушком на губе, на ходу сбивчиво начал лекцию. Сообщил, что «Крузенштерн» неправильно называть кораблем и надо говорить «барк» или «судно», потому что кораблями именуют лишь суда с парусным вооружением фрегатов, то есть с реями на всех мачтах, а здесь бизань — «сухая», с гафелями и гиком... Потом он перепутал год постройки и парусность, и Толик опасливо глянул на Гая: не вмешивайся.

А Гай и не вмешивался. И почти не слушал уже известные сведения. Корабельная сказка опять взяла его в плен. Так, что Гай казался себе легким, будто чайка. Весело кружилась голова.

...— Лебедев! — гаркнули из темного дверного проема рубки.— Тебя где носит? Сейчас консультация по прокладке!

— А мне первый велел гостей водить!

— Вот пускай тебе первый и ставит зачет!

Лебедев беспомощно глянул на Толика.

— А вы идите,— улыбнулся Толик.— Про барк я кое-что знаю, мы тут сами... ориентируемся.

Лебедев с облегчением исчез.

— Хватит голову задирать,— сказал Толик Гаю.— Позвонки свихнешь. Смотри лучше, какой табор...

На кормовой палубе, у подножья необъятной бизань-мачты и у громадного двойного штурвала расположились разноцветные матросы — вроде тех, что недавно повстречались у борта. Живописная компания беседовала, закусывала и, судя по смеху, травила анекдоты. Среди пиратов (а это были явно пираты, не просто моряки) сновали озабоченные люди в обычной одежде. Сияли несколько матовых зеркал (одно такое Гай недавно уже видел). Возвышался помост на колесах, на нем — тренога с камерой. С помоста прыгнул тощий лысый дядька в мятых шортах и распахнутой рубахе. Закричал тонко:

— Александр Яковлевич, я так не могу! Через час начало, а троих еще нет! Это не работа, это моя родная мама не скажет, что это такое!

— Это кино! — отвечивал курчавый невысокий парень. Он поддернул парусиновые брюки, ловко завязал узлом на животе расстегнутую ковбойку и с удовольствием зашлепал босыми ногами по теплой палубе.

— Александр Яковлевич! — кинулась за ним вслед квадратная, увешанная фотоаппаратами девица с мужской прической.

Тот, не оглядываясь, помахал рукой:

— Сейчас, сейчас! Берегите творческий запал для съемки! — И помчался куда-то. Проскочил мимо Гая и Толика.

Толик сжал Гаю плечо.

— Постой-ка, Майк... — и смотрел вслед курчавому Александру Яковлевичу непонятно.

— Что? — недовольно сказал Гай. Он не хотел отвлекаться.

— Сейчас... подожди.

Толик оставил Гая и шагнул к девице с аппаратами.

— Простите. Этот кудрявый молодой человек... он кто?

— Этот кудрявый молодой человек — второй режиссер, — сумрачно сказала она. — Общий мучитель. Скоро я его убью.

— Не раньше, чем скажете его фамилию, — спросил Толик.

Девушка-фотограф возвела на Толика волоокие, не подходящие ее мужскому лицу глаза.

— О боже. Есть люди, которые не знают Ревского?

— Мерси, — задумчиво сказал Толик. Вернулся к Гаю. Таинственный Ревский уже стремительно шагал обратно и размахивал над рыжеватой шевелюрой мятыми листами. Радостно голосил:

— Если кто-то скажет, что такого эпизода нет в сценарии, я этого человека...

Он промчался мимо Толика и Гая, скользнув по ним веселым, но нелюбопытным взглядом. И вдруг замедлил шаги, встал. Обернулся. Глянул странно: и пристально, и нерешительно.

— Шурка... — негромко сказал Толик.

Тот мигнул, наклонил голову («Похоже на Пушкина», — мельком подумал Гай).

— Толик... Нечаев?

С точки зрения Гая, они повели себя непонятно. Сперва шагнули друг к другу, будто обняться хотели. Не обнялись, но крепко взяли друг друга за локти. Потом словно застеснялись, расцепили руки. Подумав, обменялись медленным рукопожатием.

Толик стоял к Гаю спиной, лица не было видно. А Ревский улыбался — не сильно, а словно о чем-то спрашивал. Потом он сказал:

— Вот черт... Все какие-то затертые фразы вертятся. «Гора с горой не сходятся, а человек...»

— Или «как тесен мир», — со смехом вставил Толик.

— Да, неисповедимы пути морские... Ты теперь здесь живешь, в Севастополе?

— Мы в командировке... — Толик оглянулся и притянул к себе Гая.

— Сын? — спросил Ревский.

— Племянник. Михаил...

Гай негромко, но внятно сказал:

— Если еще раз обзовешь Михаилом, я прыгну за борт.

Толик растрепал ему волосы.

— Уличная братия кличет его Гаем. Потому как потомок князей Гаймуратовых.

Ревский сдвинул босые пятки и протянул руку:

— Рад познакомиться, князь. Позвольте представиться. Александр Ревский, давний знакомый ва-

шего дядюшки. Я сказал бы...—Ревский загнулся, и Гай почувал, что он прячет за улыбкой какую-то виноватость.—Я сказал бы, друг детства... если бы не боялся, что...

— А ты не бойся,— тихо произнес Толик.— Хватит тебе бояться.

Питомец флибустьеров

Ревский, сложив рупором ладони, крикнул киношной братии, чтобы ни одна живая душа (если хочет и впредь оставаться живой) не звала и не искала его в течение получаса.

Затем он увлек Толика и Гая на другой конец судна, к фок-мачте. Здесь они в тени этой мачты, в относительной тишине и безлюдье, продолжили разговор. Потрепав Гая по плечу, Ревский спросил Толика:

— Своих-то нет еще?

— Женитьба — как лотерея,— вздохнул Толик.— Раз попробовал — обжегся.

— Извини...

— Да что ты, дело житейское.

— А у меня семейство в Ленинграде. Два пацана, близнецы-первоклассники.

— Такие же кучерявые?

— Нет, в жену. Белобрысые...

— А ты и сам еще как пацан,— сказал Толик чуть дурашливо и ласково.— Все такой же, лишь в параметрах увеличился.

— Да и тебе не дашь тридцати... Тридцать ведь, да? В сорок восьмом тебе шел двенадцатый?

— Угу... Шурика, вот посмотри: ведь ничего особенного вроде и не было тогда. Ну, бегали, играли. Ну, ссорились. А потом в жизни столько всего случилось серьезного, важного. Но вот запомнилось — лето сорок восьмого...

— Толик,— тихо и серьезно сказал Ревский.— Ты, по-моему, неправ. Особенное было. Я не из тех, кто смотрит на детство со снисходительной улыбкой.

— Да и я не смотрю. Наоборот... Почти двадцать лет прошло, а нет-нет да и царапнет душу: как расстались тогда...

— Ты, Толик, хорошо расстался. Правильно. Это я был такой... максималист.

— Да нет, ты был тоже прав.

— Наверно. С тогдашних позиций... Толик, а я ведь прибежал к поезду... Ну, когда ты уезжал...

— Да? — быстро спросил Толик.— И что, опоздал?

— Нет, я тебя видел... Я за киоском на перроне прятался.

— И не подошел... Почему, Шурик?

— Все потому же. Думал, если подойду, значит, изменю ему.

— Да-а... Ну, а он-то где сейчас?

— А ты не слыхал? Товарищ Наклонов стали писателем. Сперва даже поэтом. Вышла не то в Среднекамске, не то в Свердловске книжечка его стихов. «Первоцвет» называется... Он факультет журналистики закончил, потом с геологами ходил, жил на Сахалине. Очерки печатал. В каком-то областном журнале была его повесть про рыбаков. Говорят, новую книжку готовит.

Толик осторожно сказал:

— Что-то не слышу в твоих словах прежнего обожания...

— Ты не думай, мы не ссорились... Он был, конечно, деспот, но я ему за многое благодарен. Все-таки именно он научил меня быть мальчишкой... Ну, а стали постарше, и как-то разошлись потихоньку. У каждого оказалось свое.

— Встречаетесь?

— А как же! И весьма по-дружески. Он мне свой «Первоцвет» подарил... Последний раз два года назад виделись, в Одессе. Я был там в командировке, а он на Одесскую студию сценарий привез.

— Хороший?

— Н-ну... Кстати, в кино есть свои парадоксы. Хорошие сценарии, бывает, лежат, а те, что так себе, глядишь — уже в работе.

— У него в работе?

— Нет пока. Но приняли...

Толик сказал с ехидцей:

— А то, что вы сейчас снимаете, значит, тоже «так себе»?

— А вот и нет! — Ревский вдохновенно взъерошил шевелюру.— Это будет блеск! Но каких трудов стоило пробить... Знаешь, о чем?

— Говорят, по рассказу Грина. «Корабли в Лиссе»?

— От рассказа только название. А вообще, это фильм о юности Грина. Но со вставными сюжетами из его книг... Грин как бы сливается иногда с героями своих рассказов. Например, с капитаном корсарского фрегата. То есть сначала он просто молодой матрос на этом корабле, но капитан — такой замшелый морской волк — умирает, а этого парня экипаж выбирает командиром... Сегодня как раз снимаем похороны капитана.

— И можно посмотреть? — вернулся Гай.

— О чем разговор!

— Экзюпери сказал: «Все мы родом из детства»,— вздохнул Толик.— Помнишь свой «фотокор» на треноге?

— Он говорит «помнишь»! Эта штука и сейчас у меня в сохранности! Реликвия...

— А у меня снимок сохранился. Ты после концерта в саду всех нас щелкнул. Помнишь?

...Это было, конечно, прекрасно. Встреча двух друзей, воспоминания давних лет и так далее. Но это касалось Толика и его друга. А Гаю так и переминаясь с ноги на ногу рядышком?

Заметив, что Гай потихоньку «линяет» в сторону, Толик рассеянно показал ему кулак. Гай жестами дал понять, что будет образцом благоразумия.

С минуту Гай ходил вокруг фок-мачты, потом вверх по трапу скользнул на бак. То есть на носовую палубу.

Широкая треугольная палуба светилась желтизной и дышала запахом чистого дерева. Гай постоял на носу, полюбовался громадным стволем бушприта с тросами и сетью, восхищенно подышал у сияющего колокола с надписью «Радужа» и подавил в себе преступное желание щелкнуть по медному краю ногтя. Потом оглянулся и радостно охнул: увидел пятиметровый адмиралтейский якорь. Видимо, запасной. Он был закреплен на палубе.

Гай сел рядом с якорем на чуть влажные (видно, после недавнего поливания из шланга) доски палубы. Стал гладить теплое от солнца тело якоря, как добродушного дремлющего великана. За этим занятием застал Гая пожилой усатый моряк (наверно, боцман). Он посмотрел на Гая молча, но так внима-

тельно, что тот без звука и почти на цыпочках поспешил с бака.

Толик и Ревский продолжали свои «а помнишь».

— Кудымовы куда-то уехали, ничего о них не знаю,— рассказывал Ревский.— Витек стал военным, капитан сейчас, а Рафик — он почти мой коллега, тоже в кино.

— Режиссер? — удивился Толик по поводу какого-то Рафика.

— Художник-мультипликатор.

— А, ну он к тому и шел! А Мишка Гельман где? Не знаешь?

— Мишка в шестнадцать лет сел за банальное дело — групповое ограбление киоска. Через год выпустили по амнистии. Он взялся за ум, окончил физкультурный техникум, работал учителем в интернате, женился, мотоцикл купил. А потом сел снова.

— За что? Опять за то же?

— Нет. Он ударил на уроке мальчика. Да не рассчитал, видать, тот головой о батарею. Травма... Ну и пошел Миша в знакомые места...

— За это стоит,— сказал Толик.

— А мальчик? — спросил Гай.

— Что? — глянул на него Ревский.

— Его вылечили?

— Да, конечно...

Гай снова осторожно отошел. Шажок, еще шажок... Вот и поручни. А рядом — могучие тросы вант... Про такие моменты в жизни Гая мама говорила: «Ему бес пятки шекочет». Гай оглянулся, взялся за трос. Встал на нижний прут поручней... На верхний... На перекладину вант. Еще на одну. Тросы и ступеньки еле ощутимо дрогнули под легоньким Гаем...

Как бы ни шекотал пятки бес, а у Гая хватило ума не увлечься. Поднялся на десяток ступеней — и стоп. И так вон какая высота! От воды до палубы метров пять, да от нее еще столько же. Как на крыше трехэтажного дома.

Севастополь раскинулся по обрывистым слоистожелтым берегам, по высоким склонам. Белые дома, спуски, лестницы, пыльная зелень пустырей, меловые срезы скал, путаница старых кварталов на откосах. Груды деревьев — как выплеснувшая через гребни домов малахитовая пена...

Городу тесно на холмах и берегах, он сбегает к бухте переплетением эстакад. И здесь — будто продолжение улиц: теплоходы, танкеры, крейсера с их многоэтажными рубками-домами, с башнями, мачтами и праздничным трепетаньем флагов.

А за кораблями, за белым нагромождением береговых зданий, за плоским Константиновским мысом с его старинной крепостью — бескрайность открытого моря. И там, приподнявшись над горизонтом, опять туманно обрисовался остров.

Гай вздохнул, покрепче взялся за ванты. Они еле заметно дрожали. А точнее — неслышно гудели, отзывались то ли на внутреннюю жизнь населенного сотнями людей гиганта-барка, то ли на касание соленого ветерка, что легел с открытого моря.

Это был совсем легкий, «шелковый» ветер, но он обмахивал свежестью лицо, шевелил волосы, и Гай не чувствовал жары, хотя солнце крепко припекало плечи и темя.

Ветер шел с моря, рябь на воде бежала оттуда же, и казалось, что «Крузенштерн» движется к выходу из бухты. Остров плавно вырастал над гори-

зонтон. Чайки восторженно орали, приветствуя капитана Гая...

У совершенно счастливых минут есть одно плохое свойство — они коротки. Гай услышал на палубе стук официальных шагов.

Он увидел под собой аккуратный пробор первого помощника и его черные погончики с квадратными вензелями.

Станислав Янович сказал Ревскому:

— Александр Яковлевич. Ваши коллеги сейчас, забыв о природной интеллигентности, разнесут ют, спардек и шканцы. Они ведут себя возбужденно и все требуют вас.

— О боже! Ну почему все я да я? Там есть Карбенева!

— Режиссер-постановщик сказал, что занят творческим процессом, а за оргвопросы отвечаете вы.

— А вы скажите ему...

— Нет, это уж вы скажите ему все, что считаете нужным,— перебил Ауниньш учтиво, но, кажется, с легким злорадством.

— Девятнадцать лет не виделся с человеком! — рыдающе произнес Ревский.— И поговорить не дают, изуверы!

Толик попытался «смягчить напряженность»:

— Представляете, какая неожиданность, Станислав Янович! Случайно оказался на судне и вдруг встретил друга детства...

— Поздравляю вас,— Ауниньш наклонил голову с пробором.— Если только это не новый повод для пребывания на борту...

Он, кажется, хотел придать словам оттенок шутки, но Толик глянул на него в упор и спросил тонко и задиристо:

— Следует ли думать, что я здесь кому-то мешал?

— Ни в малейшей степени. Но вы обещали присматривать за племянником.

Ауниньш ни разу не посмотрел вверх, но Гай ощутил, что первый помощник видит его, как облупленного. Будто на темени Станислава Яновича третий глаз.

Гай пристыженно полез вниз. Толик проследил за ним обещающим взглядом. Ауниньш, так и не взглянув на Гая, сказал:

— Впрочем, гости не знают судовых правил. Но вы-то, Александр Яковлевич, могли объяснить мальчику...

— Я и объяснил,— невозмутимо сообщил Ревский.— Велел соблюдать осторожность. Это я послал мальчика на ванты: тренировка для съемки.

Гай, который переминался в стороне, приоткрыл рот.

Ауниньш не сдержал удивления:

— Он что, уже ваш артист? Так быстро?

— Товарищ первый помощник,— назидательно проговорил Ревский.— Вы привыкли считать деятелей кино неорганизованными людьми, и в этом суждении есть доля горькой правды. Но иногда мы действуем оперативно.

— А вы уверены, что съемка ребенка на вантах находится в соответствии с техникой безопасности?

Ревский сказал печально:

— Станислав Янович, кино ни с чем не находится в соответствии. Даже с самим собой. Оно как религия, искать в нем логику бессмысленно. Можно толь-

ко или отрицать его или верить в него со всем пылом преданной души.

— Я не склонен к религиозному экстазу,— сумрачно возразил Ауниньш.— У меня масса земных проблем. Кстати, вынужден вас опечалить. С берега сообщили, что днем катера не будет, только после двадцати часов. Так что готовьтесь кормить правых служителей киноискусства здесь... Гости наши тоже оказались неожиданными пленниками.

Гай тихо возликовал. А Ревский взвыл:

— О боги! Чем кормить-то?! Это диверсия!..

— Ну, только не с моей стороны,— усмехнулся Ауниньш.— Я попросил изыскать возможности на камбузе... Но остатки курсантского рациона — это не меню ресторана «Приморский».

— Мы всегда обедаем в «Волне»,— вздохнул Ревский.— Но я прощаю вам неосведомленность. И неверие в магическую власть кинематографа. Несмотря на ваш унылый педантизм, в вас все же мелькает порой нечто человеческое.

— Я тронут.— Ауниньш кивнул и зашагал прочь. И лишь тогда глянул на отскочившего с пути Гая. В лице у первого помощника появилось что-то неприличное. И он украдкой (совсем непохоже на себя и очень похоже на Толика) показал Гаю кулак.

Гай мигнул и... среагировал: сделал дурашливо-послушное лицо и встал по стойке смирно.

Толик ничего этого не заметил. Виновато посмотрев на Ревского, он сказал Гаю злым полусшепотом:

— Башка дырявая. Из-за тебя Шурику... Александру Яковлевичу пришлось врать.

— А я не врал! — живо отозвался Ревский.— Я его в самом деле возьму в работу.

— Ой! Как?! — подскочил Гай.

— Ты что? Вправду? — не поверил Толик.

— Есть идея! Славка Карбенин завоюет от радости! Понимаешь, мы ломали головы: что-то не получается с пиратским экипажем, пресный он какой-то. Чего-то человеческого нет. Не всерьез, а будто оперетта... А тут пацан в экипаже! Юнга, воспитанник. Представляете, какая деталь, а?

— Но для съемок-то время надо,— попытался возражать Толик.— Не говоря уж о таланте...

— Какое время? Один-два эпизода! Сейчас и начнем! А талант — что? В этом возрасте все талантливы, вспомни, как в Новотуринске шпионскую пьесу ставили!.. Гай, ты не бойся, будешь сам собой, вот и все!

Режиссер-постановщик «Славка» Карбенин оказался молодым высоким мужчиной со впалыми щеками и скорбным взглядом. Он выслушал идею Ревского и без восторга произнес:

— Хуже не будет. Давай...

Затем он поставил Гая между колен и толково разъяснил, что он, Гай, вместе со взрослыми флибустьерами будет стоять в шеренге, мимо которой понесут умершего капитана. Юнга этого капитана не то чтобы любил, но крепко уважал, и теперь, конечно, печалится.

— Ты только не пытайся что-то нарочно изображать, притворяться,— наставлял Карбенин.— Представь, что это по правде. Ну и... в общем, смотри сам.

Потом он сказал Ревскому:

— Ты давай преобрази его слегка. В одиннадцать начнем...

В тени кормовой рубки стояли фанерные сундуки с трафаретными названиями «Молдова-филм» (без мягкого знака). На сундуках ворохами лежали разноцветные плащи, кружевные рубахи и драные тельняшки. Среди этого хозяйства сердито хлопотала симпатичная темноволосая девушка. Увидев ее, Ревский присмирел.

— Настенька, тут такое дело. Надо этого отрока превратить в пиратского юнга... А?

— А где вы раньше были, Александр Яковлевич? Откуда мальчик? Я знала, что на него нужен костюм? Как на охоту ехать, так собак... — Настенька замолчала, зацепившись глазами за обаятельную улыбку Толика.

— Мадемуазель,— бархатисто сказал Толик.— Позвольте представиться. Анатолий Нечаев, инженер-конструктор, давний друг вашего беспутного второго режиссера и дядюшка этого юнга. Не гневайтесь за нарушение графика. Здесь стихийные обстоятельства, «форс-мажор», как говорят моряки...

Настенька хмыкнула, пряча улыбку, и скрылась в рубке.

— Волшебник,— шепотом сказал Ревский.— Иди в помрежи, а? По линии укрощения строптивых костюмерш...

Настя появилась опять, и не одна, а с пухлой белокурой тетенькой. За ними шагнул старый толстый дядька с седой шевелюрой. Он, словно быстрыми пальцами, ощупал Гая веселыми голубыми глазами. Так, что захотелось хихикнуть, будто от щекотки.

— Прекрасно!.. — пророкотал дядька.— Шурик, это вы добыли пиратское дитя?.. Хорош. Настенька, добудь юнгому джентельмену какое-нибудь рубище с матросского плеча. Питомцу флибустьеров совсем не обязательно выглядеть инфантом.

— Игорь Васильич, это годится? — Настя извлекла из тряпичных ворохов драную легкую фуфайку крупной вязки. Фуфайка была похожа на тельняшку, только полосы — шириной в ладонь. Гаю велели надеть ее на голое тело, чтобы не просвечивала современная майка. «Рубище» повисло на нем крупными складками.

— Вполне,— сказал Игорь Васильевич.

— А штаны не слишком современные? — подала голос Настя.

— Сойдут,— решил Игорь Васильевич.— Все равно их почти не видать. А голые ноги и ободранные колени суть признаки мальчишек всех времен и народов... Меня смущают только кеды. Они явно несовместимы с парусной эпохой...

— А можно босиком! — Гай раздернул шнурки и дрыгнул ногами, кеды разлетелись по палубе. Гай трепетал от счастливого возбуждения и полон был желания делать все как можно лучше.

— Гм... — Игорь Васильевич огорченно взялся за мясистый подбородок.— Вы, сударь мой, как все нынешние дети, мало ходите босиком. Ваши нежные ступни весьма контрастируют...

— Покрасим, Игорь Васильевич,— деловито сказала белокурая тетенька по имени Рая.— Крем номер пять, средний загар...

Гай опасливо хихикнул, заранее боясь щекочущих пальцев.

— Нет, нужны башмаки, — сказал Ревский. — Иначе ступеньки на вантах будут ноги резать.

— Как на вантах? — заволновался Толик. — Шурка, ты что, по правде решил его на верхотуру загнать?

— Не бойся. Есть идея, потом объясню...

— Мы в самом деле попали в плен к пиратам, — печально сказал Толик. — Живыми не выпустят... Еще немного, и ты, Шурик, заставишь сниматься и меня.

— А что? Вполне подходящий типаж. Молодой матрос, попавший в пираты из интеллигентов. Волею обстоятельств...

— Сам ты пират из интеллигентов! Джек-потрошитель с дипломом!

— Да ты подожди! Я серьезно. Мужиков-то в масовке не хватает! Двое заболели, один где-то загулял. Пиратская шеренга как картечью повыбита... Давай, Толик!

— Толик, давай! — подскочил Гай.

— Да идите вы! Какой я артист!

— Не артист, а статист. — разъяснил режиссер Ревский. — Мы тебя вместе с Гаем в ведомость запишем. Гонорар получишь. Лишний он тебе, что ли?

— Толик, давай, а? — попросил Гай. — А то я один боюсь.

— Надо же! Он боится.

Ревский сдвинул брови, сморщил веснушчатую переносицу и с кавказским акцентом закричал на Толика:

— Ты, дорогой, сюда зачем приехал, а?! Катера до вечера не будет, ты здесь что делать будешь? Просто так будешь, да?! Кушать захочешь, думаешь, тебя тут даром кормить будут, да?! Ты спроси, кино когда кого кормило даром, а?

— Грубый шантаж, — сказал Толик. — Экономический нажим и выкручивание рук... Но чтобы никакого грима. Не терплю косметики.

— Только припудрим, — сказала тетя Рая.

Гаю тоже припудрили лоб и нос.

— Чтобы не бликовали, — объяснила тетя Рая. Гай дурашливо морщился и смотрел на Толика.

Толик был теперь в узких серых штанах, в сапогах с отворотами и белой рубашке с кружевами. Талию обматывала пунцовая шаль с бахромой. Поверх рубашки — замшевая безрукавка.

Освободившись от гримерши тети Раи, Гай восхищенно обошел вокруг Толика.

— Ух ты-ы... Ходи так всегда! Это тебе к лицу! «Причина», из-за которой ты вчера застрял в городе, будет без ума.

Толик ухватил хохочущего Гаю за полосатый подол и вляпал ему ладонью по синему квадрату на месте оторванного кармана. Гай вырвался, отскочил, загремев твердыми башмаками с медными пряжками (эти маленькие, но вполне пиратские туфли отыскала для него Настя). Толик прыгнул следом.

— Стоп! Сохраняйте энергию для съемки! — цыкнул на них Ревский. — Толик, дай гляну на тебя... Тебе для полноты облика нужно оружие. Скажем, пистоль за пояс.

— А мне? — подскочил Гай.

— А вам, князь, ни к чему. Это выглядело бы опереточно. К тому же у вас нет паспорта... Толик, у тебя есть какой-нибудь документ?.. Прекрасно. Пошли!

В тени бизань-мачты на кованом (явно пират-

ском) сундуке прочно сидел круглолицый парень в плоском беретике и брезентовой куртке (в такую-то жару!). У парня были озабоченные глаза.

— Это Костя, — сказал Ревский. — Толик, дай этому человеку паспорт и тогда он выдаст тебе кремневую пушку или какой-нибудь смит-вессон. Но без документа к нему не подходи.

Костя нехотя поднялся с горбатой крышки. И сказал не Ревскому и не Толику, а почему-то Гаю:

— Если всем давать без документов, я бы уже заработал себе приговоров в общей сумме на девяносто девять лет, как в Америке...

Он взял у Толика паспорт и поднял тяжелую крышку.

Батюшки, чего только не было в сундуке! Кинжалы, шпаги с витыми рукоятками, короткие римские мечи, длинные пистолеты с узорными замками, мушкетеры с гранеными стволами...

Костя дал Толику двустольный пистолет с медными завитушками и большущим курком-собачкой. У Гаю, конечно, руки сами умоляюще потянулись к этой штуке. Костя глянул на Гаю и вдруг протянул ему длинный матово-серебристый револьвер.

— Да, пощелкай. Кольт, сорок четвертый калибр. Одна тысяча восемьсот девяностый год... Только в людей не целясь, не полагается.

— Кому-то, значит, можно и без документа, — поддел Костю Ревский.

— Пацаны — они люди аккуратные, Александр Яковлевич. Я с ними хлопот никогда не имел. А ваш Витя Храпченко вчера толедский кинжал семнадцатого века за борт булькнул. Теперь пускай расплавляется, вещь уникальная...

Кольт был увесистый и прохладный. Курок у него взводился с упругой легкостью, барабан при этом поворачивался. Гай щелкал курком, пока Толик не сказал шепотом, что надо иметь совесть. Гай со вздохом протянул револьвер Косте:

— Спасибо.

Костя подмигнул Гаю. На Костином брезентовом рукаве шевелилась нашивка — синий квадрат с черным шариком посредине и язычком пламени над ним. Гай тронул нашивку мизинцем:

— Это что означает?

— Означает, что я оружейник и пиротехник на «Ленфильме». Видишь, бомба с горящим фитилем. Точнее, старинная граната...

Как одно слово может все изменить!

Воспоминание о гранате, спрятанной в норе под камнем, сделало радостное утро тусклым и неудобным. Гай отошел и зябко обхватил себя за плечи (левое плечо торчало из прорехи).

«Ну, чего ты!» — сердито и жалобно сказал себе Гай. Однако черная дробина уже забегала по белому фаянсовому дну. Видимо, она-то и шепнула Гаю:

«Сам знаешь чего...»

«Но я же не взял эту проклятую гранату!»

«А хотел...»

«Но я же не взял!»

«А спрятал...»

«Ну, я достану и отдам! — отчаянно поклялся Гай. — Завтра же! Скажу, что нашел, и отдам! — Ему страшно стало, что это утро со всеми радостями и чудесами пропадет совсем! И чтобы умиловить судьбу и убедить совесть, он добавил с сердитой

плаксивостью: — Мне вчера за это и так досталось».

«Не бѣкручивайся,— пробурчала совесть, но уже без прежней непримиримости.— На дракончика ты наступил случайно, с гранатой это никак не связано...»

«Нет, связано,— возразил Гай.— Если бы не граната, я бы в тот раз не вернулся в Херсонес. И не наступил бы...»

«Не выкручивайся, тебе говорят».

«Но я же сказал, что отдам!»

«Смотри...» — Совесть неохотно припрятала драбину в каком-то незаметном уголке, и Гай с облегчением вздохнул. Но прежняя искристая радость к нему уже не вернулась. Он словно избавился от опасности, но опасность эта была еще недалеко...

Ревский хлопнул его по голому плечу:

— Что, князь, невесел, что призадумался? Или входишь в образ?

Гай осторожно пожал плечом.

Как хоронят капитанов

Хотя Станислав Янович Ауниньш и утверждал, что кино и порядок несовместимы, в одиннадцать все было готово для съемки.

Часть палубы между первой и второй грот-мачтами покрасили водным раствором охры, чтобы не бликовала (как Гаев нос!). Расставили матовые зеркала. Гай изумился: неужели без них мало света? Оказалось, что для цветной пленки — и с зеркалами мало. Включили еще и кинопржекторы.

Курсанты приспустили с нижних реев оба грота, и парусина повисла красивыми фестонами, как на старинных фрегатах.

Карбенева и темный, как мулат, оператор в полосатых плавках и белой кепочке устроились на высокой площадке у камеры. На мостик взбежал тонкий паренек в белой рубашке с распахнутым воротом, встал у поручней, на которых висел круг с надписью «FELIZATA». Сейчас «Крузенштерн» изображал пиратскую «Фелицату», а паренек был главный герой — юный Александр Грин.

У мачты, взявшись за толстенный канат, остановился старик в берете с помпоном и в полосатой, как у Гага, фуфайке. Ревский на ходу шепнул Гаю и Толику, что это знаменитый Симонов, который еще до войны играл Петра Первого в известном фильме. А здесь он играет старого боцмана. У знаменитого артиста было хмурое складчатое лицо. Может, он «вживался в образ»?

А Гай в грустную роль вжиться не мог. Прежней радостной прыгучести в нем не было, но ощущение праздника вернулось. И с веселым любопытством он вертел головой.

Ревский выстроил экипаж «Фелицаты» между мачтами, лицом к борту. Пираты были всякие — молодые и старые, бритые и бородатые, франтоватые и в лохмотьях. В треуголках, беретах, косынках. С пистолетами за широкими поясами. В тельняшках и безрукавках. Но больше всего — в атласных широких голландках с большими воротниками и галстуками, как у детских матросок.

Толик оказался рядом с лысым чернобородым

дядькой в драном камзоле. На глазу у дядьки чернела повязка.

— Я вместе с Толиком,— быстро сказал Гай. Ревский кивнул и торопливо предупредил:

— В камеру только не зыркай, смотри на процессию...

Он вскочил на помост к Карбенева и оператору. И сразу откуда-то сверху громкий голос динамика властно произнес:

— Эпизод «Похороны капитана». Все готовы? Внимание... Дубль первый. Мотор!

Упруго и отчетливо громко ударили из динамика печальные аккорды. Толик положил Гаю руку на плечо. Гай быстро сделал грустное лицо и задеревенел. Но музыка тут же выключилась.

— Сто-оп! — сердито завопил динамик.— Какого черта? Локатор в кадре торчит! Замотайте его хотя бы!

Девица-фотограф полезла по скобам к площадке судового локатора, начала обвешивать поручни золотистой фольгой.

Одноглазый пират сказал:

— Так и будем маяться. Не могли с деревянной баркентинной договориться, вроде «Альфы». Здесь не парусник, а «Титаник».

Гай понимал, что локатор на пиратском судне — штука лишняя. Но все равно было досадно, что на «Крузенштерне» кому-то что-то не нравится. Он даже подумал: не сказать ли что-нибудь одноглазому? Но опять прозвучала команда: «Мотор!»

И снова — музыка.

Нет, это был не похоронный марш. Это было вступление к песне, и вот сама песня тяжело растеклась над палубой, над бухтой. Все пространство заполнили сумрачные мужские голоса:

Опускается ночь — все чернее и злей,—

Но звезду в тучах выбрал секстан.

После жизни на твердой и грешной земле

Вас не может пугать океан.

Гай опять застыл, помня, что надо быть печальным. Песня неожиданно надавила на нервы, сердце толкнулось невпопад.

Не ворчи, океан, ты не так уж суров,

Для вражды нам причин не найти.

Милосердный владыка морей и ветров

Да хранит нас на зыбком пути...

Шестеро матросов «Фелицаты» — в одинаковых алых блузах и с непокрытыми головами — вышли из кормовой рубки. На плечах они держали носилки из шлюпочных весел. Длинный серый тюк на них вызвал у Гага толчок суеверной тревоги. Особенно торчащие, туго обтянутые парусиной ступни. Гай понимал, что там чучело, но легче от этого не было.

Моряки шли медленно и мерно, лишь один споткнулся о протянутый на палубных досках трос — и носилки косо качнулись.

...Тот светло-коричневый, как мебель, длинный гроб совсем не похож был на эти носилки с парусиновым коконом. Но качнулся он в точности так же, когда солдаты споткнулись в воротах. Мертво и беспомощно качнулся... Это было год назад, когда хоронили отставного летчика, жившего в соседнем доме. Сосед был старый, летать кончил еще в тридцатых годах, во время войны служил в каком-то штабе, а потом вернулся в родной Среднекамск. Он был дедушкин товарищ.

У дедушки в те дни тяжело разболелась нога, и он с трудом стоял на тротуаре, опираясь на палку и на плечо Гаю. Когда отырдал оркестр и печальная вереница автобусов скрылась за углом, дедушка тихо выдохнул над Гаем:

— Все... Отвоевался наш капитан.

Рука деда больно давила плечо. Гай хмуро спросил:

— Почему капитан? Он же полковник.

— Он для нас был капитан. Когда мы мальчишками морские бои на пруду устраивали. И потом... Капитан, Мишенька, это такое звание... Иногда главнее полковника и генерала...

Гай плохо знал соседа и не чувствовал большой печали. Он тревожился за деда.

— Дедушка, пойдем, тебе вредно стоять...

Потом ногу деду вылечили. Сейчас он ходит бодро, хотя ему семьдесят пять... «Но ведь уже семьдесят пять, — вдруг подумалось Гаю. — И если...»

(А матросы все шли, шли — почему-то очень долго, и Гай уже не разбирал слов песни.)

...Если только ничего не случится с ним, с Гаем, тогда... не очень уж много времени пройдет, и ему придется провожать дедушку... как того капитана...

А потом... Гай в семье самый маленький. Все,

кого он любит, старше его. Значит, и они... тоже? И папа, и мама?

Но тогда зачем на свете все хорошее? Зачем солнце, море?..

В Гае не было страха за себя. Но печаль будущих расставаний поднялась к его сердцу как холодная вода. Печаль и жалость к людям, которым судьба предназначила уйти с земли...

От тебя, океан, мы не прячем лица,

Подымай хоть какую волну.

Но того, кто тебя не пройдет до конца,

Без упрёка прими в глубину...

«Ну, что ты! — перепуганно сказал себе Гай, стараясь унять дрожь подбородка. — Перестань, дурак!»

Что же это будет сейчас! Скандал какой, съемка сорвется! Но не было сил сдержаться, и Гай, мотнув головой, уткнул лицо в локоть Толика.

Он всхлипывал, чудовищно стыдясь этих слез и ожидая, что музыка оборвет гневный радиоголос: «Что там случилось с мальчишкой? Уберите его!» Но песня все звучала в своем рокочущем ритме раскатистой волны. А еще Гай слышал тихие слова. Даже не слышал, а будто чувствовал их сквозь прочную и теплую ладонь Толика, которая прижималась к дро-

жашему плечу: «Гай... Успокойся, Гай. Ну, перестань, малыш. Не горюй, я с тобой...»

Песня стихла, и голос прозвучал, но совсем не сердито:

— Отлично, ребята! Через десять минут повторим, а пока — все как надо!

Пиратская шеренга распалась, все запереговаривались. Гай стыдливо глянул из-под мокрых ресниц. Но никто на него не смотрел. Лишь Толик сказал вполголоса:

— Ты что расстроился? Представилось, что все всерьез?

Гай не знал, как объяснить, и только дернул плечом.

Подошел Ревский.

— Молодчина, Гай. Врубился. Так и держись.

Это было уже чересчур. Гай ошетинился, готовый сказать, что никуда он не «врубился» и кино здесь ни при чем! Надо вырезать эти кадры из ленты!.. Но он увидел зеленовато-желтые глаза Ревского. Понимающие были глаза и говорили совсем не то, что слова. Гай засопел и уперся взглядом в свои башмаки.

Сняли еще два дубля, и больше Гай, конечно, не плакал. Только с боязливой хмуростью следил исподлобья, как шагают матросы с носилками. Толик, тревожась за него, сказал шепотом:

— Ничего, Гай. Все хорошо...

А что хорошего?

Но настоящей печали теперь не было. Уже пришла успокоительная мысль, что дедушка еще крепок, а здоровые люди живут иногда и до ста пятидесяти лет. И вообще, если что-то и когда-то будет в жизни грустное, то очень не скоро... А в парусину зашит легкий пустотелый манекен. Кино — это ведь игра. И Гай теперь старательно играл опечаленного пиратского юнга.

Играл, видимо, неплохо, потому что Ревский в перерыве снова сказал, что Гай молодец. Серьезно так сказал. И Гай наконец нерешительно улыбнулся.

После съемок обедали. Операторы, режиссеры, помрежи, осветители и гримеры вперемешку с актерами расположились группами кто где (лишь бы тень была). Толика и Гая Ревский позвал в компанию, где оказались знакомые: художник-постановщик Игорь Васильевич, оружейник Костя и одноглазый пират, что стоял во время съемок рядом с Толиком.

Гай поглядывал смущенно и виновато. Стыд за неожиданные слезы все еще сидел в нем. Но, впрочем, в стыде этом не было тяжести, потому что в слезах не было вины. Гай хотел только, чтобы никто не вспоминал про это и не расспрашивал.

Никто ничего и не сказал. Многие, наверно, и не заметили того случая. Другие, возможно, решили, что так и полагалось. А если кто-то о чем-то догадался, то, спасибо ему, не подал вида.

Изнемогая от жары тетя Рая принесла бачок с курсантским рассольником, но на нее замахали руками: никому не хотелось горячего. Появились откуда-то помидоры, булки, вываленная в укропе вареная картошка, копченая скумбрия, бутерброды и бутылки с минеральной водой (Гай взял одну и вздрогнул от удовольствия: какая холодная; где, интересно, хранили?).

Рыбьего хвоста, картофелины и двух помидоров

Гаю хватило, чтобы осоловеть от сытости. Но тут Костя выкатил на брезент арбуз. И показал Гаю нож с зеркальным волнистым лезвием:

— «Человек-амфибию» смотрел? Это нож Ихтиандра.

— Ух ты-ы... — Гай понял, что чудеса продолжаются и день по-прежнему хорош.

После арбуза Гай в поисках заведения, именуемого флотским термином «галльюн», заблудился внутри «Крузенштерна» среди коридоров и трапов. Повстречались два курсанта, узнали, что Гай из киногруппы, а не просто так болтается по судну, и со смесью покровительства и уважения показали все, что нужно. Устроили Гаю экскурсию по длинным кубрикам с двухъярусными койками и подвесными столами, заглянули с ним в кают-компанию и на камбуз и даже, испросивши разрешения механика, стаскали Гая в «машину». Здесь, среди гладкой блестящей меди, изогнутых труб и запахов смазки, тоже было интересно... Только о парусах уже ничего не напоминало. И Гай наконец с удовольствием выбрался к солнцу, под гигантские мачты.

Перепуганный и злой Толик ухватил его за шиворот.

— Где тебя носило?

Гай, вертя шейю, объяснил. Толик дал ему легкого леща, велел быть рядом и спросил подошедшего Ревского, нельзя ли вставить в фильм сцену, где беспутного юнга дерут линьками.

Ревский улыбнулся Гаю и сказал, что, к сожалению, нельзя: не позволяет лимит пленки. Юнгу еще придется снимать на вантах, под распущенными парусами, когда он кричит матросам долгожданную весть: «Остров! Вижу остров!» Это будет во какой финал фильма! С Карбеным уже договорились.

Слово «остров» отозвалось в Гае сладким и тревожным эхом. И он не подскокил, не завопил от радости, а спросил тихо:

— Сегодня?

— Ну, что ты, дорогой, где сегодня? Это надо снимать на ходу, в плавании. Дня через три...

— Шурик, ты спятил? — возмутился Толик. — Я, между прочим, в этом городе на работе!

Но Ревский сказал, что снимать будет не Толика. Его роль уже сыграна и безусловно войдет в историю мирового кино. А Гаю на сутки придется выйти с киногруппой в море. Ничего с ним, с Гаем, не случится, смотреть будут в десять глаз. А Толик пускай спокойно сидит в лаборатории и конструирует свои хитрые аппараты во славу отечественной науки...

— Ага, буду я сидеть спокойно, когда он шастает по вантам!

— Разве лучше, когда князь Гаймуратов один шастает по окрестностям? — ехидно спросил Ревский. Толик вздохнул.

При мысли о плавании под парусами радость Гая стала настолько громадной, что даже как-то придавила. Он отошел к фальшборту и сел в узкой тени. И с полчаса был такой — съезжившийся и присмиривший. Боялся: не захочет ли судьба уравновесить его счастье каким-нибудь печальным случаем? Потому что в жизни всегда все перемешано, а сегодня что-то слишком много навалилось на Гая одних только счастливых неожиданностей.

Хотя нет, не только. Мысли его о горьких расставаниях и слезы — это, может быть, и есть та чер-

ная гирька, чтобы уравнять на весах радость и печаль? А воспоминание о гранате!

«Ну, чего ты? Чего ты опять?» — сказал себе Гай.

Все-таки радостей было не в пример больше. Гай привалился к фальшборту, вытянул на горячее солнце ноги и закрыл глаза. Кричали чайки...

В четыре часа опять началась съемка. Но уже без Гая, без шеренги пиратов. Снимали только тех шестерых. Как они подходят к борту, и зашитый в парусину капитан с привязанным к ногам ядром скользит с носилок, чтобы скрыться в пучине.

На самом деле в пучине он не скрывался. Внизу у борта стояла шлюпка с курсантами, они ловили манекен. Спелу снимали трижды, и всякий раз из шлюпки долетали сердитые вопли: чучело было увесистым, ядро, хотя и деревянное, — крепким.

Теперь Гай смотрел на похоронный обряд спокойно. Прежняя печаль еле заметным осадком еще лежала на душе, но грустных мыслей не было. И Гай наконец разобрал последние строки песни:

После тысячи миль в ураганах и тьме
На рассвете взойдут острова.
Беззаботен и смел там мальчишеский смех,
Там по плечи густая трава.

Мы останемся жить навсегда-навсегда
В этой лучшей из найденных стран.
А пока среди туч нам сияет звезда —
Та, которую выбрал секстан.

«Опять про острова», — подумал Гай. В этих совпадениях с его собственной сказкой чудилась счастливая примета...

Пираты сдавали Косте оружие. Гаю довелось поддержать две кривых сабли и пощелкать курками трех пистолетов. Девушка-фотограф по имени Иза (то есть Изольда) сняла его одним из многочисленных аппаратов, когда он стоял с саблей под мышкой и кольтами навскидку. Обещала карточку.

Подшел одноглазый пират. Оказалось, что это и есть Витя Храпченко, утопивший толедский кинжал. Витя отцепил бороду, сдвинул на лоб повязку и сказал, что кинжал вот он. Витя его не топил, а только сделал вид. По просьбе курсантов. Они надеялись, что начальство разрешит понырять за пропажей, но старпом даже думать об этом запретил: глубина-то больше пятнадцати метров. Костя сказал, что за такие шуточки Вите следует «выставить глаз всерьез». Витя заржал...

День, словно спохватившись, что был длиннее всяких пределов, поспешно сменился вечером. Солнце светилось красной медью и быстро съезжало к сизой облачной полоске над морем, у Константиновского равелина. С топотом выбегали и выстраивались курсанты. Когда солнце совсем утонуло в дымке, на военных кораблях негромко и слегка печально заиграли трубаки — сигнал «спуск флага». Красный флаг «Крузенштерна», хотя и без сигнала, тоже пополз с кормового флагштока. Гай торопливо встал прямо. Конечно, он стоял в стороне от курсантского строя, но флаг «Крузенштерна» был теперь немножко и его флаг.

Гая окликнула Настя. Велела сдавать казенное имущество: башмаки и фуфайку. Гай с сожалением переделался. А катер все не приходил. Небо стало совсем ночным. Круглая луна, которая недавно была

почти незаметной и розовой от смущенья, засияла, как прожектор. Палуба отливала желтым светом, рубки волшебным белели. От мачт и снастей падали четкие тени.

Гай вдохнул посвежевший воздух с запахом моря и корабля, с лунным светом, и на миг показалось, что все ему снится. Он подошел к Толику и Ревскому, которые беседовали у фальшборта. Толик молча притянул Гая к себе. Ревский сказал:

— Накладок сегодня кошмарное количество. Но с Гаем получилось здорово. Лучшие кадры.

Гай съезжил плечи.

— Не надо эти кадры. Выключите их из картины...

— Да ты что! Зачем?

— Ну... — Гай ощутил, как опять царапнулись в горле слезинки. — Потому что это не так...

— Что не так, Гай? — осторожно спросил Ревский.

— Потому что... нечестно. Я не про этого капитана думал, когда... так вот...

— Я понял, — мягко проговорил Ревский. — Конечно, ты думал не про эту куклу на носилках. Про что-то свое... Но ведь горе-то не бывает нечестным. Люди будут смотреть этот фильм, и они станут жалеть настоящего капитана, не чучело. И, может, каждый вспомнит какую-то свою печаль. На то, брат ты мой, искусство и существует. Согласен?

— Не знаю, — вздохнул Гай.

Толик сказал:

— У меня, по правде говоря, тогда тоже в горле заскребло.

Гай поднял глаза: правда?

— Вспомнил, как в детстве про лейтенанта Головачева читал, — задумчиво объяснил Толик. — Как его хоронили на острове Святой Елены. А потом про Курганова...

— Ты о чем это? — спросил Шурик.

— А помнишь ту папку, с которой вы меня поймали? Ну, в первый день знакомства... Я тащил рукопись для перепечатки...

Толик стал рассказывать Ревскому то, что Гай уже знал (знал, а все равно интересно слушать). Гай стоял рядом, и ему было хорошо, только слегка покачивало на гудящих от усталости ногах. Вдруг заныл в ступне вчерашний ядовитый укол. Гай сбросил незащурованный кед и поставил ногу на теплую черную тень на досках палубы. Боль угасла.

... — Такие вот совпадения: и тогда Крузенштерн, и сейчас. И снова встреча... — сказал Толик.

— Это хорошо, что снова, — тихо отозвался Ревский. — Это даже представить невозможно, как здорово... А то ведь...

— Да... А знаешь, Шурик, эта рукопись была для меня тогда не просто повесть. Она... ну, как бы часть жизни. Я все, что читал в ней, на себя прикидывал. И она помогла мне в те дни... Ну, после той истории, когда я сбежал от вас в походе... Как вспомню этот случай, тошно становится. До сих пор...

Шурик спрятал серьезность под шутивным полувопросом:

— Наверно, сейчас инженер-конструктор Нечаев уже не боится гроз...

Гай почувствовал невидимую в тени улыбку Толика.

— Да и ты, Шурка, не тот. Внешне все такой же, а характер... Посмотрел я, как ты тут командуешь, подумал: «Где тот мальчик в матроске?»

— В нашем деле иначе нельзя, пропадешь... Но мальчик во мне, внутри,— без улыбки сказал Ревский.— Я с ним иногда советуюсь, если трудно.

Подошел Женя Корнилов — тот паренек, что играл Грина.

— Что это катера до сих пор нет? Потонул?

— Не ворчи, старик,— сказал Ревский.— Я заметил, что ты сегодня вообще не в ударе. Крупные планы придется переснимать. Не оставишь свою меланхолию — разжалуем в юнга. А в новые сапоги выберем вот его,— он хлопнул Гая по спине.

Женя ответил как-то излишне серьезно:

— Не выйдет. Его время еще не пришло. Сперва пришлось бы похоронить меня, а до этого далеко... Вон катер стучит...

До причала ГРЭС было ближе, чем до города, но ведь не станешь просить, чтобы ради двух пассажиров катер делал крюк почти в три мили. Пришлось ехать с киногруппой до Графской пристани, а оттуда уже рейсовым инкерманским катером домой.

Толик и Гай сидели на корме. Гай почти спал, прислонившись к твердой спинке скамьи. Но когда опять проходили мимо «Крузенштерна», он подскочил и шагнул к борту.

Парусник, черный на фоне лунного неба, казался безлюдным и таинственным. Луна без остановки прокатилась через его четыре мачты и густой такелаж. Это был как бы еще один кадр в бесконечном фильме сегодняшнего дня. Гай вздохнул устало и благодарно.

Толик встал рядом.

— Все хорошо, Гай, да?

Гай кивнул. Толик сказал неуверенно:

— Немного обидно только, что не повидал я нынче одного человека... Ну, он знает, что сегодня я мог и не прийти.

— А эту... человека как зовут? — сонно пошутил Гай.

Толик молча взъерошил ему затылок.

— Зато ты с Шуриком своим повстречался,— сказал Гай.

— Это самое главное. Подарок судьбы... Мы и знали-то друг друга недолго, одно лето, а вот осталось это на всю жизнь... А расстались тогда мы обидному, чуть до драки дело не дошло.

— Из-за чего?

— Не умели до конца стать друзьями. Третий мешал...

— Не умели, а говоришь «друг детства»...

— Сейчас-то ясно, что друг. И знаешь — будто камень у меня в душе...

— По-моему, и у него,— сказал Гай.

— Наверно... Некоторые считают, что в детстве все будто игрушки. Беды, мол, настоящие, обиды пустяковые. И вообще будто детство — время несерьезное. Ты этим дуракам не верь.

Гай пожал плечами. Верить дуракам он не собирался. Как он мог считать несерьезной всю свою жизнь?

Пестрые дни

Следующие сутки показались Гаю длинными, как целое лето.

Утром Толик сказал:

— Мишель! Я сдаю тебя на поруки режиссеру Ревскому. Мы договорились вчера. Днем у меня совещание с моряками, а вечером...

— Личная жизнь.

— Именно. Я иду в театр и вернусь только ночью. Чтобы ты не изводился и не дрожал от страха в одиночестве, переночуешь у Шурика в гостинице.

Ликуя в душе, Гай все же яростно возмутился:

— Кто дрожит от страха в одиночестве? Да я за тебя боюсь, когда ты где-то болтаешься допоздна!

— За меня?! А что может случиться со мной?

— А со мной? Ты за меня все время трясешься, а я за тебя не должен?

— Ну... — сказал Толик потише.— Я уже большой мальчик.

— Думаешь, с большими никогда ничего не случается?

— Со мной ничего не случится,— пообещал Толик.— А ты на судне не болтайся в неположенных местах и старайся не мозолить глаза Станиславу Яновичу.

— Хм... — сказал Гай.

День Гай провел чудесно. Сначала он помогал чистить тонкие трехгранные шпаги оружейнику Косте и между делом щелкал курками мушкетов и пистолетов всех систем. Потом смотрел, как снимается эпизод «Спор о капитане». Дело в том, что на «Фелицате» после смерти старого капитана команда разделилась на две враждебные группы. Одна — со штурманом Дженнером, другая — с лейтенантом Реджем. Шел отчаянный спор: кого ставить новым капитаном. Казалось, дело вот-вот дойдет до ножей и пистолетов (они уже поблескивали в руках матросов). Но Женька (тот, что юный Грин и он же юнга Аян) бросил свой пистолет на палубу и заговорил — о том, что корабль один, путь в океане длинный, и если люди всерьез хотят бросить неверное и бесчестное пиратское ремесло и отыскать дальний желанный остров, надо не волками смотреть друг на друга, а помнить о морском товариществе. Иначе — лучше уж сразу спуститься в трюм и пробить в днище дыры.

В трюм никто не пошел, а смелого Аяна обе группы выбрали капитаном.

...Потом фотограф студии «Ленфильм» Иза попросила Гая помочь ей отпечатать снимки. Печатали в железной кладовке, где у стен лежали спасательные жилеты. Там стояла жара от горячего глянцевателя и от солнца, которое снаружи разогрело стену рубки. Но снимки были интересные — с разными сценами из фильма, с «Крузенштерном» на якоре, с картинками из корабельной жизни. Гай увидел и себя. Сначала — как он развлекается пистолетами, а затем — в шеренге с матросами, рядом с Толиком (слава богу, еще до той минуты со слезами). А еще — на палубе, с громадным ломтем арбуза у рта. Иза сказала, что подберет Гаю на память целую пачку карточек. Благодарный Гай старался всю — выхватывал из воды мокрые фотографии и лихо накатывал их на горячую жечь глянцевателя. А Иза мурлыкала:

Вне цивилизации,
Вне культурных зон
Без жены, без рации
Жил-был Робинзон.
Не имея сведений
О людских делах,
Проживал безбедно оз,
Но однажды — ах!..

Напевала Иза только этот куплет. Проявит снимок, со словом «ах» кинет его в фиксаж и начинает песенку снова. Гай наконец собрался спросить: что же случилось с простодушным Робинзоном? Но открылась дверь и под негодующие Изины вопли о засвеченной бумаге Ревский сказал:

— Мон шер принц! Адмиральская гичка у трапа. Окажите честь своим участием в общем скромном обеде... Изольдушка, ты едешь с нами? Оревуар...— И нагнулся, уклоняясь от пущенного в него резинового валика.

Ну, это было зрелище! Чтобы не тратить время на переодевание, актеры поехали обедать прямо в пиратских костюмах. Бородатые, в косынках, в пестрых фуфайках и блузах. Да и те, кто сегодня в съемках не участвовали, выглядели не менее живописно. Гай шел между братьями Карповыми — Володей и Сашей. Оба еще совсем молодые, как Толик, но для съемок отрастили волосы до плеч и густые бороды — настоящие, не то что у Вити Храпченко. Карповы шли в мятых белых шортах и расписных рубахах, завязанных узлами на животе. Когда шагали от Графской пристани к ресторану-веранде «Волна» на Приморском бульваре, прохожие открывали рты, и Гай мучительно досадовал, что не попросил у Насти свою полосатую фуфайку.

Две седые интеллигентные старушки печально посмотрели на братьев Карповых, и одна внятно сказала:

— До чего дошло. Священнослужители, а одеты как дети малые. Срам...

— Вас приняли за дьяконов, — хихикнул Гай.

— Старая женщина недалеко от истины, — солидно сказал Володя. — Мы почти что священнослужители. Жрецы искусства...

Второй «жрец» довольно погладил бороду.

После обеда Гай притерся к группе курсантов, которая на баке занималась с морскими инструментами. Сперва скромно стоял поодаль, но ему подмигнули, и он осмелел. Здесь Гай увидел наяву, что такое секстан, о котором он раньше читал в книжках и слышал во вчерашней песне. Молодой штурман-преподаватель и курсант Алик дали Гаю заглянуть в окуляр секстана, посмотреть на солнце. Сквозь коричневый фильтр солнце казалось вишневым шаром. Вдруг оно раскололось вдоль, и одна половина поползла вниз: это Гай двинул рычаг с зеркалом — алидаду...

Потом Гай увидел капитана. Первый раз. Коренастый мужчина с седыми висками и коричневым лицом, в кремовой тужурке с орденскими планками, в тяжелой фуражке с золотыми листьями на козырьке прошел вдоль борта и спустился по трапу на катер. Проходя, он задержал взгляд на Гае, и тому захотелось, как вчера перед вахтенным штурманом, встать по стойке смирно.

Затем Гай встретил Станислава Яновича — когда с курсантами Аликом и Федей ходил в учебную рубку, чтобы посмотреть морские карты. Весело поздоровался.

— Осваиваешься? — спросил первый помощник.

— Так точно... Но, куда нельзя, я уже не суюсь, — с насмешливой скромностью сообщил Гай.

— Зато сушишься куда только можно. Так? — усмехнулся Станислав Янович.

...Вечером поужинали в «Волне» и пошли купаться на городской пляж — здесь же, на набережной. Были уже сумерки, стало прохладно, и вода оказалась гораздо теплее воздуха. Когда раздеваешься — зябко, а нырнешь — как в теплое молоко...

В гостинице Гая устроили на выпрошенной у горничных раскладушке в номере, где жили Ревский и оператор по имени Сергей. Гай уснул стремительно, спал без всяких снов и утром поднялся только после ошутимых толчков Ревского.

К причалу они с Ревским пришли, когда вся группа была уже там. Ждали катер, который, естественно, запаздывал. Карбень ходил к диспетчеру и ругался. Иза тренькала на гитаре. Гай опять хотел спросить о судьбе Робинзона, но почуял чей-то взгляд. Затылком ощутил. Обернулся.

Шагах в пяти от него, прислонившись к трубчатому поручню пирса, стояла девочка. У Гая затеплели уши — от радости, смущения и виноватости. Это была Ася.

Гай быстро подошел и потупился.

— Здравствуй...

Она тоже сказала «здравствуй». Тихонько.

— Ты здесь... чего? — ошипнув от неловкости, глупо спросил Гай. — Так просто?..

— Так просто. А ты позавчера... не поехал в город?

Гай со всей полнотой ощутил, какая он свинья. Ни позавчера, ни вчера, ни сегодня, закрученный корабельной радостной жизнью, он не вспомнил об Асе. То есть воспоминания мелькали, только без всякой связи с их разговором: «Вы каким катером приезжаете?» — «Обычно в восемь сорок пять...»

А разве это не договоренность о встрече была? Ася, конечно, и позавчера, и вчера приходила на пристань. А он...

— От меня ничего не зависело, — беспомощно пробормотал Гай. — Потому что так получилось. Я на «Крузенштерне»...

— Где?

Она совсем не сердилась. Только радовалась, что встретила его, и немного смущалась. Гай приободрился. Отодрал от облупленного уха лоскут кожи и объяснил, смуро усмехаясь:

— В артисты записали... Вон к ним...

Он рассказал все, что случилось за эти два дня. И все в рассказе было правдой, только невольно получалось, что он, Гай, и рад бы был оказаться на берегу в нужное время, да не было никакой возможности. Впрочем, сейчас Гай верил в это сам.

— Ты счастливый, — вздохнула Ася. — Я всю жизнь у моря живу, а на паруснике никогда не была.

Гай решительно взял ее за руку и повел к Ревскому.

— Александр Яковлевич, это Ася.

— Вижу, — вздохнул Ревский, — что не Петя и не Гриша. Здравствуйте, мадемуазель...

Ася стояла перед ним тоненькая, прямая и серьезная.

Гай смотрел Ревскому в глаза.

— Я понял, — печально сказал Ревский. — Если я отвечу «нет», то что? Ты заявишь мне, что в таком случае и ты остаешься на берегу. Так?

— Ага! — весело согласился Гай.

— А я до четырнадцати ноль-ноль отвечаю за тебя

головой и, естественно, оставить не могу. Пользуясь этим обстоятельством, ты меня вынуждаешь идти на уступки и зарабатывать себе новые неприятности. Это недостойный прием. Единственно, что тебя оправдывает, это некоторое благородство цели...

— Значит, можно?! — возликовал Гай.

— Но мадемуазель Ася должна иметь в виду, что обратный катер будет лишь в обед.

— Это ничего, — сказала Ася.

Когда шли к «Крузенштерну», Гай успел рассказать Асе про «Летающих «П», а затем о Крузенштерне, о рукописи Курганова и о капитан-лейтенанте Алабышеве. Наверно, не очень толково он рассказывал, сбивчиво, но Ася не перебивала. Гаю нравилось, как она слушает, и вообще он был счастлив, что случилась такая встреча и что они вместе едут на «Крузенштерн». С запоздалым испугом он думал, что могли ведь и не встретиться. Но испуг быстро проходил, оставалось только радостное возбуждение. И он говорил, говорил — бестолково, но весело.

А Ревский, сидевший неподалеку, вдруг сказал: — Прямо роман.

— Это вы о чем? — подозрительно спросил Гай.

— Это я о пропавшей рукописи. Вчера, когда То-

лик рассказывал, я как-то не особенно вник. А сейчас...

Полдня промелькнули в пестроте, солнце, суете съемок и путешествии по громадному барку. Гай смело «свалился куда только можно» и таскал за собой Асю. И везде их встречали по-хорошему. И он почти не выпускал Асину руку...

В половине второго киношно-пиратская компания погрузилась на катер и отправилась обедать. На пирсе Гай увидел Толика.

— Толик, это Ася... Ну, как погулял?

Толик щелкнул его по носу.

Подошел Ревский.

— Толик! Такое дело. Хочешь выступить в роли миротворца крупного масштаба?

— С Гаем поссорился? — испугался Толик.

— Бог с тобой! Дело в другом: Ты заметил, наверно, что отношения с моряками несколько шероховаты. А?

— Еще бы...

— Вообще-то моряков понять можно. График, рейсы, курсанты, а тут еще на их головы свалилось кино...

— Шурик, я-то при чем?

— Выступи перед курсантами с лекцией, а? Мы

проведем это как мероприятие, организованное киногруппой. Умаслим Ауниньша, отвечающего за воспитательную работу...

— Шурик, ты рехнулся?

— Да нет, ты меня послушай...

— Вы — артисты. Почему вам самим не выступить?

Да мы уже всем там глаза намозолили. А твоя лекция...

— О, аллах! Какая моя лекция?

— О Крузенштерне, о той рукописи. Понимаешь, это связано с названием судна, с историей. Это для курсантов было бы самое подходящее... Толик! Две студии — «Молдова» и «Ленфильм» — поставят тебе на своей территории гипсовые бюсты.

— Иди ты...

— Мраморные... Бронзовые, черт побери!

— Шурик, ты за эти годы поглупел. Я кто? Лектор общества «Знание»? Я понятия не имею, как выступают перед людьми!

Ревский наклонил набок курчавую голову.

— Он «не имеет»... На всяких симпозиумах выступать может, на конгрессе в Монако (знаю, знаю!) сумел. А здесь видите ли...

— Там я о деле говорил. О своей работе. К тому же у меня текст был читанный-перечитанный и многократно утвержденный, если хочешь знать. Я готовился месяц!

— Здесь тоже подготовишься. У тебя целых два дня.

Лекция под грот-марселем

Вечер был темный, теплый и тихий. На барке, посреди бухты, слышно было, как трещат на берегу цикады.

На нижнем марса-рее второй грот-мачты распустили парус. Два прожектора уперлись в него широкими лучами. Марсель сделался похож на громадный киноэкран и отразил на палубу мягкий свет.

Между грот-мачтами, на верхней палубе, которую здесь называли спардеком, собрались человек сто пятьдесят. В основном курсанты, но были и актеры, и матросы, и штурманы. Большинство село прямо на доски, кое-кто устроился на плашире ограждения, а иные — даже на спасательных шлюпках.

Ася и Гай примостились на поручнях, где начался ходовой мостик. Рядом уселись Иза и Ревский. Толик вышел к нактоузу главного компаса. Перед этим он сказал Ревскому:

— Ну, Шуручка, втравил в историю... Я тебе припомню.

— Держитесь, юноша, — ответил Ревский. — Вспомните концерт в саду, на Ямской. Там было страшнее.

— А что за концерт? — сунулся Гай.

— Будущий исследователь океанов читал там свои стихи.

— Про Крузенштерна?

— А! Ты знаешь... Ну вот, будешь читать, что сейчас продолжение той же программы... Шурик говорил шутливо, но, кажется, тоже волновался.

Выступление начал не Толик, а Станислав Янович.

— Товарищи, я хочу представить нашего гостя. Это инженер-конструктор Анатолий Сергеевич Нечаев. Кандидат технических наук. Специалист по аппара-

там для глубоководных исследований. Он здесь, в этом городе, в связи с испытаниями новой техники... Анатолий Сергеевич — руководитель группы, которая ведет испытания. Как мне объяснили... — Ауниньш глянул на Толика, — в научном мире такое явление — почти уникальное. Это все равно, что вы видели бы перед собой тридцатилетнего адмирала... — Он заметил движение Толика и торопливо сказал: — Но речь не об этом. О своей работе Анатолий Сергеевич расскажет в другой раз. Сегодня мы попросили товарища Нечаева рассказать о Крузенштерне. О знаменитом адмирале, чье имя носит наше учебно-парусное судно. Анатолий Сергеевич с детства интересовался биографией мореплавателя и знает много интересного... — Толик опять сделал нетерпеливое движение, и Ауниньш быстро закончил: — Впрочем, слово нашему гостю!

Все зааплодировали, и Толик, съезжив плечи, дождался, когда стихнут хлопки. Потом кашлянул и сказал негромко:

— Тут определенная путаница...

— Погромче, пожалуйста! — сразу крикнули с дальней шлюпки.

Толик оглядел всех, кто сидел близко и поодаль. И вдруг заговорил уже иначе — звучно и слегка сердито:

— Видимо, придется начать с разбора путаницы!.. Станислав Янович сравнил меня с адмиралом. Это не так. Если сравнивать научные чины с военными, должность моя не больше, чем капитанская. И далеко не первого ранга... Впрочем, Иван Федорович Крузенштерн, когда совершал кругосветное плавание, тоже был не адмиралом, а капитан-лейтенантом... Нет, я это не для сравнения говорю, а так, для связи, что ли. Чтобы перейти к Крузенштерну...

Но тут опять недоразумение. Получилось, что я вроде бы какой-то исследователь биографии мореплавателя. Ничего подобного. Конечно, я интересовался, читал, но многого не знаю до сих пор... Вот, например, известно, что Крузенштерн, когда его назначили начальником экспедиции, вовсе этому не радовался. Потому что недавно женился и жена ждала ребенка. Про это во многих книжках написано. А дальше о его семейных делах — никаких сведений. Кто родился тогда — сын или дочь? Как звали, какая судьба? И вообще сколько детей у него было, кем стали?.. Неожиданно наткнулся я у Жюль Верна: он в своем трехтомном труде «Открытие земли» описывает плавание Отто Коцебу на шлюпе «Предприятие» и сообщает, что с ним шел старший сын Крузенштерна. Откопал я эту книгу (она почти полтора века назад выпущена), в ней список участников экспедиции, но никакого Крузенштерна в списке нет. Есть Головин — видимо, сын другого знаменитого капитана. Скорее всего, Жюль Верн перепутал...

Да, но, кажется, я начал не с того. Начать, пожалуй, надо с города. С Севастополя... У меня с Севастополем связано в жизни очень многое. Летом сорок второго здесь погиб мой отец, ротный политрук Нечаев. Приморская армия тогда из последних сил отбивалась от немцев на Херсонесском полуострове. Рота должна была идти в контратаку, в это время в одном взводе убило командира. Говорят, командир роты попросил политрука заменить взводного. Ну, отец побежал к тому взводу через открытую площадку, а ему под ноги — мина... Вот такая история. Обычная для той войны и для Севастопольской обороны...

Толик замолчал, было слышно, как дышат люди, жужжат прожекторы и стучит движок рейсового катера. Толик сказал:

— Конечно, отец мог погибнуть и в другом месте, война есть война. Но такая уж судьба. А потом пришлось приехать сюда мне... Но меня привязала к Севастополю не только память об отце и работа. Еще и Крузенштерн, хотя он никогда не бывал здесь. То есть не сам Крузенштерн, а повесть о нем... В общем так. В сорок восьмом году в городке Новотуринске жил-был человек...

И дальше Толик стал рассказывать то, что Гай уже знал: о Курганове, о Российско-Американской компании, о Крузенштерне и Резанове, о Головачеве. Об истории с машинкой. Гай слушал уже не очень внимательно. То есть слушал, но и кругом смотрел — вбирал в себя этот вечер: смутно-черные громады мачт, уходящие к звездам; огоньки на берегах; светящиеся складки грот-марселя; доносящееся с мыса Голландия цвирканье цикад, ровные шумы рейда, запах морской соли и палубных досок. Дыхание Аси... И голос Толика был частью этого всего.

Гай встряхнулся и стал слушать внимательней, когда из заднего ряда сидящих поднялся высокий курсант.

— Скажите, — ломким и дерзким голосом начал он, — а зачем все это надо было писать? Про историю

с Головачевым, про ссоры? Какое это имеет значение?

— Значение — для кого? — напряженно спросил Толик.

— Вообще! Для всех нас! Мы знаем, что Крузенштерн и Лисянский обошли вокруг света, первые из русских. Это важно. А не все ли равно, что там у них было, какие подробности жизни!

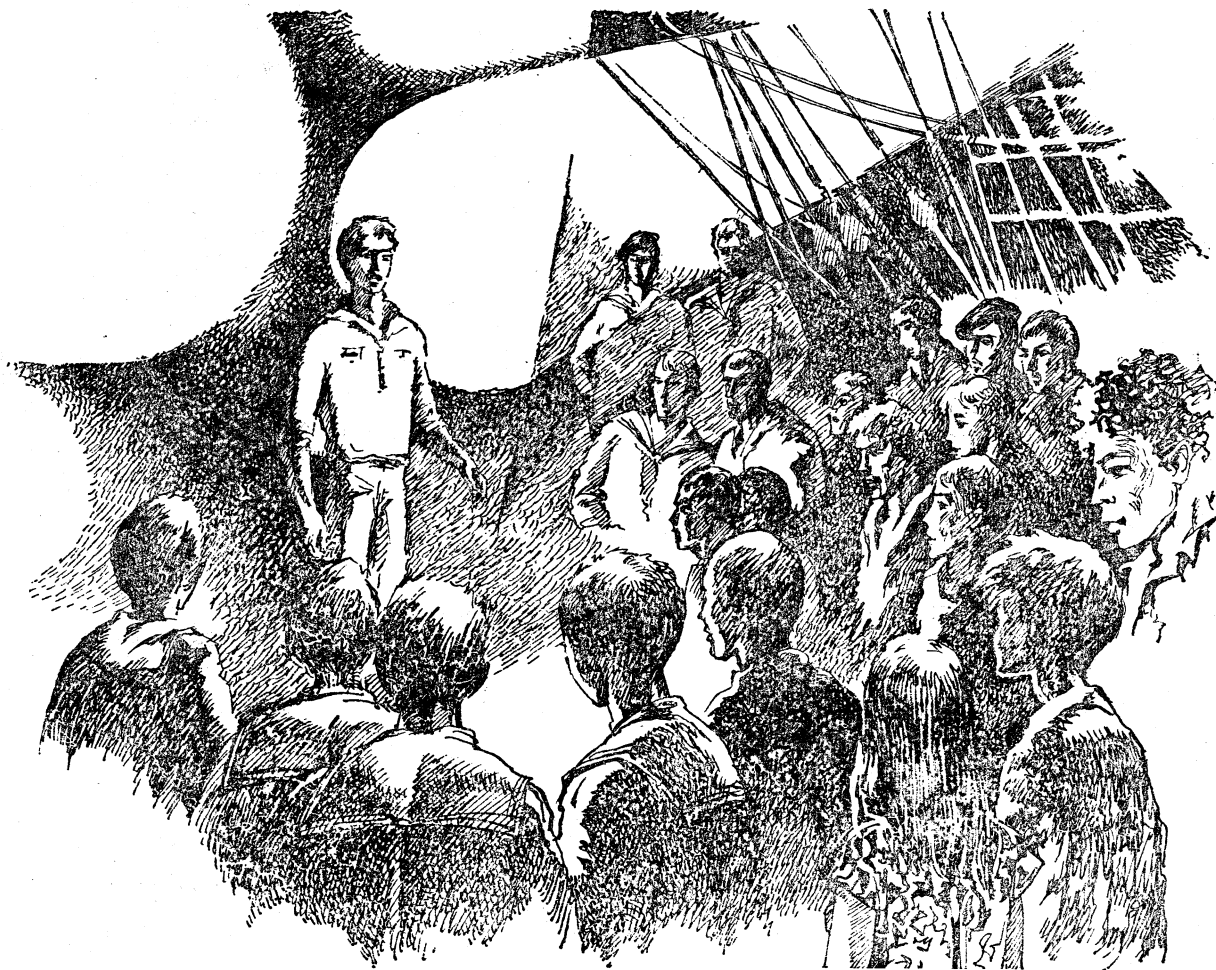
Гай опять услышал в тишине жужжанье прожекторов.

Толик отчетливо и неторопливо сказал:

Иногда бывает невозможно на один короткий вопрос дать столь же лаконичный и однозначный ответ...

— Ага! Одному дураку иногда сто мудрецов не ответят! — донесся со шлюпки веселый, совсем мальчишечий голос.

— Нет, — сказал Толик, — я не хотел никого обидеть. Вопрос действительно сложный... Зачем об этом писать?.. Зачем нам вообще детали прошлой жизни? Сразу и не скажешь. Ну, наверно, для того, чтобы знать всю правду. Чтобы знать не только, что было, но и как было. Какой ценой, какими путями... Наверно, для того, чтобы ошибок не повторять... Вот про последнюю войну сколько книг написано? Наверно, тысячи. Вся ли правда в этих книгах? Где-то да, а где-то нет. Я помню, мы еще студентами об

этом спорили. Одни кричат: «Зачем писать об ошибках! Главное, что победили, до рейхстага дошли, этим все сказано!» А другие: «А сколько времени шли! А сколько миллионов полегло! Почему сперва «шли» до Москвы, а потом уже обратно? А если снова начнется, опять, что ли, так же будем?! Кто виноват?..» Вот и здесь в Севастополе.. Тут про каждого человека, который дрался, можно, наверно, книгу написать. Каждый был героем. Но разве не лучше было бы, если бы этих героев больше осталось в живых? Когда фашисты прижали их к херсонесским обрывам, сколько погибло потому, что не продуман был план эвакуации?.. Не кашляйте, Станислав Янович, это грустные факты, но это факты, и ребята должны их тоже знать...

— Я кашляю не из-за грустных фактов и считаю, что вы все говорите правильно,— отозвался первый помощник.— Но меня беспокоит курсант Коровин, который вон там, сзади, тянет руку. Курсант Коровин имеет привычку задавать вопросы с единственной целью — поставить говорящего в тупик и развлечь слушателей.

— Ничего, пусть спрашивает,— запальчиво разрешил Толик.

— Я никого не хочу развлекать.— сообщил Коровин унылым баском.— У меня серьезный вопрос. О Головачеве. Чего его дернуло стреляться-то? Наверно, у него любимой девушки не было...

По слушателям побежали смешки. Но Коровин повысил голос:

— Чего сразу «ха-ха»? Ждала бы любовь его на берегу, он бы прежде всего про нее думал, а не хватался бы за пистолет. Ну, подумаешь, с офицерами у него нелады пошли! Ну, Резанов его забыл! А больше, что ли, никого у него на свете не было?

Смешки опять пробежали и сразу угасли. Толик сказал:

— Смешного ничего нет. Курсант Коровин прав...

— У него опыт! — выкрикнул кто-то, и послышалась короткая возня. Зашикали.

— Ну и хорошо, что опыт,— усмехнулся Толик.— А была ли у лейтенанта Головачева любимая девушка, я не знаю. И, наверно, никто на свете сейчас не знает... Но если даже не было девушки, были родители, братья... Они — тоже любимые люди, родные. И думать о них Головачев был обязан... Видимо, у Головачева беда вытеснила из души все остальное — в этом его вина... Но Арсений Викторович Курганов писал свою повесть не для того, чтобы на ком-то поставить штамп: «Виноват». Он, по-моему, просто хотел разобраться и понять...

— Значит, он и Резанова не обвинял? — послышался вопрос.

— Он вовсе не показывал его злодеем... Наверно, если бы Резанов предвидел гибель Головачева, он бы ужаснулся. Наверно, сделал бы все, чтобы его спасти...

Поднялся кто-то из артистов (Гай не знал его имени).

— Анатолий Сергеевич! А вы уверены, что лейтенант Головачев покончил с собой, потому что его сбросил Резанов?

Толик помолчал.

— Я-то уверен,— сказал он медленно.— Когда я читал повесть, я был в этом убежден... Другое дело, что я не смог пересказать вам ее убедительно. Это моя вина, а не Курганова.

— Ну, допустим, это было написано убедительно,— возразил актер.— Но так ли это было на самом деле? Может быть, это лишь точка зрения автора?

— Ну... возможно... — Толик, кажется, пожал плечами.— Тут уж, видимо, законы искусства действуют, вы в них больше разбираетесь... Например, историки говорят, что Сальери вовсе не травил Моцарта. Но Пушкин написал, и миллионы людей это приняли за истину...

— А какое право он имел зря на человека писать? — раздался звонкий голос.

— Это уж вы Пушкина спросите,— ответил Толик довольно резко. Потом объяснил примяче, словно извиняясь: — Он же не сам все это придумал, отталкивался от какой-то версии, легенды... Пушкину главное было показать, что зависть и злодейство с гением несовместимы... Так, кажется, эту трагедию объясняют?.. А Курганов, по-моему, хотел в случае с Резановым и Головачевым показать, как губительно равнодушие. И как равнодушие переходит в измену... И должен сказать, что линия отношений Головачева и Резанова, как она была описана у Курганова, кажется мне убедительной с исторической точки зрения. Например, эпизод с бюстом строго документален. Головачев действительно заказал свой бюст у резчика-китайца и завещал этот деревянный портрет Резанову. «Бюст мой старшему по чину принадлежит». Тут и прощание, и упрек, и намек на то, что он, Головачев, именно Резанова, а не Крузенштерна считал начальником экспедиции и потому теперь пьет свою горькую чашу... Конечно, с этой версией можно спорить. Но она, по крайней мере, больше подтверждена свидетелями, чем спор Сальери и Моцарта у Пушкина...

— Но Курганов — это все-таки не Пушкин,— сказали из толпы. Без насмешки, даже сочувственно.

— Разумеется,— согласился Толик.— И вообще я сейчас не могу судить, какой был литературный талант у Арсения Викторовича. Я был мальчишкой. Но тогда повесть меня захватила. И это несмотря на то, что не так уж много в ней было приключений... Я, можно сказать, жил внутри этой повести, в ее мире. И она меня в трудные минуты многому учила... Вот, кстати, еще один ответ на вопрос «зачем все это писать». Связь с людьми ощущается — с теми, кто жил раньше. Начинаешь понимать, что твоя жизнь — это частичка общей жизни — тех, кто был до тебя, и тех, кто будет после... Конечно, это я сейчас так связно излагаю. А может, и бессвязно... А тогда не излагал, а просто чувствовал. И жил этим.

«У него тоже был свой остров», — подумал Гай. ... — Гай, а куда потом девался бюст Головачева? — прошептала Ася.

— Не знаю. Толик не говорил.

А Толик в это время продолжал:

— Сейчас можно только гадать, что было бы с повестью Курганова, если бы ее напечатали. Может быть, она осталась бы незамеченной, так с тысячами книг бывает... Но я думаю, что кто-нибудь эту книгу все равно прочитал бы. И уверен, что хоть кого-то она научила бы чему-то хорошему, как меня... Но этого не случилось. От повести остался только эпизод...

— Вы же сказали, что он пропал вместе с машинкой! — раздался знакомый мальчишечий голос.

— Пропал... Но ведь я сам перепечатывал его, а потом, после смерти Курганова, много раз перечитывал. Я помнил его почти слово в слово. И когда машинка исчезла, я сел и записал его в тетрадку... Я и сейчас его помню почти наизусть.

— Прочитайте! — сказали сразу несколько голосов.

— Хорошо. Если есть у вас терпение на полчаса, я прочитаю... Повесть «Острова в океане» читали всего три человека: моя мама, я и редактор в издательстве — тот, который ее забраковал. Мне его не хочется принимать в расчет... Недавно мой племянник — вы его многие тут знаете — мне сказал: «Ты мне расскажи эту историю, и получится, что появился еще один читатель»... Судьба была несправедлива к Арсению Викторовичу Курганову. Я хочу хоть на самую малость исправить эту несправедливость. Пусть у автора «Островов» появится полторы сотни читателей. Ну, не читателей, а слушателей, и не всей повести, а только эпилога, но все-таки... Тем более, что действие эпилога происходит как раз здесь, в Севастополе...

Толик помолчал секунды три и заговорил ровно и ясно, будто читая на бумаге:

— «Конец тысяча восемьсот пятьдесят четвертого года в Крыму был необычным...»

Когда шли на катере к городу, Ревский сказал:

— Толик, исправь еще одну несправедливость судьбы...

— Ну? — подозрительно отозвался Толик.

— Еще не поздно. Плюнь на свои подводные дела и иди в артисты. Так держать внимание аудитории может лишь истинный талант.

— Надо поразмыслить... Нет, у вас зарплата маленькая. А я, чего доброго, жениться надумаю...

— К тому идет, — поддал голос Гай.

— Что — зарплата! Звание заслуженного получишь — прибавят. Зато — искусство.

— Нет уж... Мне хватит сегодняшнего выступления.

— Какой талант гибнет, — скорбно сказал Ревский.

— Пускай за меня Гай отдувается перед киношной музой... Кстати, когда съемка? Ему двадцать восьмого домой...

— Скоро, скоро съемка.

Они сидели в тесном кормовом салоне катера: Ревский рядом с Толиком, а Гай и Ася — напротив. Желтый свет плафона и равномерный стук движка нагоняли дремоту. Но Гай встряхнулся, чтобы упрекнуть Толика:

— А мне ничего не говорил, что помнишь наизусть эпилог!

— Конечно. Ты бы тут же и начал: рассказывай, мол...

— Анатолий Сергеевич, — вдруг спросила Ася, — а что стало с бюстом Головачева? Не знаете?

— Не знаю. К Резанову он явно не попал... Скоро все, передали родственникам.

— Родственники — они ведь тоже моряки были?

— Братья — да... А что?

— Я подумала... Может, они этот бюст с собой на кораблях возили и в Севастополь завезли?.. У одной нашей знакомой есть деревянный бюст офицера. Старый такой...

Гая словно током прошило:

— Правда?!

— Ну-ну, — сказал Толик. — Сейчас нашему Гаю

взбредет масса фантазий... А впрочем... Ася, а что это за знакомая?

— Старая уже, баба Ксана ее зовут. Она всю жизнь в Севастополе прожила, и бюст этот у нее, кажется, еще до войны был... Но я точно не знаю. Мы с дедушкой к ним как-то заходили, он дяде Алеше помогал мотор чинить, а я так... Ну и увидела в комнате у бабы Ксаны...

— А ты можешь узнать все точно? — дернулся Гай.

— Я попробую... А если хочешь, вместе сходим.

— Завтра!.. А может, сегодня не поздно?

— Дитя спятило, — сказал Толик. — Двенадцатый час ночи... Кстати, Ася, тебе не влетит за позднее возвращение?

— Мне-то? — тихонько засмеялась Ася. — Не от кого. Мама в Симферополе, дедушка с Котькой спят, я им сказала, что поздно вернусь... Да за меня вообще никогда не волнуются, говорят, что самостоятельная.

— Мне бы такое демократичное детство, — заметил Ревский.

— Но самостоятельного товарища мы все же проводим до дома, — решил Толик.

— Да не надо, мне совсем недалеко. На троллейбусе до рынка, а там по лестнице — и дом почти рядом.

— Вот и поглядим, где живешь, — бодро сказал Гай.

— Вам же еще на ГРЭС ехать... А зачем вы в такую даль забрались?

— Так получилось, — виновато сказал Толик. Он вроде бы робел перед этой девочкой. — Сперва — обстоятельства, потом не до того было, чтобы квартиру менять.

Ася посмотрела на Гая, на Толика.

— Знаете что? А у нас соседка комнату приедем сдает. Катерина Степановна. Гай, помнишь, та контролерша, что нас в аквариум пустила? У нее всем нравится... Спросить? Она и постирать, и приготовить может, если надо...

Гай обрадованно поглядел на Толика.

Но Ася вдруг огорчилась:

— Хотя у вас там бесплатно, а она по рублю с человека берет...

— Да бог с ними с рублями, — торопливо сказал Толик. — Зато на катерах не мотаться. Мне эти челночные рейсы уже во как поперек горла... А это, значит, недалеко от центра?

— Конечно. Артиллерийская слободка...

Третья часть

Артиллерийская Слободка

Севастопольцы

Ночью стало прохладно. Гай, спавший у открытого окна, кутался в простыню с головой. Проснулся он рано. Утро было серенькое, пахло дождем. Гай босиком вышел на влажное дощатое крыльцо. Воздух во дворе, сплошь укрытом сырими виноградными

листьями, казался зеленоватым. Гай с удовольствием потянулся и вздохнул. Он понял, как утомила его многодневная жара и какая это хорошая штука — дождик.

Двор был полон нехитрой дождевой музыкой. Капли рассыпчато щелкали в листьях и шуршали в них. Где-то звучало равномерное жестяное «дон-дон-дон». А время от времени: «Бом-дзинь-зинь-зинь...» — это с большого виноградного листа срывалась на перевернутое корыто накопившаяся вода...

Из раскрытого окна кухни долетало звяканье ложки о стакан — тоже вплеталось в мелодию дождя.

Потом в окно выглянула хозяйка.

— Мишенька! Встал уже?.. Я вам чайник горячий в телогрейку заверну, оставлю на табурете. А заварка на столе...

— Ага! Спасибо, Катерина Степановна...

Они приехали сюда вчера. На эту старую одноэтажную улицу Гусева, в дом, словно наспех составленный из больших белых кубов, крытых оранжевыми лотками черепицы. В заросшем дворе висел на каменной побеленной стенке эмалированный ручной мойник, а в фанерном курятнике обитало семейство хохлаток с мирным приветливым петухом.

Катерина Степановна оказалась доброй, хотя и немного шумной теткой. Сказала, что с постояльцев она будет брать по рублю за сутки («как везде») и что днем «живите, как знаете, а уж вечером буду кормить вас сама, а то оба вон до чего тощие, шпангоуты сквозь обшивку торчат». Сравнив ребра со шпангоутами, Катерина Степановна выдала свою принадлежность к флоту. Оказалось, что в прежние годы, «пока не знала, с какой стороны сердце», ходила она судовым поваром на сейнерах. А теперь у нее уж младшая дочь замужем, ребенка ждет, да и с хозяйством полно забот — вот и осела Катерина Степановна на берегу.

— От мужика какая польза? С утра до вечера в своих мастерских. А как придет, все одно: пузо в потолок и разговоры про иностранную политику да про космос...

Потом она по-свойски отругала Толика за то, что «запустил ребенка», в тазу с горячей водой вымыла Гаю голову с пропыленными и слипшимися от соли волосами, забрала в стирку белье и дала новым жильцам две тарелки вареников с творогом.

Толик сказал, сглотнув последний вареник:

— Об одном жалею: что не поселились здесь сразу.

— Ага,— согласился Гай. Но тут же сообразил: тогда не ходил бы он на катере по всей Северной бухте, не увидел бы вблизи столько разных кораблей. И, скорее всего, не попал на «Крузенштерн». Все это Гай изложил Толику и добавил: — И ты со своим Шуриком не встретился бы.

— Значит, все к лучшему,— заключил Толик.— Не будем роптать на судьбу.

После завтрака Толик сказал:

— Надолго не исчезай. Я наведу тебя в лабораторию и скоро вернусь. Поедем на Северную...

Гай кивнул и снова выскочил во двор. Забрался на шаткий курятник (хохлатки заволновались). Лег животом на плоский верх каменного забора, глянул в Асин двор. Ася стояла уже у калитки. Держала за руку братишку: четырехлетнего смиренного Костики, которого надо было отвести в детский сад.

Гай тихонько свистнул и помахал рукой. Ася улыбнулась:

— Ну что, идем?

И они пошли по низким белым улицам, мимо крытых черепицей, беспорядочно слепленных домиков и каменных изгородей с тесными калитками, по стертым ракушечным лесенкам, кремнистым тропинкам и площадкам, где среди голой земли островками возвышались густые кусты с пушистыми бордовыми шариками и высокая трава с желтыми соцветиями. У калиток распускали перья растения, похожие на маленькие пальмы. Над заборами, на крышах сараев горбились темные перевернутые лодки. С веселым по визгиванием крутились на шестах деревянные вертушки...

Дождик уже кончился, проглядывало солнце, мокрые камни быстро высыхали. Пахло теплой травой и морем...

Костик, знавший дорогу, резво шагал впереди. Ася и Гай — бок о бок. Гай вертел головой.

— Пошли, пошли,— сказала Ася.— А то Котыка в садик опоздает.

Гай сказал:

— Ну почему ты не хочешь пойти со мной к этой бабе Ксане?

— Я же тебе объяснила: она при знакомых стесняется разговаривать. Память слабая у нее, вот она и боится, что будет повторять то, что много раз говорила. Понимаешь, ей кажется, будто про нее подумают: «Совсем старая ум потеряла»...

— А с чего ты взяла, что мне она все расскажет?

— Вот увидишь.

— Лучше бы все-таки с тобой,— вздохнул Гай.

Ася покачала головой:

— И кто это придумал, что мальчишки смелее девочек?

— Смелее,— вдруг обернулся Костик.— У нас в садике, когда уколы, девочки все визжат. А мальчики — нет.

— А у нас в классе наоборот,— сказала Ася.

По каменному спуску они вышли на улочку с солидным названием «8 Марта». У двухоконного маленького дома, перед которым дремали в палисаднике рыжие георгины, Ася сказала:

— Здесь.— И толкнула зеленую калитку.

По двору — от сарайчика к дому — неспешно шла старуха.

Гай раньше думал, что такие старухи бывают лишь на картинках и в кино. Высокая, сутулая, с жилистыми руками и худым коричневым лицом. С отполированным ладонями узловатым посохом.

— Баба Ксана, здрасте! До вас мальчик пришел! — громко сообщила Ася. Подтолкнула Гаю: — Иди... — И закрыла за ним калитку. Вот и все. Не убегай же...

Старуха глянула на Гаю темно-синими глазами, утонувшими в тени глубоких впадин.

— Здрасте... — потерянно выдохнул Гай.

Баба Ксана вдруг заулыбалась, показав редкие желтые зубы. И стала словно меньше ростом.

— Здравствуй. Ты до Сергийки? Та он же уехал в Феодосию с мамой. Теперь он к самой школе только и вернется...

— Нет, я к вам,— все еще робея, сказал Гай.

— Ох ты, лышенько,— встревожилась старуха.— А я и не чуяла, что с утра будут гости... Та заходи же, дитятко, шо у тебе за дило до старой бабки? —

Она говорила с мягкой примесью украинского языка и одесского акцента. Этот ласковый говор Гай слышал уже на рынке у пожилых теток.

Бодро стучая посохом и улыбочиво оглядываясь, баба Ксана пошла к двери. Там пропустила Гаю перед собой.

Они оказались в кухне с побеленной плитой, со связками лука и трав на стенах, с грудой помидоров на подоконнике. Баба Ксана села у непокрытого стола, оперлась о посох.

— Сидай, дитятко. Та говори, я послушаю...

Гай присел на высокий табурет. Подумал: с чего бы начать? Не придумал, решительно качнул ногой и выдал напрямик:

— А правда, что у вас есть деревянный бюст?

Баба Ксана смотрела с лаской и непониманием. Гаю вдруг показалось, что она может не знать такого слова «бюст». Вдруг здесь это как-то по-другому называется?

— Ну, вроде портрета такого, из дерева.

Баба Ксана покивала:

— Я чую... Та я же говорила вашей вожатой и хлопчикам тем говорила: не могу я его в музей... Вот уж помру, тогда ладно. А пока я живая, он уж со мной...

— Да я не для музея! — испуганно сказал Гай.

Что вы! Я просто узнать... Я даже не из здешней школы.

Баба Ксана молча улыбалась. Будто опять не понимала.

— Это старинная история, — начал объяснять Гай без уверенности, что баба Ксана уловит суть. — Давным-давно один офицер плавал вокруг света и заказал себе такой бюст... такой портрет за границей. Ему китаец его вырезал. А потом этот бюст неизвестно куда девался... Вот я и подумал, что вдруг...

Он увидел, что баба Ксана мелко смеется и покачивает головой.

— Та ни, дитятко... Его не китаец зрбыл, а Маркуша Вайнштейн. Хлопчик такой жил тут. С Гришенькой моим были дружки... Гришенька-то постарше был, а тот зовсім невыльчкий, а все вместе они с Гришею... Рисовал карандашиком та красками. Похоже так: море та берег, та хаты наши. А еще ножиком резал с дерева игрушки всякие та куколок... А потом говорит: «Тетечка Ксана, я кусок дерева нашел, теперь такого героя зрблю...»

Она замолчала, передохнула.

— Какого героя? — шепотом спросил Гай.

— А пойдем, покажу...

Баба Ксана тяжело встала. Следом за ней Гай вошел в тесную, с двумя окнами белую комнату.

Мельком увидел на стенах блеклые фотографии под стеклами. На узкой черной кровати спала серо-полосатая кошка.

С комода, уставленного коробочками, аптечными пузырьками и узкими стеклянными вазами с пучками ковыля, баба Ксана взяла небольшой, высотой сантиметров пятнадцать бюст.

Это было уверенно вырезанное изображение молодого офицера в мундире с маленькими эполетами. Офицер слегка насупленно смотрел из-под сведенных бровей. У него были твердые скулы, крупный нос, широкие губы — пухлые, но сжатые упрямо. Что-то знакомое почудилось Гаю. Попробовал вспомнить, не смог...

Дерево оказалось серо-коричневым, старым, кое-где в трещинках. А одна трещина была большая, шла через грудь от нижнего среза до ворота. Местами бюст покрывали похожие на лишай темные пятна. Левое плечо с эполетом почернело. Гай понял, что когда-то оно обуглилось, а потом его оттирали, но полностью отчистить не смогли.

— Посмотри, посмотри,— вздохнула баба Ксана.

Гай осторожно покачал увесистый бюст в ладонях, вглядываясь в строгое лицо. Потом поставил на край комода. Но продолжал смотреть...

— А ты сядь,— сказала баба Ксана.— Сядь, я тебя инжиром угощу. Вот я зараз...

Она ушла. Гай оглянулся, стульев не было. Он осторожно сел на край кровати под черным одеялом. Погладил кошку. Она, не просыпаясь, муркнула.

Баба Ксана вернулась без посоха — в одной руке табурет, в другой тарелка с какими-то лиловыми не то ягодами, не то лепешками, обсыпанными крупой. Поставила на табурет.

— Кушай, дитячко...

— Это что? — неуверенно сказал Гай.

— Та инжир же. Разве не пробовал?

— Не... У нас не растет.— Гай сунул мягкую инжирину в рот. Она была сладкой, как мармелад, зернышки хрустывали. Гай жевал, но по-прежнему смотрел на бюст.

— Баба Ксана, а он кто?

Она села на другом конце кровати.

— Не помню, дитячко... Севастопольский он... Маркуша говорил, что герой. Еще с той обороны, при адмирале Нахимове... Маркуша его с картинки делал, положил картинку на лавочку, а сам сидит рядом и быстро так ножиком... А после и говорит Гришеньке моему: «Я,— говорит,— не с портрета, а с тебя, Гриша, его делать буду, вы похожие, а у тебя лицо даже лучше, живое оно...» Я побачила, а он и правда похож...

Гай увидел, что баба Ксана тихонько раскачивается и на него не глядит, смотрит лишь на бюст. О Гае она словно забыла.

— А как ночью забомбили, да как потом сказали, что германцы на нас идут, Сашку, старший мой, сразу ушел. Иванко, брат мой, сразу ушел... А Гришеньку сперва не брали, годков было мало, только школу кончил. Я говорю: ну и добре. Отца-то давно не было, еще в тридцать пятом помер. Гришеньке говорю: хоть ты с нами будешь... А он все одно: пойду и я... Ну и пийшов с комсомольцами, як вороги до городу подступыли...

Баба Ксана говорила все тише, и украинские слова мешались с русскими все чаще.

— Любушка, жинка Сашкова с внучком моим

Олесем уихалы на большую землю, на «Ташкенте» их увезли прямо с-под огня. У меня полгоря с плеч... Маркуша с мамой своей уихав. Мама его все боялась, что нимцы придут, они евреев-то всех под корень губыли... А Маркуша не хотел, говорил: воевать пойду... А куда же воевать, он Гришеньки на три года младше был... Ну, уихалы та и сгнули. Пароход их разбомбили... От Сашка одно письмо было с-под Одессы, а потом сюда же он вернулся с Приморской армией, повидался еще, а потом его у Фиолента убило... А где Гришенька мий косточки сложив, никто мене не оповидае...

Гай положил на край тарелки надкушенную лепешку инжира и не дышал. Тихое горе расходилось от бабы Ксаны, как круги по темной воде...

— Я як нимцы ворвались да стали наших хватать, на мене хто-то и донес, що активистка... А яка я активистка була? Щели рыла, молоко носыла у госпиталь, робыла, що могла, як усї люди... Ну, взяла мене, и в лагерь. Надывылась горюшка... В Унгариї була, в Романешти була, та в самой Германии лютой... А потом прийшли наши, да такое счастье — серед командиров один севастопольский, с Иванком, братом моим, до войны работал. «Оксана Ондриевна, да то ж вы!» И сразу мене дорогу домой схлопотал, спасибо добрым людям...

Гай понимал, что баба Ксана в мыслях сейчас далеко-далеко, в другом времени. Она все качалась тихонько, глядела то ли на бюст, то ли на что-то давнее, Гаю неведомое...

— А дома что? Камни одни, полхаты погорело... Стали строить... Иван вернулся, хоть без ноги, да с руками, все же работник... Любушка с Олесем вернулись. Да она скоро подорвалась на снаряде, когда развалины разбирали на Корабельной... Олесь тогда остался такой, як Сергийко сейчас. Сергийко-то сыннок его, правнучек мой... Олесь, хоть и малый был, а помощник. Мы с ним камни до хаты на тачке возили. Подберем, где получше да поближе, и везем... Мне тогда уже шестой десяток шел, да и хворая была после плену, да все ж не такая... Я бы и зараз робыла еще, у меня бабка до восьми десятков сама воду из крыницы носила, а мене того меньше. Та согнула мене война раньше сроку... А хату все ж достроила... Один раз камни побирала неподалеку, где Вайнштейнов двор был, гляжу, а он лежит под черепицей...— Баба Ксана неожиданно быстро поднялась, шагнула к комоду. Коричневую, перевитую шнурами вен руку положила рядом с бюстом на вязаную салфетку. Пальцем коснулась обугленного эполета.

— Пролежал столько, ничего. Земля у нас сухая... Увидала я, да и себя не помню от слез... Карточек-то Гришиных не осталось, все сгорели, а тут он будто сам на меня глянул... Ой, лышенько, не дождалась я тебя, ридный мий...

Баба Ксана вдруг глянула на Гаю синими влажными глазами из коричневых впадин. Сказала тихо, но ясно:

— Не дам я его никому. Шо мне все говорят: герой, герой? Он мне Гришенька мой... Глазыньки его на эту головку глядели, рученьки его ее трогали... Темные пальцы бабы Ксаны дрожали и суетливо гладили обожженное плечо и деревянные пряди прически. Голос ее угасал, переходил в бормотанье.— Не помню я ничего, сожгли память вороги лютые. Гришеньку помню... Ой, лышенько, як же на свете жить можно

после того... Ой, лышенько, не приведи господя лю-
дям такого... Рученьки его головку эту трогали... Гри-
шеньки... его...

Она замолчала, глядя мимо Гая.

— Я пойду...— шепотом сказал он и встал.

Сказать «до свиданья» или «спасибо» не ре-
шился.

Когда Гай вернулся, Аси дома еще не было: на-
верно, пошла на рынок. Пришел Толик. И отправи-
лись они вдвоем на песчаный пляж Учкучевку, где
давно собирались побывать.

Сначала — катером на Северную сторону, потом
автобусом до «Каткиной версты» — каменного столба,
что поставлен в давние времена в память побывавшей
в Крыму Екатерины Второй. Затем — пешком, к рас-
пахнувшемуся за посадками кипарисов морю.

Пока ехали, Гай молчал. Ответит одним словом
на какой-нибудь вопрос Толика и опять будто на замо-
к заперся.

— Да что с тобой? — не выдержал Толик. —
С Асей, что ли, поссорились?

— Ну вот еще... Просто думаю.

И когда шли, от остановки до Учкучевских обры-
вов, Гай сумрачно рассказывал про бабу Ксану. Про
бюст с обгорелым плечом.

— Да...— проговорил Толик. — Вот тебе и бюст
лейтенанта Головачева...

Гай глянул удивленно и досадливо: при чем тут
Головачев?

Толик вдруг сказал:

— Я знаю, про что ты подумал. Головачев, мол,
это прежде время, о нем печалиться нечего, а здесь
живая баба Ксана горюет... Да только горе — это все
равно горе. Если матери Головачева бюст отдали,
думаешь, ей легче было, чем бабе Ксане?

Гай от неловкости, что Толик угадал его мысли,
буркнул:

— Гриша на войне погиб. А Головачеву кто велел
стреляться?

— Трудно сказать. Может быть, честь велела, а
может быть, тоски не выдержал... Война — это ведь
не только, когда бомбы кругом. Иногда человек так
воюет, что другим и незаметно. Бывает, что сам с со-
бой...

«Бывает...» — вздохнул про себя Гай.

Толик вдруг спросил:

— А ты не сказал, что дедушка под Севасто-
полем погиб?

Гай помотал головой. Толик все-таки чего-то не
понимал. Он не видел бабы Ксаны... Дедушка погиб,
это верно. Однако Гай дедушку не знал и горя, по
правде говоря, не чувствовал. Гордость была, это да.
Но ни разу не схватывало горло так, как при рас-
сказе бабы Ксаны... «Рученьки его головку эту тро-
гали...» Если бы Гай там начал говорить про де-
душку, получилось бы, что он хочет как-то и себя
причислить к севастопольцам. В разговоре с маль-
чишками или с Асей это еще можно, а с бабой
Ксаной... Да она в те минуты и не услышала
бы Гая.

От утреннего дождика не осталось и воспоминанья.
Опять небо стало высоким, и желтые облака не за-
крывали солнца. Ровный ветер с моря усмирлял жару
и гнал на пески ровные валы с шипучими гребеш-
ками. Гай сперва робел перед большими волнами,

но быстро освоился. Дождавшись самого высокого —
«девятого» — вала, нырнул под гребень, «съезжал» на
животе по водяному склону или мчался на верхушке
волны к пляжу. Раза два его, зазевавшегося, волны
сшибали у берега с ног, катили по песку и галеч-
нику, который обдирали на ребрах кожу. Но цара-
пины не огорчали Гая. Все равно волны были друзь-
ями. И солнце зажигало на мокрых ресницах салюты
радужных звезд...

А то, что было утром, спряталось на донышке
памяти...

На обратном пути Толик сказал, что пусть Гай то-
пает домой и до вечера ведет самостоятельную жизнь.
А он, Толик, сегодня вернется к девяти часам.

— Ну и гуляй,— хмыкнул Гай. И добавил: —
Хоть бы познакомил...

Толик важно сказал, что всему свое время.

Гай пришел к Асе. Она, конечно, захотела узнать
про разговор с бабой Ксаной. Гай неохотно расска-
зал. И нахмурился:

— Ты сама-то разве про это не знала?

— Вообще-то знала. Кое-что. Но не точно. Мы
ведь не так уж хорошо знакомы... А еще я подум-
мала...

— Что?

— Ну... пускай ты от бабы Ксаны сам все узна-
ешь. Это ведь лучше, чем от меня.

— Она не помнит, что за герой это... А может, ты
знаешь?

Ася качнула головой.

— Но ты же сразу знала, что никакой это не Го-
ловачев!

Ася порозовела и кивнула.

— А чего тогда было сочинять...— неловко сказал
Гай.

Ася быстро глянула на него светлыми глазами и
опять потупилась. Проговорила тихо, но твердо:

— Я, конечно, виновата. Я хотела, чтобы ты по-
ближе переехал. Теперь сердись, если хочешь.

Гай почувствовал, как теплеют уши.

— Чё мне сердиться-то... Пойдем погуляем.

— Куда? — шепотом спросила она.

— Ну, так просто... Здесь такие улицы...

Они долго бродили по запутанным переулкам,
лестницам-трапам и крошечным площадям. В про-
светах между каменными заборами и над черепи-
цей крыш, за узкими темными тополями открывался
то городской холм с многоэтажными домами и свер-
кающим крестом над полуразрушенным куполом Вла-
димирского собора, то бухты с толчеей кораблей, то
далекие развалины Херсонеса на фоне темного, слегка
взъерошенного моря. Было солнечно и пусто. Артил-
лерийская слободка лежала на хребте и склонах
длинного холма — как старинный остров среди боль-
шого города. Ветер, летевший над крышами, словно
только что касался парусов нахимовских линейных
кораблей.

...И Гаю стало казаться, что он попал на свой
придуманный остров — туда, где много негромких
праздников и где в каждом закоулке прячутся на-
чала таинственных историй.

Особенно понравился Гаю узкий переулок, на-
клонно бегущий с улицы Гусева на улицу Киянченко.
Даже не переулок, а метровой ширины проход между
высоченным, сложенным из серого камня забором
и такой же бугристой стеной дома. В стене на вы-

соте второго этажа виднелось единственное окошко. Посреди прохода тянулся каменный желоб водостока. Гулко отдавались шаги.

«И правда, будто в крепости на острове», — подумал Гай.

Настоящей крепости здесь не было, но небольшая старинная башня все-таки нашлась — на углу Шестой Бастионной и Катерной. Приземистая, из нетесаных камней, с узкими бойницами.

— Это что? — удивился и обрадовался Гай.

— Здесь был Шестой бастион. В Первую оборону... А дальше, где лестница к рынку, сохранилась стена Седьмого бастиона... А вон там была батарея Шемякина, только от нее ничего не осталось...

— Ты все здесь знаешь, — с завистью сказал Гай.

— У меня же мама экскурсоводом работает в туристическом бюро. Я сколько раз с ней на экскурсиях была, многое прямо наизусть выучила... Но я не только потому, что мама. Самой интересн... — И она взглянула, словно спросила: «А тебе?»

«Еще бы!» — посмотрел на нее Гай.

— А если хочешь, я маму попрошу, она тебя хоть в какую экскурсию возьмет, по всему Крыму.

— Хорошо бы, — вздохнул Гай. — Только мне нель-

зя уезжать. Каждый день может случиться, что на съемки позовут.

— Ну, тогда... если хочешь, я сама покажу, что знаю. Здесь, в городе...

— В городе — это самое главное, — сказал Гай. — ...Бродили они до заката.

Вечерняя встреча

Дома Катерина Степановна покормила Гая ужином и поворчала, что «братец твой — старший, но непутевый — ходит где-то голодный».

В девять часов Толик не пришел.

Гай понимал, что «дело житейское» и причин для беспокойства нет. Но затосковал. И еще через двадцать минут со смесью тревоги и привычной злости на Толика пошел его встречать.

Переулком Гай вышел на Шестую Бастионную. Фонарей на улице не было, окошки светились неярко. За шторками мерцали телевизоры. Чужой уют еще сильнее растревлял одиночество и тревогу Гая. Неумолчно и с какой-то скрытой угрозой сверлили сумрак трели цикад.

Никого не встретив, Гай дотопал до Крепостного переулка, что у бастионной стены. Встал на верхней площадке лестницы.

Он видел с высоты холма город и рейд. На улицах и кораблях переливалась электрическая россыпь. Мигали огоньки на сигнальных буйках, вспыхивал на чьем-то мостике прожектор. Змеились отражения. Алой звездочкой горел выше других огней первый маяк Инкерманского створа.

Шептались пирамидные тополя. С Приморского бульвара доносилась музыка духового оркестра. Гай подумал, как все было бы прекрасно, если бы рядом сейчас стоял Толик...

Прошло минут десять. Несколько прохожих поднялись по лестнице, не обратив внимания на мальчишку, съезжившегося на бетонном парапете под неяркой лампочкой.

Потом что-то беспокойно и радостно толкнулось в Гае. Словно сработал чуткий локатор. Гай еще вроде бы никого не видел и не слышал, но соскочил с парапета, всмотрелся в темную глубину, куда убежала лестница.

На нижней площадке возникли две фигуры. Мужчины и женщины. Они торопливо шагали вверх и о чем-то весело и сбивчиво говорили. Мужчина был несомненно Толик.

Гай сжал губы и опять уселся на бетонном уступе.

— О! — сказал Толик. — Это ты? Ты тут... чего?

— Любуюсь ночным городом, — официально ответствовал Гай, надавив на слово «ночным».

— Меня, что ли, ждешь?

— А кого?! — взвизнул Гай. — Может, адмирала Крузенштерна?! — И подумал: «Не зареветь бы...»

— Я же говорил: попадет мне, — сказал Толик спутнице.

Она коротко и как-то бархатисто рассмеялась. Гай покосился. Девушка была рослая, плотная, с тяжелой черной косой. При свете лампочки Гаю показалось, что у нее очень красный большой рот и похожие на сливы глаза.

— Гай, познакомься, — сказал Толик. — Это Алина... Для полноты информации — Алина Михаевна.

— Очень приятно, — с предельной ядовитостью отозвался Гай. Он смотрел на Инкерманский маяк.

— Гай, будь к ней снисходителен — это твоя родственница. По крайней мере, будущая.

Гай резко обернулся.

— Алина моя невеста, — церемонно сказал Толик. — И без сомнений, станет моей женой. Следовательно, твоей тетушкой... или как там еще...

Гай, не вставая с парапета, поклонился:

— Очень рад.

Эти два слова можно было перевести длинной фразой, что тетушка нужна Гаю, как дельфину брюки, и что забывать из-за будущей родственницы — даже невесты — других родственников (не будущих, а настоящих) — потрясающее свинство, и что Толик поступает так не первый раз и поэтому Гай забывать свои обиды легко и скоро не собирается.

— Толик, — глубоким грудным голосом произнесла Алина. — Мальчик думает, что ты задержался из-за меня.

— Придется перейти на язык документов, — со вздохом произнес Толик и протянул Гаю бумажку. Это были два билета в кино.

— Ну и что? — сумрачно спросил Гай.

— Доказательство. Видишь, контроль не оторван? Мы собирались чинно-благородно в кинотеатр «Приморский» на семь часов. В девять я был бы дома перед вашими строгими очами. Но экстремальные обстоятельства помешали тому и другому. То есть кино и своевременному возвращению...

— На него напали хулиганы, — сказала Алина.

Толик взял Гаю за плечо.

— Пойдем, Алина проводит нас...

Когда прошли шагов двадцать, Гай неловко спросил:

— Правда, что ли?

— Что?

— Ну... хулиганы...

Толик неловко хихикнул.

— Два пижончика в закутке на бульваре... Главное, день еще белый, солнце не зашло, а они подходят. Обычный диалог: «Дай закурить». «Не курю». «Жалко, да?» «Гуляйте мальчишки...» «Ах, мы мальчишки, а ты — дядя?» — И ручкой на дядю...

— Ну и что? — нервно спросил Гай.

— Ну, что... Я одного посадил на время под акацию, а другому стал развязывать, что он неправ, он обмяк как-то сразу... Я думал, слегка постукаю их по очереди, с педагогической целью, и отпущу. Но не тут-то было. Алина Михаевна проявила излишнюю инициативу. Куда-то кинулась, тут же явилась с морским патрулем, а те милиционера кликнули... Ну и пришлось «Лимонадного Джо» поменять на визит в отделение... Интересно, что сперва чуть-чуть сам не оказался виноватым: побил, мол, мирных прохожих. Хорошо, умный капитан подошел, разобрался... У одного свинчатку из кармана выудили...

— Даже не верится, — вздохнул Гай.

— Что? То, что свинчатку нашли?

— Вообще... Что в таком городе такие гады...

— Всякое бывает... Хотя они, кажется, алтинские... А этот «Лимонадный Джо» для меня какой-то заколдованный. В Москве, помню, купил билеты — и срочно в институт вызвали. Был в Ленинграде, увидел афишу, побежал в кассу — ногу подвернул, вместо кино в травмпункт попал... Тьфу... А так хотелось посмотреть, говорят, веселая штука.

— Мурá, — сказал Гай. — Все думают, что это про правдашних ковбоев, а это чушь. Одно издевательство...

— Это же комедия!

— Не комедия, а чепуха. Я смотрел и плевался...

— А где ты сумел? Дети до шестнадцати не допускаются!

— Ох уж! Где не допускаются, а у нас в ДК судостроителей — пожалуйста... Толик...

— Что?

— А они тебя... ничего?

— Да ну... хлипкие личности, — бодро сказал Толик.

— Все-таки двое...

— Я так перепугалась, — сказала Алина.

— Ну и я тоже, — засмеялся Толик. — В том-то и дело. Мне с перепугу как раз все и удается в самом лучшем виде... Я и диссертацию раньше срока защитил тоже с перепугу. Потому что прихожу однажды к шефу, а он говорит...

— Да знаю, знаю, — сказал Гай. — Я эту историю четыре раза слышал.

— Ох уж, четыре...

— Да... Один раз ты папе рассказывал, два раза мне и маме и один раз кому-то по телефону...

— Вот такой у меня братец-племянничек,— сказал Толик.

— Хороший,— отозвалась Алина и наклонилась к Гаю (он учуял запах «Красной Москвы»).— А Толик в самом деле все делает с перепугу. Он и в любви мне так признался. Со страху...

— Да,— вздохнул Толик.— Было...

— Как это?— недовольно спросил Гай.

Алина бархатисто смеялась в темноте, платье ее шуршало.

— А вот так... Идем мы по Синопскому спуску, он молчит, я спрашиваю: «Толик, о чем ты думаешь?» А он... я в точности запомнила: «О принципе прямого преобразования направленного электромагнитного излучения в акустическую волну». Я чуть на ступени не села.

— Это единственно реальная возможность прямой связи космоса с глубиной,— доверительно объяснил Толик Гаю.— Женщинам этого не понять... хотя Алина и работает в пресс-бюро при лаборатории.

— Не перебивай,— сказала Алина.— Я ему и говорю: «Ты не мог найти для девушки более подходящих слов?» А он: «Я это... мог бы... Будь моей женой»...

— А вы?— холодно спросил Гай.

— А что я?— засмеялась Алина.— Сразу и согласилась. Потому что я эгоистка. Люблю счастливых людей, у их счастья можно греться, как у печки.

— Разве Толик такой уж счастливый?

— Конечно,— серьезно ответила Алина.— Он счастливый в самом главном, он свое дело нашел. И удач у него в этом деле — выше головы.

— Тьфу-тьфу-тьфу...— суеверно плюнул Толик.

— Ничего не «тьфу»... Про него за границей пишут. В сорок лет он станет академиком, а я толстой и важной супругой академика... Разве плохо?

— Не знаю...— сказал Гай и повернулся к Толику.— Лишь бы ты сам не сделался толстым и важным.

— Ни за что на свете... Гай, давай проводим Алину, а потом уж домой...

— А где живет... Алина Михайловна?

— Недалеко, за площадью Коммунаров... Только не Михайловна, а Михаевна.

— У меня папа был молдаванин,— сказала она.

— Михай... так румынского короля звали,— брякнул Гай.

Алина засмеялась:

— Так в отцовском селе чуть не каждого второго мужчину зовут. Это все равно, что русское имя Михаил. Как у тебя.

Гай поморщился. Толик быстро объяснил:

— Князь Гаймуратов свое имя терпеть не могут-с.

— Хватит обзывать-то,— сказал Гай.

— Виноват-с... Кстати, сегодня получил от твоей мамы письмо. Одно на двоих. Пишет, что съездила прекрасно, соскучилась по ненаглядному Гаю и ждет не дождется, когда он явится домой... Еще пишет, что Галина уже отстроила пол-Ташкента и приедет в сентябре...

— Получил и молчит!— возмутился Гай.— Что еще пишет?

— Сообщает, что некий Юра Веденеев извелся по Гаю, все спрашивает, когда приедет.

Гай вздохнул радостно и виновато.

— Соскучился?— ласково спросила Алина.— Хочется домой-то?

— Хочется... и уезжать не хочется.

— Душа пополам. Диалектика жизни,— заметил Толик.— Ничего, тебе осталось еще неделя. Догуляешь — и к родным пенатам...

— Толик, а от Ревского ничего не слышно? Вдруг не успею отснятьсь?

— Он обещал завтра со мной связаться. Успеешь, выход назначен, кажется, через два дня.

— Ура...

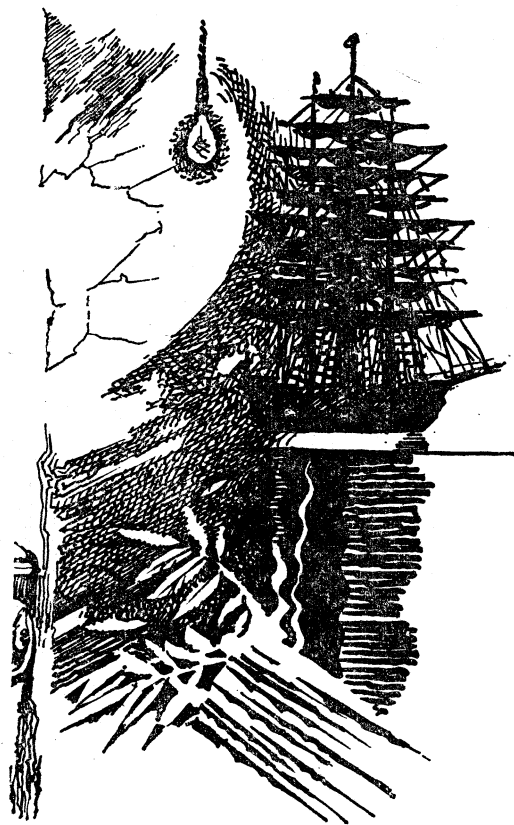
— А завтра у меня свободный день и у Алины отгул. Может, втроем закатимся куда-нибудь, а?

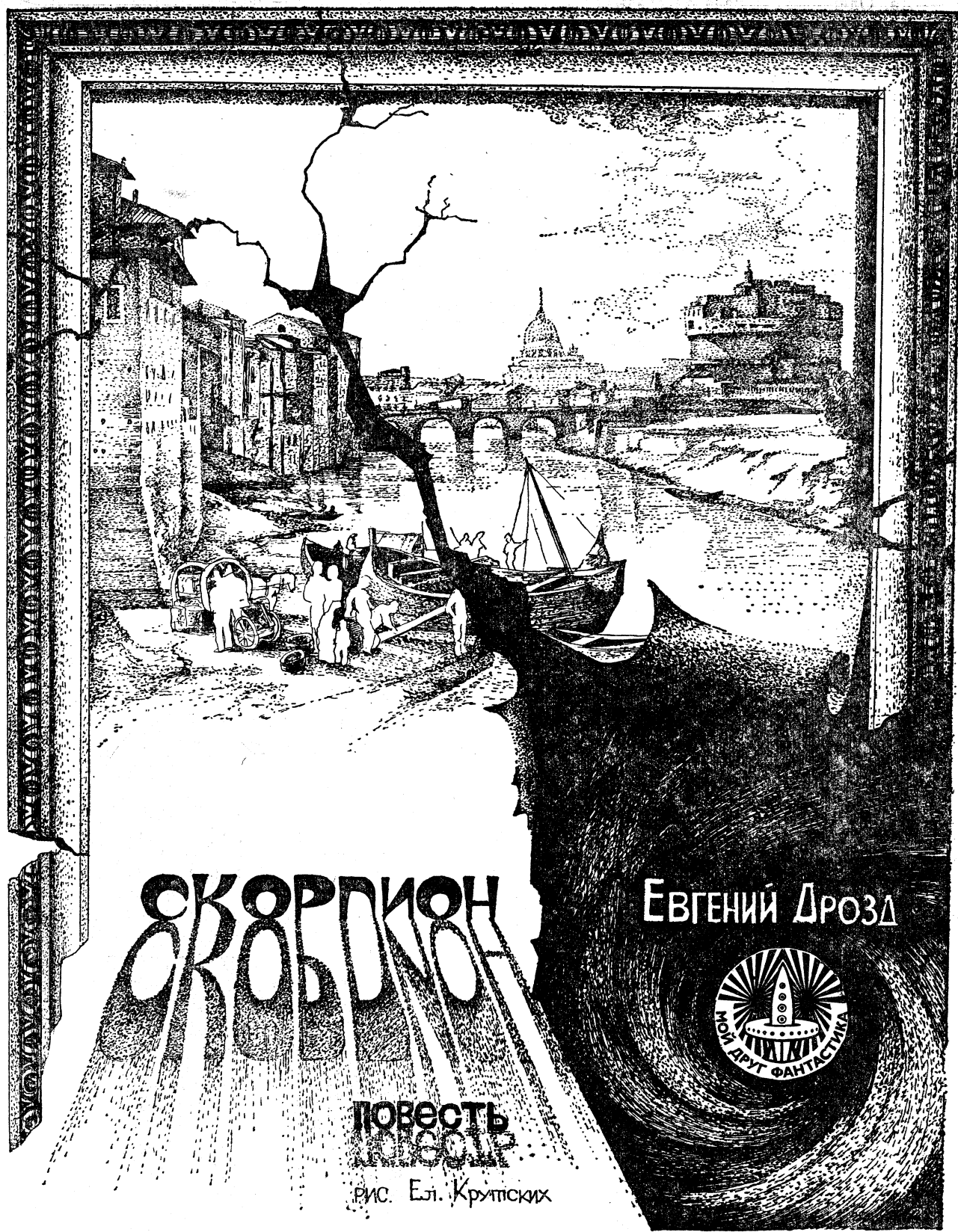
— А вот и нет,— сказал Гай.

— Что так?

— У тебя своя личная жизнь, у меня своя. Завтра мы с Асей пойдем по городу. По всей линии Обороны...

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

СКОРПИОН

ЕВГЕНИЙ ДРОЗД

ПОВЕСТЬ
ЛИБЕРА
РИС. Ел. Крютских

I. В мире, в котором появился на свет Франц, его скорее всего посчитали уродом. В этом мире, где рождались дети с двумя головами или с одной, но зато трехглазой, где рождались дети с четырьмя руками или вовсе без них, или же дети, покрытые серебряной шерстью, с хвостом и красными, огромными глазами лемуров,— он был редким исключением. У младенца было две руки и две ноги, и на каждой конечности по пять пальцев, и лицом он походил на нормального человека предшествовавшей эпохи.

Франц принадлежал ко второму поколению людей, родившихся после Красной Черты. Факт его рождения сам по себе стал событием, поскольку около восьмидесяти процентов женщин было неспособно к нормальному деторождению. Мать Франца исключением не была и умерла при родах. Коммуна поручила малыша заботам кормилицы—тетки Марты, которую до Красной Черты непременно называли бы слоноподобной, но в мире Франца о слонах никто и понятия не имел.

Марта не питала любви к юному Францу, ибо ее собственный ребенок был отмечен явными уродствами и напичкан скрытыми болезнями. Чужой румяный крепыш вызывал в ней ревнивое раздражение. Но долг свой она исполняла честно, тем более что коммуна выплачивала ей за это провиантом и освободила от некоторых работ сроком на год. Этот год пролетел для нее незаметно, в ровной, привычной круговерти. Днем она возилась с детьми и копалась в огороде, где росли гигантские сладковатые клубни земляка, бывшего некогда обыкновенной картошкой. С наступлением темноты вся коммуна собиралась в спальном доме—крепком каменном амбаре. На ночь запирались прочные ворота, окна закрывались окованными железом ставнями, у каждого окошка на крыше выставляли часового. Ночью из леса приходили стаи волко-собак, они кружили вокруг амбара, царапали ворота, пытались подрить землю под ними. В таких случаях кто-нибудь из часовых стрелял. Раненого или убитого зверя тут же пожарили остальные.

И так проходила очередная ночь—в тяжелом забытьи, в непрочных, кошмарных снах, под завывание и рык волко-собак, с пробуждениями при редких выстрелах. Редких—потому что патронов было мало и их берегли. Новых достать было негде.

Последний патрон был потрачен, когда Францу исполнилось два года. Приближалось время длинных ночей, и выходящие из леса

(80)

стаи волко-собак становились все многочисленней и агрессивней. Совет коммуны после долгих споров порешил на зиму всем миром перебраться в город. Зима—это слово употребляли старики, родившиеся до Красной Черты. Для младших поколений их рассказы о смене сезонов и каком-то снеге были непонятны. В мире Франца ничего не менялось—небо постоянно было затянуто серой пеленой, временами с лиловым оттенком, временами с багровым, всегда было одинаково тепло и влажно, и почти непрерывно моросил мелкий теплый дождик. Вот только леса, выросшие после Красной Черты на радиоактивных пепелищах, становились год от года все страшнее, а волко-собаки все злее и настырнее. И коммуна согласилась—надо переселиться. Они погрузили в телеги самое необходимое, усадили в них стариков и детей и, понукая мохнатых лошадок, пустились в путь.

Самую главную свою ценность—небольшое стадо коров—поместили в середине каравана. Мужики, те, кто способен был сражаться, шли по бокам, вооруженные топорами и самодельными копьями. Знающие люди выбрали маршрут так, чтобы от одного села к другому можно было пройти засветло и ночевать в безопасности.

Это помогло каравану без потерь и без особых приключений добраться до города, где, по рассказам тех же знающих людей, уровень радиации давно уже упал до нормы и потихоньку восстанавливалась жизнь; говорили, что здесь есть даже больница.

Маленький караван довольно долго плелся по необитаемым районам, меж груд бетонных обломков, покрытых пятнами асфальта и поросших ломкой рыжей колючкой. Здесь не было ничего живого, кроме крыс, но крысы днем не страшны, и мужики, побросав топоры и копы в телеги, напрягали силы, подталкивая свои скрипучие колымаги, помогая лошаденкам преодолевать бесчисленные завалы.

Наконец они выбрались в центр города, где улицы уже были расчищены, хотя по сторонам высились одни лишь каркасы да почерневшие коробки. Дома бесстыдно выставляли напоказ свои внутренности, в темных проемах белели раковины и унитазы, угрожающе нависали над пустыми провалами перерубленные лестничные пролеты. Караван приостановил свой путь.

Женщины расхаживали около телег, разминая ноги, пока еще робко оглядывались по сторонам, покрякивая на детишек, готовых сразу же приняться за исследование нового, таинственного мира вокруг них. Тут-то и произошел случай, впервые показавший, что

Франц наделен каким-то странным и непонятным даром.

Угрожающий треск и чей-то крик послышались одновременно. Все, как по команде, обернулись и оцепенели от ужаса. Кирпичная стена пятиэтажной коробки медленно кренилась, с треском отделяясь от основания, а на том месте, куда должна была обрушиться эта многотонная громада, стоял двухлетний Франц. Никто и не заметил, как он отошел в сторону, и ничего уже нельзя было сделать — только смотреть.

Стена рухнула.

В ушах оцепеневших людей все еще стоял тяжелый грохот, над грудой битого кирпича еще не успела осесть пыль, когда послышался отчаянный женский визг. Визжала толстая Марта, но смотрела она не на место падения стены. С расширенными от ужаса глазами она пятилась назад, как будто увидела гигантского скорпиона. А ничего страшного перед ней не было. Просто стоял Франц, живой и невредимый, и недоуменно глядел на визжащую кормилицу. Люди загомонили, сгрудились вокруг малыша, недоверчиво ошупывали его, недоуменно глядели то на Франца, то на стену, пытаясь сообразить, как это мальчишка смог за долю секунды оказаться на расстоянии в полсотни метров от места катастрофы.

И тогда кто-то из городских сказал:

— Не простой у вас пацан, крестьяне. Знаете что — есть тут у нас человек, все его Доктором кличут, он как раз такими случаями занимается. Телепатия там всякая, телекинез. Мой вам совет — отведите мальчишку к нему. Родители у пацана есть?

— Да нет. Сирота. Коммуна воспитывает.

— Тем более. Там у них что-то вроде интерната для таких вот...

Так была предрешена дальнейшая участь Франца.

III. Группа Доктора по изучению положительных мутаций располагалась в уцелевшем здании бывшего оперного театра, формой своей пародирующего римский Колизей. Доктор сумел организовать там вполне приличную клинику, где по мере сил и возможностей изучал и лечил болезни, появившиеся в мире после Красной Черты. В интернате при клинике жило полтора десятка мутантов разного возраста. В основном — телепаты, но были трое, владевшие телекинезом, и двое умевших превращать одни вещества в другие, не прикасаясь к ним. Случай Франца был признан уникальным. Доктор решил, что у малыша дар к телепортации, и поручил Франца заботам старших мутантов-телепа-

(81)

тов, которые с помощью глубинного прощупывания мозга пытались эти его способности вычленить и закрепить. Но все их старания пропали впустую. Никакой телепортации Франц больше не демонстрировал. Зато у него обнаружился дар превращения веществ, и в возрасте девяти лет его перевели в группу трансмутации. Здесь Франц добился больших успехов и уже через пару лет мог концентрированным волевым импульсом проникать на субатомный уровень испытуемого вещества и создавать информационную программу-катализатор, по которой атомы мгновенно перестраивались один за другим в соответствии со знаменитым принципом домино. И тут оказалось, что с Францем по этой части никто не мог сравниться. Он очень быстро обогнал двух своих старших товарищей, умевших синтезировать из наличного материала лишь самые простейшие органические молекулы. Поэтому Доктор поручил им превращать воду в необходимый для клиники спирт, все свое внимание сосредоточил на Франце. Он раскопал в развалинах библиотеки учебники фармацевтики и стереохимии и задавал Францу все более и более сложные задачи. Мальчишка щелкал их как орехи. У него оказалось прекрасное пространственное воображение, он обладал способностью полностью концентрироваться на поставленной проблеме, забывая обо всем остальном. Он наловчился превращать воду и

«Аэлита»-88

рассеянный в воздухе углерод в сложнейшие органические молекулы, и с его помощью Доктор смог получить немалое количество дефицитных лекарств.

Весь город был наслышан о способном пареньке. Успехи его в трансмутации были столь велики, что все забыли о том странном случае. Забыли до тех пор, пока Францу не исполнилось восемнадцать лет.

III. Франц чуть приоткрыл дверь своей комнатухи и осторожно выглянул наружу. Коридор был пуст. Главное — миновать незамеченным кабинет Доктора. Конечно, у Франца сегодня выходной, от занятий трансмутацией он свободен, но ведь чем черт не шутит, мало ли что Доктор может придумать. Возьмет, как в прошлый раз, да и пошлет помогать подсобникам простыни стирать. А у Франца на этот день были свои планы.

Он на цыпочках двинулся вдоль коридора, держась ближе к стене. Одна дверь, другая, вот и комната Доктора, и, кажется, все нормально. Франц вздохнул с облегчением, и в это время дверь со скрипом отворилась. Франц мысленно выругался. Вошедшее в разговорку умение Доктора ощущать присутствие человека за глухими стенами и закрытыми дверями еще раз блестяще подтвердилось.

— Это ты, Франц, — сказал Доктор рассеянно, — ну заходи, заходи.

Франц еще раз мысленно чертыхнулся, но делать было нечего. Он покорно проследовал за стариком.

Апартаменты Доктора были обставлены с тяжеловатой роскошью. Вдоль стен до самого потолка полки с книгами, в центре — круглый тяжелый стол из темного дерева, вокруг него — с полдюжины обитых кожей кресел. Ближе к окну огромный письменный стол. На нем книги, бумаги, мраморный чернильный прибор.

— Садись, — все так же рассеянно предложил Доктор и, отвернувшись от Франца, продолжил: — Петр, я разделяю твои эмоции, но все же позволю себе высказать свое мнение о твоих занятиях. Это просто-напросто разновидность интеллектуального мазохизма...

Франц только сейчас заметил, что в комнате находится еще один человек. Так же, как и Доктора, его никто никогда не звал по имени, а просто Лейтенант. Он был ровесник Доктора. Лейтенант сидел в одном из глубоких кресел у стола.

Франц со вздохом опустился на обширный, обитый кожей диван и приготовился к худшему. Ему давно осточертели эти споры

двух стариков, споры, в которых он не улавливал никакого смысла.

Лейтенант начал что-то говорить, но Доктор перебил его:

— Петр, но ведь заниматься такими вопросами так же бессмысленно, как подсчитывать, сколько чертей сядет на острие иголки. Ей-богу, это чистойшей воды схоластика. Это, может быть, и интересно, да только кому это нужно?

— Это нужно будущим поколениям, Адам, чтобы они не повторяли наших ошибок.

— Оставь. Когда цивилизация снова достигнет того уровня развития, что существовал перед Красной Чертой, они успеют все позабыть. Ну, хорошо, ты потешил свой исследовательский дух, потратил полтора десятка лет, раскопал-таки этот самый бункер, нашел записи на магнитной ленте и даже сумел их прочесть...

— Да, сумел. И теперь я знаю, как началась война. Я знаю, на какой именно стартовой площадке произошел сбой оборудования...

— Ну да, да, сбой оборудования, ложная тревога, «Першинг» стартует, а подлетное время всего лишь около пяти минут — некогда разбираться: случайность или нет — следует ответный удар и начинается ядерная война. Третья, она же и последняя мировая война, она же Красная Черта. Самая короткая из войн. Все это я слышал. Я повторяю свой вопрос — что толку от того, что ты реконструировал ход событий и теперь можешь точно указать, с какой именно базы стартовал тот первый «Першинг» и какой именно сбой это вызвал? Разве ты можешь повернуть время вспять? Или вернуться назад и все исправить? Твое знание не может найти практическое применение, и в условиях, когда все наши силы должны быть направлены на выживание, является чистойшей схолистикой...

Лейтенант начал что-то отвечать, но Франц не стал слушать. Он тихонечко поднялся с дивана и подошел к раскрытому окну.

«А Щур с Толмачом, наверно, уже ждут в холле», — подумал он с беспокойством, оглядывая раскрывшуюся перед ним панораму.

Здание бывшего оперного театра находилось на одном из самых высоких в городе холмов, и вся центральная часть города отлично просматривалась из окна. Если глядеть влево, видны четыре оплетенные мутантнм плющом колонны — все, что осталось от здания цирка. Еще дальше — разрушенный квартал, который старики называли телецентром. Над развалинами высилась, упираясь в низкие серые облака, решетчатая металлическая конструкция — телевышка. Она уцелела либо

чудом, либо потому, что находилась в эпицентре взрыва, вне зоны действия ударной волны. Франц с минуту пристально и оценивающе глядел на нее, затем невольно обернулся. Доктор и Лейтенант продолжали свой дурацкий спор. Франц вздохнул и снова отвернулся к окну. Взгляд его бесцельно скользил по городскому пейзажу. Вот излучина реки. Перебитый пополам бетонный мост. Над погруженными в воду половинами главного пролета построены деревянные мостки — люди ходят, телеги проезжают. За рекой видны густые заросли, «джунгли», как их Доктор называет, бывший городской парк. Из листвы и переплетения лиан торчит к небу что-то чудовищное, металлическое, оплавленное и перекореженное. Старики называли это «колесом обозрения». Говорят, оно само крутилось и на нем можно было подняться вверх и посмотреть на город. Должно быть, интересно было.

Голоса сзади поменяли интонацию. Кажется, закончили-таки. Да, Лейтенант уже стоял в дверях и говорил прощальные слова. Когда дверь за ним закрылась, Доктор повернулся к Францу и бодро произнес:

— Ну, что у нас на сегодня запланировано, молодой человек? Давайте начинать...

— Что начинать? — голос Франца был мрачен.

Доктор изумился.

— Как что? Работу!

— Какую работу, Доктор? У меня сегодня выходной. По графику.

Доктор недоумевающе посмотрел на Франца, затем извлек из нагрудного кармана туники самодельный блокнот и быстро перелистал.

— Да, действительно. Извини, Франц, а...

— А в палатах я вчера дежурил, — предупредив вопрос, быстро проговорил Франц.

— А в...

— А в прачечной три дня назад. И на прополке тоже был, и в пекарке. А на кухню идти моя очередь завтра...

Доктор спрятал блокнот, поморгал глазами.

— Ну что ж, Франц, тогда, э-э, отдыхай.

— Спасибо, Доктор, — гаркнул Франц. — Можно идти?

— Можешь, Франц. Но только помни, мальчик, что отдых — это не безделье, а смена деятельности.

— Понял, Доктор. Смена деятельности. Я займусь самообразованием.

И побыстрее выскочил из комнаты.

IV. Франц скатился по широкой лестнице в холл. Там его уже ждали Щур и Толмач —

1931

неразлучная парочка, настолько неразлучная, что их называли «полтора человека». Доктор же называл их содружество симбиозом.

Неразлучны они были потому, что друг друга дополняли и друг без друга существовать не могли. Щур фигурой вышел что надо — строен, высок, ладно скроен, широкоплеч. Вот только то, что находилось выше плеч, выглядело похуже. Он был абсолютно лыс, маленькие, недоразвитые уши ничего не слышали, глаз не было вовсе. Рот едва заметен на лице — этот орган Щур использовал только для еды; гортань к речи была не приспособлена. Так что с внешним миром Щура связывали только три чувства — осязание, обоняние и вкус. Но природа все же сжалилась над ним, наделив мощными телепатическими способностями. Сверхнормальное шестое чувство компенсировало Щуру отсутствие двух из пяти нормальных и помогало неплохо ориентироваться в окружающей действительности. Однако по-настоящему Щур прозрел, когда встретился с Толмачом и обнаружил в нем идеального телепатического партнера. Возраст Толмача никто точно не знал. Говорили, что он родился через год после Красной Черты, значит, было ему далеко за тридцать. Но выглядел он всегда одинаково — старческая голова на тельце хилого двухлетнего ребенка. Предоставленный самому себе, он был совершенно беспомощен и выжил только потому, что попал в клинику Доктора, обнаружившего у него слабые телепатические задатки. Но и в клинике Толмач влачил жизнь довольно жалкую, пока на него не наткнулся Щур. По рассказам Щура, он был потрясен, когда в его мозг вдруг вспыхнуло что-то яркое и он впервые в жизни «увидел». С тех пор эти двое не расставались. Щур служил Толмачу транспортным средством и инструментом воздействия на окружающий мир; Толмач был представителем Щура в этом мире, а также его глазами и ушами. Вот и сейчас он сидел на широком плече Щура и с гримасой недовольства на старческом лице глядел на приближающегося Франца.

— Сколько тебя ждать можно? — голос Толмача был неприятно высок и скрипуч. Это означало, что он говорит от себя. Когда его устами говорил Щур, голос звучал на октаву ниже и приобретал бархатистость.

— Доктор задержал, — пояснил запыхавшийся Франц. — Идем.

Троица поспешила наружу.

Этого дня они ждали долго...

Старая телевышка, одиноко торчащая среди развалин, давно притягивала взоры Франца и Щура-Толмача. Щуру было про-

сто интересно увидеть город с такой высоты, а Франц надеялся проверить слухи о том, что вершина вышки протыкает облачный слой насквозь и что якобы за облаками небо голубого цвета.

Франц и Щур прошагали по выщербленной мостовой до моста. В месте поворота русла река была перегорожена сетью. Вдоль нее на унылой водной глади виднелись неуклюжие рыбацкие лодки. В одной из них смиренный парень с мягким лицом олигофрена и трехпальными руками перебирал добычу. Многие рыбыны вид имели жутковатый, но горожане и такими не брезговали. Извлекая из общей массы какой-нибудь особенно диковинный экземпляр, парень глупо хихикал.

Щур и Франц вышли к мосту, и от квартала телецентра их отделяла лишь неширокая полоса растительности. Неширокая, но от этого не менее непроходимая.

— Великий Крыс! — выругался Толмач голосом Щура. — Здесь же еще позавчера проход был.

— Зарос, значит, — нетерпеливо отозвался Франц. — Давай тесак, а то я свой забыл.

Щур отцепил от пояса угрожающего вида оружие — нечто среднее между ножом для разделки туш и топором — и протянул Францу.

Франц взял тесак, примерился к ближайшему стволу ядовитого борщевика и, держась от растения на расстоянии вытянутой

184
руки, чтобы на кожу сок не брызнул, нанес удар. Сзади раздался вопль. Франц вздрогнул и обернулся. Он увидел, что сидящий на плече у Щура Толмач тоже обернулся и смотрит на реку. Там что-то происходило. Рыбаки орали дурными голосами, слышался яростный плеск.

Франц переглянулся с Толмачом, Толмач пришпорил Щура, и приятели бросились к гранитному парапету. Первым увидел, в чем дело, Толмач.

— Опять какая-то дрянь мутантная заплывала, — проскрипел он. Между лодками, запутавшись в сетях, билась какая-то тварь. Рыбаки бестолково суетились, орали благим матом и пытались ударить чудовище веслом по голове. Из-за лодок и спин Франц лишь мельком мог видеть то лоснящееся скользкое туловище, то длинную шею, то небольшую голову с красными глазами и с оскаленной зубастой пастью.

— Сейчас сети порвет и смоемся, — прокомментировал Толмач.

И точно, тварь поднырнула под чью-то лодку и вырвалась из круга. Рыбаки заорали громче, но было поздно. Сеть отчаянно задергалась, последовал еще один сильный рывок, и голова твари вынырнула метрах в пятнадцати от ловушки. Изящными волнообразными нырками чудовище быстро уплывало прочь. От головы до кончика хвоста в нем было метров семь-восемь.

— Ладно, — сказал Франц, — потопали.

— Будет им теперь работка — сети чинить, — заметил Толмач.

И тут же его рот заговорил голосом Щура:

— А тебе бы все злорадствовать, вредный ты человек, Толмач.

Толмач завизжал что-то в ответ, и началась их обычная перепалка, которая на людей посторонних всегда производила тягостное впечатление. Ибо со стороны было видно, что один молчит, а второй сам с собой ругается разными голосами.

Ругались они все то время, пока Франц прорубал проход в зарослях борщевика и шипастой крапивы.

— Эй, — крикнул он, нанеся последний удар, — кончайте спор, дорога открыта.

«Полтора человека», Щур-Толмач, замолчал и прошагал за Францем. Они пересекли полосу вырожденного грунта — бывшую проезжую часть улицы. Асфальт во время Красной Черты весь испарился и осел темными пятнами на развалинах телецентра. Осторожно балансируя на горах кирпичика и обломках бетонных плит, друзья перебрались через завал и вышли на открытую площадку у подножия вышки. Они никогда до этого не подходили к телевышке так близко и теперь в

молчанию стояли и, задрвав головы, смотрели вверх.

Решетчатая конструкция башни подавляла все вокруг, она уходила ввысь и упиралась в серый облачный слой. Эта темная громада гипнотизировала. Хотелось просто стоять и смотреть на нее. Франц только сейчас по-настоящему осознал, как тихо вокруг них, как сумрачно и безлюдно.

Из транса их вывел шорох за спиной. Франц и Толмач обернулись. Из темной норы, меж обломков бетонных плит, на них глядели два светящихся красных глаза.

— Крыса,— пробурчал Франц.— Здоровая, килограмм двадцать потянет.

Он пригрозил крысе тесаком. Из норы послышался злобный визг-шипенье, и глаза исчезли.

— Пошли наверх, а то она сейчас целую ораву приведет...

Франц отдал тесак Щуру-Толмачу, и они начали свое восхождение по тряским металлическим стремянкам, медленно преодолевая пролет за пролетом. Во время взрыва поверхность металла оплавилась, а после застыла, образовав тонкослойное покрытие с измененной структурой кристаллической решетки. Покрытие надежно защищало вышку от ржавчины, иначе она давно бы развалилась.

Перекладки стремянок были скользкими и очень холодными. Франц скоро ощутил, что его пальцы начало сводить, приходилось постоянно разминать их.

После того, как они поднялись до четвертого пролета, Толмач вдруг начал скрипеть, что у него кружится голова и дальше подыматься он не желает. Голос Щура велел ему заткнуться и не валять дурака. Толмач истерически завизжал, что Щур хочет его убить, что он давно уже подозревает это, а сейчас вот окончательно убедился...

Голос его прервался на полуслове. Щур применил ментальную гипноатаку, что вообще-то позволял себе очень редко, особенно по отношению к Толмачу. Он перехватил управление эмоциями Толмача, заставил его успокоиться и глядеть на мир взглядом, исполненным доброжелательного любопытства и созерцательного стоицизма. Франц, терпеливо ожидавший конца семейной сцены, молча повернулся и продолжил восхождение.

Чем выше они поднимались, тем больше немели руки. Друзья только сейчас сообразили, что оделись легковато для такой экспедиции. Они уже вошли в туманный слой, и холодно было не только рукам. Франц ощутил некоторое разочарование. Когда снизу смотришь на облака, то они выглядят очень плотными, с резкими краями, и кажется, что их можно потрогать руками. А тут ничего

такого — просто туман, и все. Правда, густой туман, плотный.

Наконец они достигли самой верхней площадки, где смогли перевести дух и оглядеться. Площадка представляла собой правильный восьмиугольник, огороженный хлипковатыми на вид перильцами, и в центре ее, а также во всех восьми углах, высились трубчатые опоры антенн УКВ-ретрансляторов. Некогда вертикальные, сейчас они стояли оплавленные, изогнутые самым причудливым образом. Всю площадку перечеркивали пунктирные строчки застывших металлических капель — следы бывших проводов.

Франц и Щур-Толмач стояли у огороженного края, держась за мокрые поручни. Сильный ветер трепал их домотканые туники. Хорошо еще, Щур догадался захватить с собой длинный шерстяной шарф. Теперь он обмотал им хилое тельце трясущегося от холода Толмача, а свободный конец обернул себе вокруг шеи. Толмач, хоть и тряся, но заинтересованно водил головой по сторонам, и было ясно, что его глазами сейчас владеет Щур.

Франц крепче уцепился за перила, осторожно выглянул через край, вниз. Перед глазами была все та же туманная пелена, разве что посветлее. Города видно не было. Вскоре ветер чуть разрядил ее, и на несколько секунд далеко-далеко внизу стали видны руины, излучина реки с разбросанными по ее поверхности темными черточками — рыбацкими лодками. Франца вдруг поразил приступ страха. Когда вокруг была дымка, высота не ощущалась, а теперь как-то ясно стало, что до земли добрых полтораста метров. Просвет затянулся, и снова по сторонам одна лишь игра теней, темные призраки на сером фоне, зыбкие, эфемерные формы гонимых ветром облаков.

«А ветер-то усиливается», — отметил про себя Франц.

Он повернулся к Щуру-Толмачу, чтобы поделиться с ним этим наблюдением. Пола его туники захлопала под резким порывом ветра. Когда он переносил тяжесть тела с одной ноги на другую, кожаная подошва сандалии скользнула по мокрому металлу, и тело Франца вылетело за пределы площадки. Реакция не подвела — он все же успел схватиться за вертикальную опору перил и повис над бездной. Отчаянным рывком он пытался подтянуться на руках. Тонкий прут не выдержал, переломился у самого основания, и Франц рухнул вниз...

Все произошло так стремительно, что стоявший чуть поодаль Щур-Толмач смог только в ужасе зажмурить глаза. Он стоял оцепенев, боясь поверить в реальность происшедшего.

1851

«Аэлита»-88

186]

— Да,— крикнул он,— пора.

Но тронуться в обратный путь они не успели. Франц ошибался. Еще не все увидели они из того, что было припасено для них на этот день.

Внезапно что-то изменилось вокруг, и они не сразу сообразили, что именно. Потом поняли — стало светлее. Сильный ветер принес с собой то, чего обитатели города не видели в течение добрых двадцати лет — громадный просвет в облаках. Облачный слой, истончаясь, становился все светлее и светлее, и вот, наконец, свершилось — лопнул облачный купол над головами, и приятели впервые в жизни увидели чистейшую синеву. Площадка старой телевышки, этот металлический островок в небе, этот странный летательный аппарат перенес их в волшебную страну. Впитать, вобрать в себя, задержать, запомнить редкостный подарок судьбы... Друзья стояли в благоговейном молчании, потрясенные неожиданным чудом, и не заметили, как из темного провала меж двух облачных утесов бесшумно выскользнула черная крестообразная тень. Она описала пологую спираль, а затем, сложив крылья, спикировала на телевышку.

Коршун-мутант имел размах крыльев около восьми метров, мог утащить небольшую коровенку, его когти оставляли царапины на танковой броне, а клюв запросто перекусывал толстый прут чугунной садовой ограды.

Первым его заметил Щур-Толмач и предостерегающе крикнул. Франц резко повернулся — коршун пикировал прямо на него. Второй раз за какие-нибудь четверть часа на глазах Щура-Толмача Франц подвергался смертельной опасности, и второй раз «полтора человека» был совершенно бессилен что-либо сделать. Вокруг себя и Толмача Щур моментально выстроил защитный психический кокон, так что коршун воспринимал их как некий неодушевленный предмет, не стоящий внимания. Но Франц был на другом конце площадки, и его Щур прикрыть не мог, а до удара оставались доли секунды...

Коршун ударил... В пустоту!

Франц стоял уже около другой мачты ретранслятора, метрах в шести от первой. Птица неловко кувыркнулась в воздухе, захлопала крыльями, выровняла полет и пошла на второй заход. И снова все повторилось — Франц опять оказался совсем в другом месте.

Коршун попался упорный. Раз за разом повторял он свои безуспешные попытки, а Франц играл с ним, как суперкрыса с кошкой.

Щур наблюдал за этой странной игрой с холодным любопытством исследователя, но в его мозгу совершалась лихорадочная работа. Он почувствовал, что в теперешнем воз-

— Заснул, что ли? — услышал он голос Франца.

Глаза открылись сами собой и даже не открылись — распахнулись.

— Т-ты!.. — произнес «полтора человека» таким голосом, что не понять было, кто говорит — Толмач или Щур.

— Я... Ну и что? Чего пялишься?

Глаза Толмача скользнули по перилам ограждения. Перила были целехоньки.

Щур-Толмач снова уставился на Франца. Молча. Франц почувствовал смущение.

— Ну чего ты, чего?

Глаза Толмача заморгали. «Полтора человека» как будто приходил в себя.

— Так... Ничего. Ты что-то говорил?

— Я? Ах да... Ничего особенного, ветер, говорю, усиливается...

— А... ветер. Да. Усиливается.

Франц повернулся и сделал несколько шагов к другому, неогороженному краю площадки. Ветер дул ему в лицо, полы туники трепетали, хлопали. Он подошел к искореженной опорной мачте УКВ-ретранслятора в метре от края, потряс ее рукой — мачта стояла прочно. Франц ухватился за мачту и наклонился вперед, всматриваясь в сумрачные клубы. Щур-Толмач молча глядел ему в спину.

Франц обернулся.

— Ни черта не видно, — крикнул он симбиозу. — Да и ветер. Пора возвращаться.

Щур-Толмач сбросил оцепенение.

«Аэлита»-88

бужденном состоянии духа он смог бы прикрыть и Франца защитным психококоном. Но он не сделал этого. Ему надо было что-то понять, что-то очень важное, и, продолжая поддерживать защитный кокон, Щур снял контроль с психики Толмача и концентрированным усилием проник в подсознание Франца, желая увидеть все происходящее изнутри, глазами самого Франца...

Коршун наконец понял бесплодность своих попыток и, издав резкий крик разочарования, улетел прочь. Просвет затянулся, и снова вокруг была привычная промозглая мгла.

Щура возвратил к действительности плач Толмача. Хотя разумом и годами Толмач был стар, психика его была по-детски слаба, как и его тело. Щур, нацелившись на подсознание Франца, предоставил Толмача самому себе, и теперь тому было холодно и страшно.

Щур несколько успокоил его и шагнул к Францу. Тот отрешенно стоял в центре площадки. Волосы его трепетали на ветру.

— Спускаемся, что ли? — спросил Щур-Толмач.

Франц встрепенулся, помотал головой.

— Да-да... Спускаемся.

Потом добавил:

— Ну, спасибо, Щур. Если бы не ты...

Щур глазами Толмача как-то странно посмотрел на него, но ничего не ответил.

Вниз они спустились в полном молчании, домой возвращались пустыми, сумрачными улицами. Уже темнело, и руины выглядели угрожающе.

Щур шел быстрым шагом, почти бежал.

— Куда несешься? — спросил наконец Франц недовольно.

— К Доктору, — отрезал Щур-Толмач.

— Зачем?

— Надо, — так же коротко бросил Щур.

V. Вместо Доктора они застали Лейтенанта, рассматривающего какие-то книги большого формата в ярких, блестящих обложках. Франц никогда таких не видел. Лейтенант оторвался от своего занятия, рассеянно ответил на приветствие.

— К Доктору? — спросил он. — В палатах где-то или в подсобках. Минут через пятнадцать будет. Садитесь, ждите.

Франц опустился в кресло у стола, а Щур-Толмач сразу подошел к книжной полке и стал рыться в стопке растрепанных брошюр. Он извлек из кучи одну и начал неторопливо перелистывать. Остановился на одной странице: долго вчитывался. Затем глаза Толмача закрылись, лицо стало невыразительным — верный признак, что между Толмачом и Щу-

ром идет оживленная телепатическая дискуссия. Франц смотрел на них с некоторой завистью. Преимущества интеллекта, имеющего в своем распоряжении два совместно работающих мозга, были неоспоримы. Именно поэтому Щур-Толмач и был правой рукой Доктора и старостой над всеми остальными мутантами.

Лейтенант отложил просмотренную книгу и взялся за следующую. Франц со вздохом отвернулся от Щура-Толмача и протянул руку к отложенному тому.

— Можно?

— Бери, — ответил Лейтенант.

У этого альбома обложка не была пестрой. На сером фоне простым шрифтом выведено название: «Живопись европейского Возрождения». Францу это ничего не сказало. Он раскрыл наугад и замер пораженный. Потрясение его было почти таким же сильным, как на вышке, когда он увидел голубое небо. Никогда не виданные им краски произвели в его душе отклик, подобный беззвучному сейсмическому удару. Цвета буйствовали, рвались со страниц: перед Францем распахнулось окно в мир иного измерения. Пейзаж, не похожий ни на что виденное, приковывал взгляд, гипнотизировал — и синее небо, и облака, и река, и странные деревья, и что-то голубоватое вдали, что Франц не знал как и назвать, ибо гор он никогда в жизни не видел. Но главное — люди! Множество людей

на переднем плане, мужчины и женщины, в разнообразных позах, в странных пестрых одеяниях, и все они казались ему прекрасными! Он не мог понять, что происходит на картине. Но ясно было, что нечто важное и глубоко значительное. Подпись под картиной: «Лука Лейденский. Исцеление иерихонского слепца». С трудом оторвавшись от созерцания, Франц стал листать дальше. Какой цветной микрокосм предстал перед ним: и восторг, и горькое чувство какой-то потери теснило сердце. Он впервые видел всех этих прекрасных людей и не понимал, что они делали. Но судя по всему, то были какие-то бесконечно важные и прекрасные дела. Подписи под картинами ничего ему не говорили: «Мантенья. Парнас» (Разве бывают крылатые кони? Может, раньше были?), «Рафаэль. Обручение Марии» (Что такое обручение?), «Леонардо да Винчи. Мадонна в гроте», «Боттичелли. Поклонение волхвов», «Джорджоне. Поклонение пастухов»... Глубокая зелень и небесная лазурь, золото, пурпур, киноварь... Когда он дошел до «Спящей Венеры» Джорджоне, то почувствовал, что находится на пределе — сердце, казалось, готово было разорваться от беспредельной тоски и отчаянья.

И вдруг — неожиданное отрезвление. На одной из картин все было до боли знакомо — руины зданий, пламя, клубы дыма, багровые облака, фигурки людей и множество безобразных тварей — должно быть, мутантов. Франц прочел подпись: «Иероним Босх. Воз с сеном. Правая часть триптиха «Ад». Сена никакого на картине не было, и слово «ад» было непонятно, но не это, а некое другое несоответствие заставило Франца призадуматься. Он уже хотел было задать вопрос Лейтенанту, но тут дверь распахнулась, и в комнату ворвался Доктор. Он был бодр и в прекрасном расположении духа. В руках большой термос — уникальная вещь, пережившая Красную Черту. Доктор им очень дорожил.

— Добрый вечер, молодые люди, добрый вечер, Петр! Прекрасная компания собралась, вот и отлично, сейчас чай пить будем.

Лейтенант буркнул: «Привет, Адам» — и отложил в сторону альбом.

Щур-Толмач захлопнул брошюрку и сделал шаг вперед. По лицу Толмача было видно, что «полтора человека» принял какое-то решение.

Франц его опередил:

— Доктор, можно вопрос?

— Давай, сынок, что у тебя там?

Франц ткнул пальцем в картину Босха:

— Доктор, разве бывают цветные фотографии? Ведь это фотография?

— Нет, Франц, это не фотография. Это работа художника. Это... м-м... нарисовано.

1981

— Как нарисовано?! Разве можно так нарисовать?

Знакомство Франца с изобразительным искусством ограничивалось рисунками, сделанными мелом на каменных стенах.

— Видишь ли, Франц, сейчас такое, конечно, никто не сможет сделать. Но до Красной Черты были люди, которых обучали этому приему... вот так...

— А мутанты? Как они оказались в картине? Вы же сами говорили нам, что они появились уже позже Красной Черты?

Лейтенант коротко рассмеялся. Доктор растерянно смотрел на Франца. Наконец он собрался с мыслями.

— Видишь ли, Франц, этот человек жил задолго до Красной Черты. Он ее и не видел. Он... ну, фантазировал, что ли... Понимаешь?

Франц ничего не понял, но на всякий случай кивнул.

Доктор явно не хотел продолжения разговора.

— Ну что же мы, право? Давайте, наконец, чай пить... Чай, чай...

Щур-Толмач разинул рот, намереваясь что-то сказать, но передумал.

Доктор засуетился, выставляя на стол разнокалиберные чашки, кувшинчик с вареньем из ягод верасники, холодные, уже слегка черствые лепешки. Когда все расселись вокруг стола, он отвинтил колпачок термоса, извлек пробку (из горлышка пошел парок) и разлил ароматный напиток по чашкам.

Чай пили в молчании, не спеша, вдумчиво, макая лепешки в кувшинчик с вареньем. В мире Франца к еде люди относились серьезно.

Франц никак не мог взять в толк, почему эту жидкость Доктор называет чаем. Откуда он взял это слово? Ведь это был просто отвар шиповника и еще нескольких растений, ни одно из которых чаем не называлось. Он каждый раз задумывался над этим и каждый раз забывал спросить. Не успел и в этот раз. Доктор отставил термос и в упор посмотрел на Щура-Толмача:

— Чувствую, молодые люди, вы что-то хотите рассказать.

Щур-Толмач спокойно выдержал взгляд Доктора и голосом Щура просто ответил:

— Да.

И начал рассказывать про дневную экспедицию на верхушку телевышки. Франц окаменел от такого предательства. После одного несчастного случая подобные вылазки были строжайше запрещены. И вот теперь Щур... Франц принялся корчить страшные рожи, пытаясь заставить Щура замолчать, но тот его

«Элита»-88

игнорировал. Лейтенант смотрел на рассказчика с недоумением. Доктор, покусывая губу, хмурился, но пока не перебивал. Франц понял, что Щура не остановит, и смирился. Но когда Щур стал рассказывать, как он, Франц, свалился за пределы площадки, Франц не выдержал:

— Да что ты врешь! Не было этого!

Щур-Толмач бросил на него быстрый взгляд:

— Было! Просто ты не помнишь. Об этом я еще скажу. А что было, так ты Толмача спроси, он тоже видел.

Толмач тут же перешел на свой собственный голос:

— Точно было! Я видел...

Он запнулся и замолчал. Надо полагать, Толмач хотел еще что-то сказать, а Щур считал, что уже достаточно, и между ними завязалась обычная их борьба за право голоса. Борьба, которая почти всегда заканчивалась победой Щура.

Паузой воспользовался Доктор. Голос его был ледяным:

— Это и есть то самое самообразование, которым ты хотел заняться, Франц? Между прочим, молодые люди, законы, которые мы у себя вводим, вызваны к жизни вескими причинами. И созданы они для того, чтобы их выполняли. А я-то считал вас вполне взрослыми, разумными людьми...

— Доктор,— ответил Толмач голосом Щура,— запреты существуют еще и для того, чтобы их временами нарушать. Иначе не будет никакого прогресса. Мы сегодня, конечно, нарушили запрет, но зато сделали открытие, последствия которого трудно предсказать.

— У вас какой-то абстрактный спор,— вмешался Лейтенант,— оставьте высокие материи, держитесь фактов. Я так и не понял — свалился Франц с вышки или нет. Если свалился, то как жив остался?

— Свалился, свалился,— ответил Щур-Толмач,— а вот как он жив остался, мы и сами не поняли, пока на нас коршун не напал.

— Еще и коршун...— Доктор схватился за голову.— Вижу, скучно вам там не было. Ну давай, давай, все рассказывай, без утайки. Разбивай сердце старого человека.

Щур-Толмач рассказал о коршуне.

— Это-то ты хоть помнишь?— спросил он Франца.

— Это помню.

— Все в деталях? Как ты от него увертывался?

— Я не увертывался. Я стоял себе неподвижно, это он все время промахивался.

— Да? И с чего это он вдруг столько раз промахивался?

— Не знаю... Я думал, это ты его психополем с толку сбиваешь.

Голова Толмача повернулась к Доктору.

— Шестнадцать лет назад, когда мне было десять, а Францу два года, он впервые попал в нашу клинику, и вы дали нам, телепатам, задание выявить у него способности к телепортации. Там еще был какой-то случай со стеной. Вы помните?

— Да, конечно.

— И как вы знаете, никаких способностей к телепортации мы у него не нашли. А вот сейчас...

— Я понял. Значит, способности такие у него все-таки были. Только так глубоко скрытые, что проявляются лишь в минуты смертельной опасности. Как на этот раз или в том случае со стеной. Я тебя верно понял?

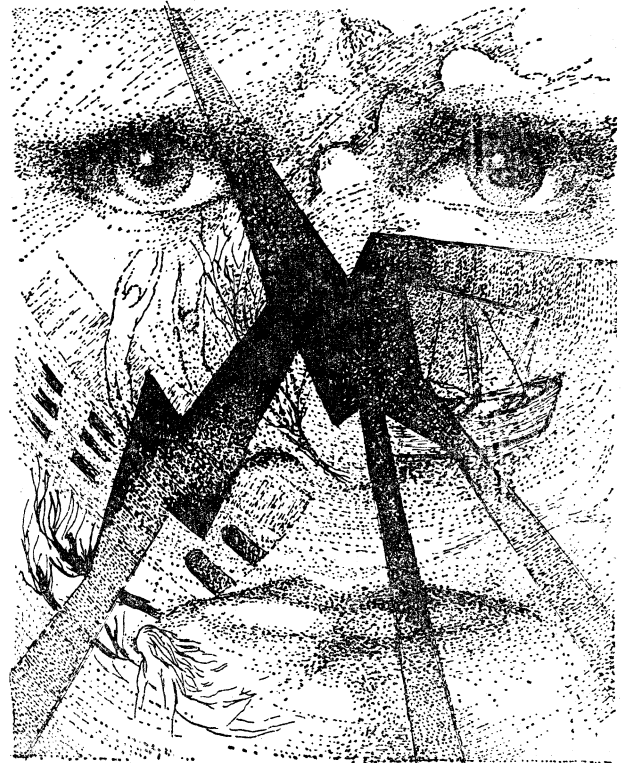
— Насчет опасности верно, а насчет телепортации — нет. Тут все гораздо интереснее.

— Еще интереснее! Куда уж дальше?!

— Ну, сначала-то я тоже подумал — телепортация. Свалился человек вниз — смертельная опасность — включились скрытые потенции и т. д. Но одна деталь из этой картины выпадала.

— Какая же?

— Ограждение. Я же сам видел, как прут сломался. А когда Франц вновь оказался на площадке, то перила снова стали целехонькие. Что ж, думаю, он по пути обратно еще и перила починить успел? Что-то тут не так.

И самое главное, по Францу видно было, что он ни черта не помнит. Как будто ничего и не было. Мы бы, наверно, и до сих пор голову ломали, да тут, к счастью, коршун подвернулся. Когда началась эта коррида...

— Ишь ты,— встрял Лейтенант,— слова-то какие знает — коррида!

— Лейтенант,— укоризненно произнес Щур-Толмач,— вы же сами давали нам «Фиесту» читать.

— А-а, действительно... Я забыл.

— Не перебивай, Петр,— сказал Доктор Лейтенанту и, обернувшись к Щуру-Толмачу, потребовал: — Продолжайте, молодые люди.

— Да, так вот, пошла эта самая коррида, и я мог уже присмотреться, что к чему. А потом взял, да и вошел в подсознание Франца, и теперь знаю то, чего он и сам пока не знает.

— Ну и что же? Будете вы говорить?!

— Он не телепортировался, Доктор, он совершал скачки во времени.

— Как?! Бред! Ведь это невозможно!

— Ну, вообще-то невозможно. Неодушевленный предмет привязан к своему времени, зафиксирован в определенном моменте «сейчас», и перебросить его в другой момент нельзя. Но вот человек... Для человека есть возможность путешествовать во времени.

— С любопытством про такую возможность послушаю. Чем же человек отличается в этом плане от, скажем, кирпича?

— Тем, что он, в отличие от кирпича, мыслит.

— И что?

— Вот в этой книжке,— Щур-Толмач показал Доктору брошюрку, которую до этого листал,— говорится про всякие проблемы, связанные с пространством и временем, и в ней есть глава, посвященная психическому пространству-времени. Автор поясняет, что психические явления не локализируются в пространстве. Нельзя сказать, что мое «я» находится сейчас около переносицы или, скажем, ближе к левому уху. Зато я всегда могу совершенно точно указать положение мысли во времени — ее начало и конец. Дело в том, что мысль имеет временную природу. Вот я вам сейчас прочту: «Подобно мелодии, ум по сути дела имеет временную природу. Говоря конкретнее: ум должен рассматриваться как процесс интеграции, сохранения и модификации тождества личности, имеющий временное протяжение и локализацию во времени, но не пространственное местоположение и протяжение, хотя он имеет поле влияния, более сильное в районе, занимаемом конкретным мозгом, с которым его обычно связывают. Это поле влияния может, однако,

при случае расширяться за его пределы, как это ясно из теперь общепринятого обоснования телепатии». Вот именно эта временная природа мышления и позволяет сознанию двигаться во времени. Причем не так, что я просто представляю себе прошлое или будущее. Нет, мое «я» на самом деле переносится в это прошлое или будущее...

— Ну ладно,— не сдавался Доктор,— психика, мысль, с этим еще можно согласиться, но тело, тело-то как?

— А вы вспомните, чем занимается Франц в нашей клинике! Трансмутацией. Превращает одни элементы в другие, синтезирует из воды и воздуха сложнейшие органические молекулы, практически в любых количествах... Но ведь он умеет и наоборот — разлагать элементы на составные элементарные частицы, а их, в свою очередь, превращать в фотоны, в кванты электромагнитного поля... Короче, моя гипотеза такова — он в минуту опасности моментально, сам того не сознавая, аннигилирует собственное тело, превращает его в энергию (все по Эйнштейну, Доктор, $E=MC^2$) и, воспользовавшись этой энергией, переносится (не как физическое тело, а как квант биополя) на несколько секунд в прошлое, где синтезирует себе новое тело из наличных во круг элементов и по той информации, что хранится у него в памяти — генетический код и прочее... Вот этим он и занимался, когда коршун напал. Он видит, что коршун через долю секунды его ударит, переносится на пару секунд в прошлое, уходит в другое, безопасное место, а затем возвращается в текущий временной срез «сейчас». А для нас это выглядит, как будто он мгновенно переносится из одного места в другое. Коршун, естественно, промахивается. Коррида... темпоральная коррида.

— Темпоральная коррида,— медленно повторил за ним Доктор, со вкусом выговаривая слова.— Да... Но все это настолько фантастично... Не укладывается у меня это как-то. Ты уж прости, Щур, но мы ведь ничего этого не видели. Нам бы какое доказательство. Самим бы посмотреть...

— Доказательство? — задумчиво протянул Щур-Толмач.— Знаете, я и сам себе до конца не верю. Но возможность для проверки все же есть. Вы помните, Доктор, зимний набег волко-собак на город, схватку в Трицком предместье... У Франца тогда плечо и грудь располосованы оказались, вы еще швы накладывали.

— Помню, ну и что?

— Если он, путешествуя во времени, каждый раз создает себе новое тело, то ведь строит он его по генетическому коду — таким, каким оно должно быть, без учета всех

случайностей, которые с ним в жизни происходили...

— Понял, понял! — воскликнул Доктор и, повернувшись к испуганному Францу, произнес профессиональным тоном: — Ну-с, молодой человек, разденьтесь до пояса!

Франц поспешно стал стаскивать тунику через голову. Через несколько секунд он стоял, уткнувшись подбородком в ключицу, испуганно кося глаза на левое плечо и левую часть груди. Остальные в гробовом молчании тоже глядели на его мощный торс. Шрамов не было.

Затем внезапно заговорил Лейтенант:

— Ну что, Адам, ты все еще считаешь, что я занимался схоластикой?

Доктор заволновался.

— О чем ты, Петр? Я не понимаю!

— Прекрасно понимаешь! Теперь у нас есть возможность изменить прошлое и предотвратить... то, что произошло.

Доктор замахал руками.

— Ты с ума сошел! Одно дело — несколько секунд, а совсем другое — более трех десятков лет. Бред!

— Главное — принципиальная возможность. Остальное — дело техники.

И повернувшись к Францу, Лейтенант добавил:

— Вот что — с завтрашнего дня ты и Щур-Толмач поступаете в мое распоряжение. Будем тренировать тебя на сознательное овладение техникой путешествий во времени.

Он обратился к Щуру-Толмачу:

— Ты проник в его подсознание во время этой... темпоральной корриды. Запомнил, что там у него делалось? Сможешь помочь ему перенести это в сферу сознательного?

Обе головы Щуры-Толмача синхронно кивнули.

— Отлично! Значит, решено. Завтра и начнем. И не вздумай возражать, Адам, ты знаешь, что я, как член совета коммуны, полномочен принимать такие решения.

Доктор хотел было что-то сказать, но только рукой махнул.

VI. Полтора года должно было пройти, пока не настал момент, когда Франц сказал самому себе, что он готов. Это были тяжелые полтора года, хотя его и освободили от всех вспомогательных работ.

Два раза в день, утром и вечером, проводились трехчасовые медитации под руководством Щура-Толмача. Во время этих занятий Франц шаг за шагом все глубже и глубже погружался в темные пучины собственного подсознания, постигая тайны собственной психики и секреты управления ею и своим телом.

191

Днем — лекции Лейтенанта по электронике, по оборудованию стартовых комплексов ракет среднего радиуса действия, бывших на вооружении стран НАТО до Красной Черты.

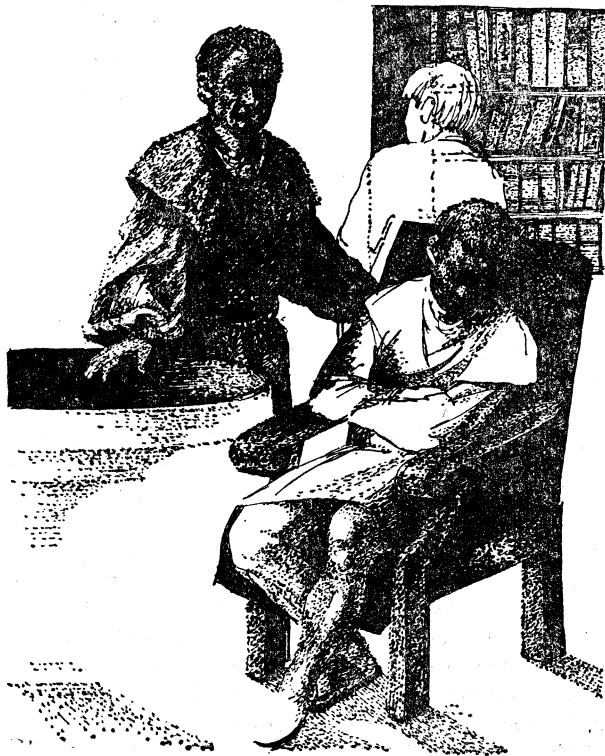
Франц уже знал, что произошло на комплексе: из-за какой неисправности стартовал тот злосчастный, самый первый «Першинг». И он знал, что нужно сделать, чтобы это предотвратить. Он расщепит ракету на молекулы!

Отдохнуть ему позволяли, только когда чувствовали, что Франц находится на грани нервного срыва. В такие дни он брал лом, лопату и, прицепив к поясу тесак, отправлялся на раскопки бывших городских библиотек или книжных магазинов. Из всего, что находил, его интересовали только альбомы живописи. День, когда он откапывал сохранившийся альбом нового для него мастера, становился праздником. Франц мог часами валяться на постели в своей комнатухе, рассматривая солнечные пейзажи, сказочные замки и города, странных, пестро одетых людей. Он все пытался постичь выражение их глаз. У нынешних такого не увидишь. Как будто те, на картинах, что-то знали, какую-то важную тайну, смысл жизни на земле.

В торжественный день Франц надел новую тунику. Щур с Толмачом последовали его примеру. Волнуясь, постучались в дверь Доктора.

— Войдите, — голос, донесшийся изнутри, был раздражен.

Приятель переглянулись и вошли. Торже-

ственное настроение тут же их оставило. Хотя Доктор и Лейтенант тоже были одеты нарядно, никакой праздничности в их лицах не было. Более того, по всему было видно, что старики только что переругались не на жизнь, а на смерть.

Доктор, заложив руки за спину, стоял у окна. Лейтенант быстрыми шагами мерял комнату.

— Садитесь,— буркнул он.— Вот, полюбуйтесь на этого мыслителя.

Лейтенант через плечо ткнул большим пальцем в сторону Доктора.

— У нас появляется реальный шанс изменить историю, спасти человечество от Красной Черты, мы полтора года готовимся, не щадя сил, а когда наступает время действовать, у нашего прекрасного Доктора вдруг появляются сомнения.

Доктор резко отвернулся от окна.

— Да, у меня есть сомнения, и я считаю, что Франц обязан их знать.

— Ну давай, давай, делись...— Лейтенант с шумом придвинул к себе кресло, плюхнулся в него и демонстративно закрыл глаза.

— Откровенно говоря,— начал Доктор,— я никогда до конца не верил, что у вас может что-то получиться, но когда побывал на вашей последней тренировке, мне стало страшно. Я вдруг понял, что мы действительно можем изменить ход истории. А это — громад-

нейшая ответственность. И у меня возникли сомнения...

— Не может быть,— выкрикнул Лейтенант, взрываясь,— никаких сомнений, если речь идет о спасении человечества от ядерной войны!

— И все же они есть, и я должен их высказать.

— Не тяните, Доктор,— сказал Франц,— говорите, в чем дело.

— В чем дело... Легко сказать! Ну, хорошо. Мы уже знаем, что на каждом этапе развития перед Человеком раскрывается целый веер дорог, ведущих в будущее. Все они имеют ту или иную вероятность осуществления. Когда человечество выбирает одну из них, остальные теряются. В нашем мире история пошла по пути, на котором оказалась Красная Черта. Большая часть человечества погибла, цивилизация оказалась отброшенной на сотни лет назад. И в этих условиях, если появляется шанс устранить причины, приведшие к Красной Черте, то, кажется, никаких сомнений быть не может: надо устранять, чего там размышлять... Но! Беда в том, что мы устраняем не причину, а всего лишь повод! Ты сам, Петр, очень убедительно объяснил мне, что тот первый «Першинг» стартовал случайно из-за трех дурацких сбоев оборудования. Сбои маловероятные, а то, что они могут произойти одновременно, считалось вообще невозможным. Случилось, однако. Ну, хорошо, пошлем мы Франца, исправит он эти микросхемы. Все прекрасно — никаких сбоев оборудования, никакой Красной Черты — человечество спасено, хотя даже и не подозревает об этом. Но вот над чем призадумайся, Петр! Вместе с нашей исторической линией исчезает и наше знание о ней. И заодно исчезает сам Франц, и Щур-Толмач, и все те, кто родился после Красной Черты. Ну, мы с тобой родились до нее, с нами все в порядке, мы живем своей нормальной жизнью. Но мы ничего не знаем ни об этом теперешнем мире, ни о Красной Черте, ни о том, что ее вызвало, да и друг о друге тоже. Так что человечество предупредить некому. И где гарантия, что на другой стартовой площадке через сутки или через год после нашего вмешательства не произойдет то же самое? И что тогда? Ведь причина не в том, что «Першинг» случайно стартовал, а в том, что вся Европа была нашпигована этой пакостью. Значит, снова Красная Черта, но это уже будет другая линия истории. И на ней может уже не оказаться такого вот Франца, и некому будет возвращаться в прошлое и исправлять его. На той линии вообще может никого не оказаться — одна только радиоактивная пустыня.

— За свою шкуру, значит, трясешься!

— Я стар, Петр, чтобы трястись за свою шкуру. Я боюсь за Франца. Повторяю: на этой линии у нас есть реальная возможность возрождения цивилизации. Если мы отыщем еще нескольких таких, как Франц, и среди них будут женщины, то этого генофонда хватит, чтобы вырастить нового Человека. Ты подумай — реальный шанс возродить Человечество, причем в него будут входить люди с качествами и способностями, о которых мы когда-то и не мечтали — телепатия, телекинез, трансмутация... И по крайней мере, они будут умнее нас и не наделают таких чудовищных глупостей.

— Во-первых, мы можем не найти больше ни одного такого, как Франц, а во-вторых, такой мутант мог бы и в нормальной жизни появиться.

— Вряд ли. Что-то до Красной Черты я ни о чем таком не слышал. Скорее всего — это результат воздействия радиации.

— В конце концов, это не важно. Я вижу, ты просто предпочитаешь синицу в руке журавлю в небе. Но хочу тебе заметить, что синицы этой у тебя в руке тоже пока нет. И не известно — будет ли. А речь идет о предотвращении ядерной войны, не забывай это. Здесь не может быть никаких сомнений.

— Хорошо, — голос Доктора был усталым, — в конце концов, решение принадлежит не только нам, то есть вовсе даже не нам. Не забывай, что Франц — человек совершеннолетний и имеет право голоса. Не говоря уже о том, что ему принадлежит главная роль в предстоящем деле. Ему исправлять то, что наше поколение напоролло. И исчезнуть в результате этого исправления предстоит тоже ему, а не нам. Пусть он и решает.

Доктор посмотрел на Франца.

— Ты слышал? Выбор за тобой. Решай.

Франц растерянно переводил взгляд с одного лица на другое. Все молчали. Он встал, подошел к окну. Небо за стеклом было, как обычно, затянуто низкими, серыми облаками с фиолетовым отливом. Франц отвернулся от окна и неуверенно спросил:

— Скажите, Доктор, а мы со Щуром и Толмачом и с другими... сможем родиться на той исторической линии?

Доктор хмыкнул:

— Спроси что-нибудь полегче.

Снова наступило молчание. Франц еще раз глянул на серое небо, нервным шагом прошелся по комнате. Остановился у стола, машинально раскрыл лежащий на столе альбом. Перед его глазами возникло «Рождение Венеры» Боттичелли. Франц вздрогнул — эта картина всегда на него сильно действовала,

1931 сердце щемило от непонятого и необъяснимого чувства.

В коридоре послышался какой-то шум, топот множества ног. Все обернулись к двери. Лейтенант вопросительно посмотрел на Доктора. Тот проворчал:

— Новая партия мутантов для клиники. Есть интересные случаи...

Франц подошел к двери и резко распахнул ее.

По коридору двигалась процессия уродов, то есть нормальных людей мира Франца. Впереди, переваливаясь на коротких ножках, шел амeboобразный бурдюк. Шеи у него не было, как у жабы. Чудовищно карикатурное лицо располагалось прямо на туловище. За ним два санитары с лицами добрых кретинов тащили на носилках безногого человека. Обе руки его были распухшими до чудовищных пределов. Сзади ковыляла маленькая девочка с клешнями вместо рук. Дальше шли еще и еще, но Франц не стал смотреть. Он с силой захлопнул дверь. С бьющимся сердцем подошел к столу и еще раз посмотрел на Боттичеллиеву Венеру. Затем резко повернулся:

— Прощайте!

И прежде, чем кто-либо успел сказать хоть слово, Франц исчез. Теперь оставалось только ждать.

— Странно, — пробурчал Доктор, — му-

тант Франц — порождение войны. И вот теперь он отправился ее предотвратить. Война, убивающая саму себя... Как скорпион...

Он не успел завершить свою философему.

Франц сделал свое дело — и мир Франца со всеми его кошмарами канул в небытие.

VII. Медик был молод и потому еще не женат. Он жил вместе с родителями, и у него была собственная комнатенка. Как медик, он хорошо понимал вред курения, тем не менее он стоял у окна и, глубоко затягиваясь, курил. Взгляд скользил по знакомой панораме: излучина реки, гранитная набережная, здание цирка вдали и телебашня.

На его письменном столе лежал распечатанный конверт — ответ из редакции. Отказ. «Слишком мрачно, — писал литконсультант, — незачем запугивать читателя...»

«Слишком мрачно!» Медик щелчком швырнул окурок в форточку. А ведь он описал лишь часть того, что видел в том жутком кошмаре, приснившемся ему полгода назад. Такой яркий, такой длинный и реалистический, и такой странный сон! Он тогда целую неделю ходил как пришибленный, пока не понял, что единственный способ избавиться от этого наваждения — записать его на бумагу. Рассказ сложился сам собой, и он послал его в журнал, часто печатающий фантастику. Он просто считал своим долгом довести до всех, что это будет, если это произойдет. И вот ответ — «слишком мрачно», «не стоит запугивать читателя». Да не пугать он хотел — предупредить! Действительность будет хуже любого рассказа, если дойдет до такого...

Он закурил очередную сигарету и устался в окно. На душе было пусто и уныло.

Возможно, ему было бы легче, если бы он знал, что в этот самый миг где-то на «точке» сидит лейтенант, такой же молодой, и перед ним куча исписанных листков, и он все пишет, и правит написанное, и черкает, и в ярости рвет бумагу, пытаясь неумелыми фразами передать в форме рассказа свои впечатления от странного и страшного, до предела яркого и реалистического сна, приснившегося ему полгода назад.

ОБ АВТОРЕ

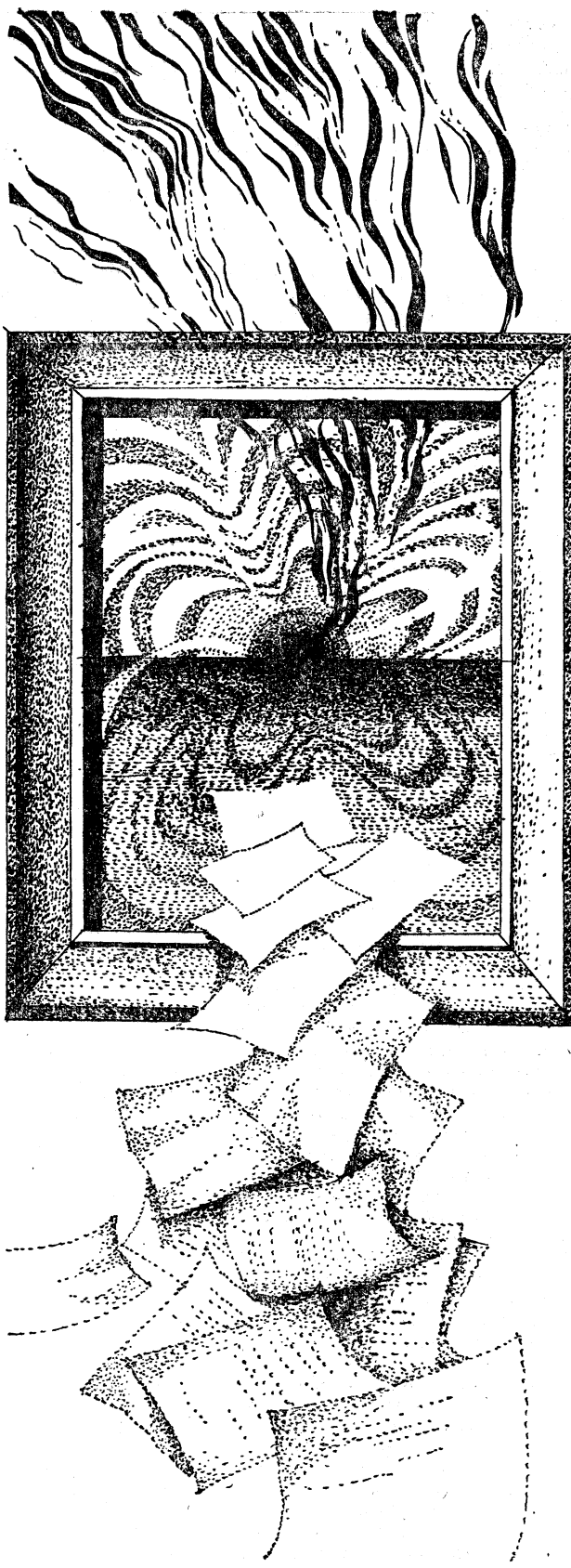
Евгений Ануфриевич Дрозд родился в 1947 году. Окончил математический факультет Белорусского университета, живет в Минске, работает программистом на одном из предприятий.

Первый рассказ напечатал в республиканской молодежной газете «Знамя юности» в 1973 году, с 1984 года публикуется в журналах «Неман», «Рабочая смена» («Парус»), «Юный техник».

Участник семинара молодых фантастов в Малеевке (1983) и Дубултах (1986).

В нашем журнале публикуется впервые.

1941

ФАНТАСТИКА И БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Под этим девизом в сентябре прошлого года в Москве состоялась Международная встреча писателей-фантастов. Многие любители НФ, наверное, читали отзывы и интервью в прессе, видели телепередачу о первом в нашей стране мероприятии такого рода. Я не собираюсь повторяться, хочу лишь поделиться своими впечатлениями в свете одной из проблем, которая часто всплывает в разговорах, в письмах. Речь пойдет о книгоиздании и творческом пути писателей за рубежом — в США и Великобритании.

Приехала я на эту встречу по приглашению «Литературной газеты», ходила каждый день на заседания в одном из залов гостиницы «Космос» и лишь позднее с удивлением прочитала в газетах, что «дискуссия шла при закрытых дверях». Не знаю, меня никто из зала не выгонял... С самого начала было очевидно, что есть официальная и неофициальная части программы: заседания, интервью, съемки — с одной стороны и непринужденное общение — с другой.

...Первым мне на глаза попался мужчина, по облику безусловно англичанин, к тому же на лацкане пиджака у него висела небольшая табличка с именем: «Джон Браннер». У нас переведен один его роман, «Квадраты шахматного города», написанный в 1965 году и, как признает сам автор, «не самый интересный». Вы помните, персонажи там изображают шахматные фигуры, а действие подчинено законам шахматной игры, что неминуемо рождает известный схематизм, временами же читать попросту скучно. Жаль, что для первого знакомства с крупным фантастом был выбран именно этот роман.

Джон Браннер начал печататься с семнадцати лет — это необычайно рано даже и для западной фантастики. С начала пятидесятих годов он опубликовал едва ли не сотни разного рода книг, выступал и составителем антологий. Браннер также является активным борцом за мир, участником маршей мира в Великобритании; он был председателем Европейской ассоциации писателей-фантастов. Словом, его хорошо знают и как писателя, и как общественного деятеля. Между тем и он сам, и критики выделяют из всего им написанного лишь 4—5 ро-

манов — цикл дистопий, связанных между собой единством замысла.

Вот здесь и вырисовывается проблема, о которой стоит поразмыслить. Когда мы видим «послужной список» любого знаменитого автора, нас поражает прежде всего количество написанного и опубликованного. Временами приходится слышать: «Вот здорово, две-три книжки в год!» А давайте-ка взвесим это реально.

Итак, перед нами талантливый автор Джон Браннер, печатающийся уже больше тридцати лет. Больше десяти лет он писал очень много и, так сказать, все подряд. От природы он наделен не только способностью к быстрому сочинительству, но и огромной работоспособностью. И вот он пишет, пишет без отдыха, публикуя книгу за книгой, одновременно прирабатывая чем придется. А зачем? Да потому, что книги выходят очень маленькими тиражами и платят за них мало. Мы привыкли к «стандартному» тиражу в сто тысяч экземпляров. А здесь речь идет о тысяче, а то и нескольких сотнях. Вот если есть спрос, если книгу экранизируют и она станет по-настоящему популярной, вот тогда будут и большие тиражи, и достаточный заработок. Некоторые авторы так и не выходят на заветные рубежи (конечно, не все печатающиеся обладают талантом).

Джон Браннер всегда откровенно говорил о положении писателя в обществе, о том, что даже если он чувствует в себе силу, дарование и есть у него крупные замыслы, ему далеко не всегда удается вырваться из тисков коммерческой необходимости. Но вот у Браннера куплены несколько книг для издания в США, где всегда был обширный рынок для фантастики, затем он заключил первый контракт — и в период с 1960 по 1965 год напечатал... около 30 книг!

Часть их — сериалы на заданные темы (завоевание галактики, будущее Земли, изменение человека), часть — переработка ранее написанных рассказов в романы. Повторяю, у Браннера редкий талант писать быстро, легко, профессионально. Все, написанное им, «читабельно».

Но ведь литература — это прежде всего творчество. А можно ли творить — по контракту, с установ-

ленной скоростью, да еще и на заданную издательством тему? Можно ли создать шедевр лишь потому, что ты точно знаешь: книгу твою издадут в указанный срок и заплатят тебе хорошие деньги? Вот это и есть обратная сторона медали. Заключение контракт — имеешь заработок и гарантию публикации. Достаточно ли этого?

В середине шестидесятых Джон Браннер понял, что такое вот «страпание» крепкой, хорошо написанной развлекательной фантастики, избавившей его от материальных забот и создавшей ему имя одного из популярных мастеров жанра, больше его не удовлетворяет. И он взялся за осуществление замысла, который заведомо не мог принести ему большой выгоды. Так и бывает с авторами, наделенными истинным талантом. Возможно, Джон Браннер попросту повзрослел и, набив себе руку, овладев техникой, смог взяться за создание своего.

Скажу сразу, три его дистопии (произведения, по жанру противоположные утопии, т. е. описывающие мрачное будущее) — чтение отнюдь не легкое. «Стоя на Занзибаре» (1968), «Взгляните, овцы, вверх» (1972) и «Оседлавший волну шока» (1975) — романы прежде всего большого, необычного для фантастики объема. Связаны они лишь общим замыслом, подходом к теме. Читаются они трудно и потому, что Браннер пользуется разной техникой, стиль его необычен, фразы длинные, тон временами очень агрессивный. Самой мне его манера письма стала понятней и ближе лишь после личного знакомства. На вопрос о главной теме творчества писатель ответил: «Мне бы не хотелось увидеть тот вид существ, к которым я и сам принадлежу, висящим в засушенном виде на мертвой ветви древа эволюции». Общавшись с ним, я убедилась, что Браннер, видимо, от природы говорит вот так — как человек умный, начитанный, постоянно думающий; даже как лектор. У него и голос такой — мощный, без усилий перекрывающий любой шум.

Его лучшие книги — не чтиво, не развлечение. Их надо читать медленно, вдумываясь в прочитанное. «Стоя на Занзибаре» — и не роман в традиционном понимании слова. Браннер избирает предпосыл-

ку, обычную для НФ: «что, если...»? Что, если бесконтрольно будет расти население Земли, увеличиваться загрязнение среды, социальные контрасты, нищета одних и богатство других? В книге использованы самые различные приемы — стройное повествование сменяется отрывками, стилизованными под репортажи, искусно сочетаются многочисленные сюжетные линии. И над всем происходящим четко выступает замысел автора, «крайне левого по убеждениям», как пишут критики на Западе.

«Взгляните, овцы, вверх» — роман, посвященный загрязнению среды и опасностям, угрожающим Земле. (Естественно, я даже не пытаюсь пересказывать содержание романов, лишь намечаю общие контуры, основную проблему, волнующую автора). Браннер необыкновенно убедителен, его призыв остановиться, пока не поздно, проходит постоянным настойчивым мотивом через весь роман.

«Оседлавший волну шока, мне кажется, один из наиболее интересных романов не только Браннера, но и вообще фантастики, описывающей развитие средств связи и проникновение компьютеров во все сферы жизни. «Конечно, я не стремился сделать сверхоригинальный «вечный» сюжет о машинах, — говорил сам Браннер. — Ясно, что все наши замыслы разобьются о действительность, она обгонит любые наши фантазии. Больше всего меня интересовал человек, его судьба, его умение справиться со всеми сложностями».

Эти романы создали писателю уважаемое имя, но не принесли ему больших доходов. И что же дальше? А то же самое: изредка — писать для себя, а большую часть времени тратить на «творчество по контракту». Среди большого количества его книг есть более и менее талантливые, все они написаны рукой мастера, но заметно, что лишь немногие переживут испытание временем.

Тут нужно отметить еще вот что. Джон Браннер действительно с горечью говорил о зависимом положении писателей в западном мире, но и он, и многие другие воспринимают такое положение дел как естественное. Он помнит все свои книги, и его не тяготит (или не слишком тяготит) нынешняя ситуация.

Пример несколько иного рода — американец Алан Дин Фостер (родился в 1946 году). Фостер по образованию политолог, и это чувствуется сразу при разговоре: любую тему он способен повернуть на политику. Притом Фостер прекрасно владеет искусством сказать именно то, что хочется ему, ничуть не обижая собеседника. На мой вопрос о

будущем человечества, например, он ответил: «Мне очень интересно следить сейчас за процессами, происходящими у вас в стране. Гласность, перестройка возникли не на пустом месте. Всегда были люди, понимавшие, что нужно многое менять в «статус кво». У фантастов особенное положение, они всегда могли показать настоящее через будущее, создать модель общества, как это делали и делают братья Стругацкие».

Фостер также имеет степень мастера (примерно, соответствует нашей степени кандидата наук) по изучению кино. Печатается он с 1971 года, пишет много, в настоящее время заканчивает 54-ю книгу. Большая часть написанного им принадлежит чисто коммерческой литературе, однако Фостер говорил, что есть у него и серьезные замыслы. Пока же он в значительной степени остается автором «космических опер» и, возможно, не приобрел бы известности, если бы не его связь с кино. Кстати, роль кинематографа в популяризации фантастики вообще трудно переоценить. Знали бы в мире, например, Артура Кларка как одного из крупнейших мастеров жанра, если бы не фильм «Космическая Одиссея», сделанный Стенли Кубриком?..

В семидесятых годах Алан Дин Фостер занялся тем, что на английском языке называется «новеллизацией»: от слова «novel» — «роман». Берется (обычно по заказу) готовый сценарий и на его основе создается, условно говоря, «роман» — книжная версия популярного фильма. Иногда это делает автор сценария, иногда — другой писатель. Так, Фостер написал около десятка «новеллизаций» телесериала «Звездный путь». Но деньги и слава ему принесли участие в создании сценария и книги «Звездные войны», хотя несколько лет считалось, что вся работа проделана режиссером Дж. Лукасом.

«Мне жаль, что придуманная нами космическая сказка с принцессой, благородным юношей, спасающим ее от всяких опасностей, и всякого рода негодьями ассоциируется с программой «звездных войн», — говорил Фостер. Конечно, вряд ли авторы фильма и книги планировали такое совпадение. Однако нельзя отрицать, что их красочное действо породило в умах миллионов американцев облегченное восприятие проблемы, иллюзию того, что и «звездные войны» не слишком опасны.

Что ж, благодаря кинематографу и своей нынешней популярности Алан Дин Фостер совершенно ясно не бедствует в материальном смысле. Общение с ним оставило у меня ощущение, что этот молодой еще писатель хорошо знает, чего

хочет, он безусловно наделен талантом рассказчика, его волнуют судьбы мира. По другим его книгам, которые мне доводилось читать, заметно, что он умеет построить сюжет, выбрать и расставить героев. «Какое будущее нас ждет — вот что главное», — говорил он. В глазах его — мысль, стремление увидеть и понять новое, интерес к людям. Фостер много и активно общался с участниками встречи, выступал в рамках шедшей дискуссии. В беседе со мной он посоветовал на то, что никак не стыкуются два соседних (по месторасположению) мероприятия — встреча писателей-фантастов и международная выставкярмарка. Действительно, жаль, что не было организовано ни экскурсии писателей на выставку, ни визита издателей на встречу в «Космосе». К концу одного из рабочих дней я попросту отдала Фостеру свой пропуск на ярмарку, и потом мы обменялись впечатлениями об экспозициях.

Впечатление же от знакомства с самим Фостером осталось, в общем, хорошее. Остается надеяться, что, благодаря кино добившись уже финансовой независимости, он напишет теперь «свою» — серьезную, достойную — книгу...

Нина КОПТЮГ

г. Новосибирск

СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ

Раздел «Фантастика» необходимо увеличить. Всевозможных комментариев и «строк из писем» меньше — это очень и очень большая просьба к вам! Открывать в журнале «почтовый ящик» нецелесообразно и не нужно. В разделе «Фантастика» интересна и важна сама фантастика, а не переключки читателей.

Теперь о длинных повестях и романах. Это будет прекрасно, если именно на них вы акцентируете свое внимание. Вы знаете, каково положение с книгами — подписки ограничены, в продаже минимум — и тот по «особым каналам». Поэтому журналы могут помочь людям.

Е. Синельникова,

г. Лисаковск Кустанайской области

Владимир
ОВЧАРЕНКО

«Игорь к Дону»

«Он ведет...»

Кто читал «Слово о полку Игореве», помнит, как сзывал Игорь доблестных князей идти на землю половецкую, как откликнулся ему племянник Святослав Ольгович из Рыльска, и поднял стяги в Путивле сын Владимир, и милый брат Всеволод держал оседланными коней у Курска...

К Дону вел Игорь войско свое.

Ипатьевская летопись свидетельствует: «...Игорь Святославович, внук Олегов, выступил из Новгорода месяца апреля в двадцать третий день, во вторник».

Именно в этот день, с той же исходной точки началась экспедиция украинских энтузиастов с целью повторить путь, пройденный дружиной Игоря. Поход был максимально приближен к аналогу восьмисотлетней давности. Накануне были завезены автомашинами лошади в город Новгород-Сиверский Черниговской области, были сверены все параметры движения Игорева войска, упомянутые в «Слове...». Результатом украинской экспедиции будут точные сведения — сколько километров на каком отрезке пути проходили в день наши предки-славяне, воины Древней Руси.

Восстановить маршрут дружины князя Игоря взялись спортсмены конной секции колхоза «Радяньска Украина» Котелевского района Полтавской области. Вот кто участвует в походе: Иван Гармаш — механизатор, Виктор Санько — шофер, Мяло Алексей — тракторист, Мяло Геннадий — шофер, Зина Таран — студентка педагогического института, Валерий Золотоус — первый секретарь Котелевского райкома комсомола и тот, кто пишет эти строки, — ветеринарный врач колхоза, руководитель конной секции Владимир Овчаренко. Еще двое полтавчан присоединились к нам — Владимир Музыченко и Сергей Букренко.

Маршрут полков князя Игоря имеет две версии. Обе предстоит проверить отряду конников — версию

академика Б. А. Рыбакова и версию профессора М. Ф. Гетманца. Вторая — наиболее сложна, поэтому с нее и начали.

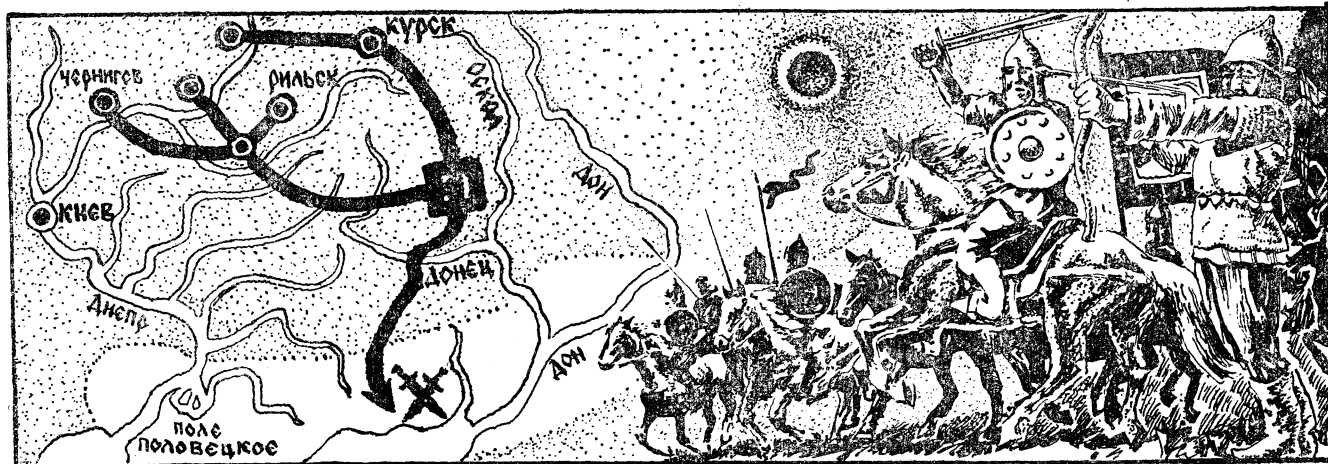
Первая экспедиция оставила позади Глухов, Шостки, Путивль Сумской области, Курскую и Белгородскую области. Шестнадцатидневный поход закончился в г. Изюме Харьковской области. Под копытами скакунов осталось более 700 километров дорог.

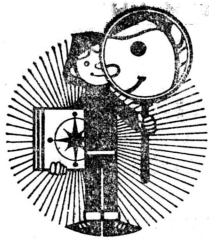
«Возносясь с полей на горы», ехали конники к синему Дону, слышали, как ночи наполнялись стонами птиц, «свист звериный веста... Наш отряд тоже слышал этот свист звериный — свистели байбаки в степи под Бурлуком на Харьковщине...»

Одна из главных задач экспедиций — уточнить место битвы Игоревой дружины с половцами. Река Каяла — название легендарное. Одни исследователи ведут его от тюркского «каялы», что значит «скалистая», и не исключают, что Каяла может быть реальной рекой. Другие ученые считают, что Каяла — просто метафорический символ, от глагола «каяти» — клясть, проклинать то место, где сразу четверо русских князей были пленены. В самом же «Слове...» подтверждается, что река эта половецкая и по названию, и по месторасположению, и хотя нерусское слово обыграно символически — погибель, крах, — но Каяла так же реальна, как Волга, Стугна, Сула, Двина и другие реки, упоминаемые в тексте.

После двух экспедиций украинских спортсменов станет более ясно, куда мог пойти князь Игорь со своими полками и какую реку по праву можно назвать Каялой.

Не исключено, что в союзных туристских маршрутах появится еще один — заманчивый, поэтический, восстановленный из глубин веков, из старины русской — путь дружины князя Игоря.

МИР

на лагони

Награжден золотым оружием

Золотое оружие было в России знаком высшего отличия воина.

В 1720 году, когда русская эскадра выиграла у шведов морское сражение при острове Гренгам, командующему князю М. Голицину была послана царем шпага с золотым эфесом. С тех пор в военный обиход и вошло понятие «золотое оружие».

За весь XVIII век золотого оружия были удостоены всего 260 человек. В Отечественную войну 1812 года более тысячи офицеров и генералов получили в награду за ратные подвиги клинки с золотыми эфесами. М. Кутузов был награжден шпагой, оправа которой, усыпанная бриллиантами, стоила 25 тысяч рублей. Золотое оружие прапорщика П. Пестеля, корнета В. Раевского, ротмистра М. Лунина, штабс-капитана Ф. Глинки, поручика А. Муравьева и других офицеров, будущих декабристов, было куда скромнее по оформлению, но не менее дорого владельцам...

Как правило, золотым оружием офицер награждался только единожды. Но известен случай, когда один человек дважды был удостоен такой чести. Это был член Южного тайного общества полковник И. Павло-Швейковский.

В 1869 году, к столетию со дня учреждения военного ордена Георгия, лица, награжденные золотым оружием, были причислены к Георгиевским кавалерам. На эфесе наградного клинка им полагалось носить темляк на георгиевской ленте. Рукоять клинка стала выглядеть эффектнее, хотя делалась она теперь из бронзы с позолотой. Впрочем, не возбранялось награжденным заменить благородный металл золотом, но за свой счет.

После Великого Октября, когда у бывших офицеров царской армии изымались все виды оружия, награжденным золотым именным оружием было разрешено «хранить таковое у себя как память участия в войне». Если, разумеется, не обращено оно против Советской власти.

Традиция награждения храбрых

воинов именным оружием сохранилась и в Красной Армии. За личные подвиги в годы гражданской войны Почетным революционным оружием — шашкой с позолоченным эфесом и прикрепленным к нему орденом Красного Знамени — был награжден 21 человек. В 1968 году в ознаменование 50-летия Вооруженных Сил СССР Указом Президиума Верховного Совета СССР большая группа военачальников была удостоена Почетного оружия с золотым изображением герба СССР.

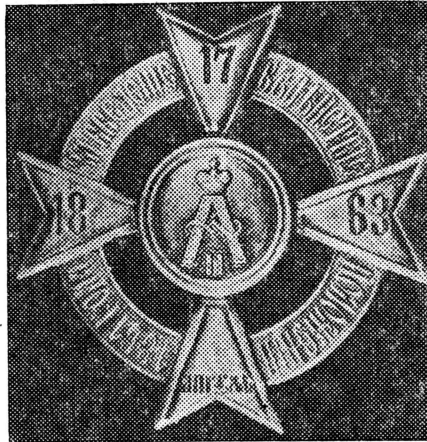
В. ПАШИН

Знак реформы

Минуло 127 лет со времени отмены крепостного права в России. С 1826 года создавались и распускались всевозможные комитеты, которые обсуждали проекты, начиная от освобождения крестьян без земли с появлением слов «об улучшении крепостного состояния» и кончая освобождением крестьян с наделом со словами «об отмене крепостного права».

19 февраля 1861 года проект, прошедший все ступени царской государственной машины, был подписан Александром II. Манифест о реформе был объявлен в России 1 марта 1861 года.

17 апреля 1863 года был утвержден особый знак отличия в память введения в действие Положений

19 февраля 1861 года о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. Этот знак имели право получить мировые посредники, кандидаты мировых посредников, председатели и члены губернских комитетов по крестьянским делам и, наконец, те, кто занимал в высших по крестьянскому делу учреждениях должности не ниже 6-го класса.

В центре знака — вензель, составленный из литеры «А» («Александр») и римской цифры II («Второй»). Над вензелем канонизированное изображение императорской короны.

От вензеля расходятся по сторонам четыре раздвоенных окончания восьмиконечного мальтийского креста. И — текст: «17 апреля 1863 года».

На ободке, охватывающем окончание креста, круговая надпись: «За введение в действие Положения 1861 года».

Этот знак стал ценной единицей нумизматического хранения.

О. САРДАК

Безмолвна ли пыль веков!

Цветочная пыльца может о многом рассказать ученым. У этих носящихся в воздухе пылинках есть две немаловажные черты: их можно найти повсюду и они долго сохраняются. Эскина, наружная оболочка пыльцевого зерна, практически не поддается разрушению. Пыльцу находили в пластах породы, сформировавшихся более чем за сто миллионов лет до появления на Земле динозавров. Палеоклиматологи при помощи пыльцы определяют, как со временем менялась мозаика растительности и сам климат. Геологи изучают пыльцу для того, чтобы перепроверить время формирования горных пород, в которых находятся залежи нефти. А недавно один из ученых, работающих в Массачусетском технологическом институте, предложил необычный способ применения этой желтоватой пыли для... расшифровки истории антикварной мебели.

Пыльца, от которой у нас иногда щекочет в носу, собирается и на лаковом покрытии старинной мебели. Фредерик Вайсман разработал способ анализа пыльцы, с помощью которого можно определить, где находился тот или иной предмет обстановки.

Например, чтобы узнать историю антикварного стула, Вайсман соскребает немного лака с сиденья и начинает растворять его с помощью кислот и растворителей. Процесс

И С Е Р Ь Ё З Н О Е И К У Р Ь Ё З Н О Е

Итоги третьей викторины

На викторину о современной советской музыке (№ 12 за 1987 г.) поступило 968 ответов из 466 населенных пунктов всех регионов страны.

Активнее других откликнулись на сей раз читатели из Свердловской и Челябинской областей, Башкирии, Пермской, Кемеровской и Тюменской областей, Хабаровского края. Всем — спасибо!

Сверьте ответы:

1а — Р. Фомин; 2а — Б. Окуджава; 3в — Р. Щедрин; 4а — «Автограф»; 5в — В. Чекасин; 6в — «Сыновья уходят в бой» (В. Высоцкий); 7а — В. Гаврилин; 8в — А. Градский; 9в — А. Пугачева; 20а — «Акварнум» и «Наутилус».

Многие не разглядели некоторую «хитрость» внешне простых вопросов под номерами 1, 5 и 8, поспешили и допустили ошибки. Похоже, большинство читателей стремятся угадать ответы, не заглядывая в печатные источники, и потому точных ответов при огромной почте мы получаем довольно мало.

Призеров определила жеребьевка. Ими стали:

Александр АНТОНОВ из г. Троицка Челябинской области — ему выпала пластинка группы «Акварнум»;

В. АНДРЕЕВА из пос. Заветы Ильича Хабаровского края — пластинка «Да осенит тишина...» Е. Камбуровой;

Сергей БОБРОВСКИЙ из г. Петрозаводска — пластинка «Какая снежная весна» джаз-ансамбля «Каданс».

Призы высланы по почте.

Предложения, просьбы, даже требования продолжать музыкальные викторины содержатся во множестве писем. Следующую викторину мы опубликуем вместе с обзором читательских писем.

продолжается до тех пор, пока не останется одна лишь пыльца. Ученый внимательно изучает ее под микроскопом и проводит точный подсчет количества пыльцевых зерен с различных растений. Если подсчет покажет, что в избытке представлено пыльца от лиственницы и туи, то, очевидно, этот стул находился в Нсвой Англии. Если будет обнаружена пыльца от кипариса или пальмы — стулом, по всей вероятности, пользовались на юге США. Наличие пыльцы от вереска и европейского плюща свидетельствует, что некогда он стоял в одном из домов в Великобритании.

Такие подробности могут заинтересовать историков и работников музеев. Разработанный Вайсманом метод позволяет также выявлять подлинный антиквариат и подделки.

И. ПОДОЛЯНЮК

Как стегозавр пыл охлаждал

Прошло сто лет с тех пор, как ученые впервые обнаружили ископаемые останки стегозавра, из спины которого торчали большие костяные пластины. И все это время представление о нем было неправильным. Практически все рисунки в книгах и скелетные реконструкции в музеях показывают двойной ряд пластин. Однако на самом деле пластины на спине располагались лишь в один ряд. Об этом открытии объявил американский палеонтолог и скульптор Стивен Черкас. Наконец создана скульптура, которая верно изображает древнего ящера.

Ошибочным было представление и о назначении пластин. Они вырастали из кожи динозавров и не касались позвоночника. Костная ткань пластин была очень пористой. Это свидетельствует о сильной циркуляции крови в ней, что позволяло использовать пластины в качестве естественных терморегуляторов. Подставляя стороны пластин лучам солнца, стегозавр быстро поглощал тепло, необходимое для активной мышечной деятельности. Поворот их на 90 градусов или помещение в тень позволяли гигантскому пресмыкающемуся «охлаждать свой пыл».

Свежий огурец без солнца

Высокопитательный раствор и светосильные лампы — вот все, что требуется для успешной работы новой теплицы, придуманной специалистами Новосибирска. В это здание без окон и стеклянной крыши солнечные лучи доступа не имеют. Поэтому и энергозатраты здесь в двадцать раз меньше обычных, резко

снижается себестоимость продукции — тепло в теплице хорошо держится.

Первая в нашей стране солнцепроницаемая теплица действует в подсобном хозяйстве якутских нефтегазоразведчиков. В середине зимы получен урожай огурцов. Гидропоника без солнца на каждом квадратном метре площади позволит получать по 50—55 килограммов зеленой продукции в год.

В. ДАНИЛИН

Все четыре гусеницы

Новая машина автомобилестроителей из уральского города Миасса стоит не на колесах, а на гусеницах. Причем все четыре гусеницы — ведущие. Таков первый советский снегоболотоход «Урал-5920», предназначенный прежде всего для рабочих поездок и доставки грузов в труднопроходимых районах Сибири. Конструкторы рассчитывают, что машина будет верным помощником нефтяников и газодобытчиков. С восьмитонной ношей в кузове она способна развивать вполне приличную скорость — 30 километров в час.

В. СИДОРОВ

Приглашает «Дилижанс»

Конный клуб на кооперативных началах открыли для ребят ленинградские каскадеры Анатолий Ходюшин и Сергей Скворцов (они исполнили трюки в «Трех мушкетерах» и многих других фильмах).

Теперь неподалеку от Гатчины почти каждый день мальчишки и девчонки скачут на лошадях — изучают ковбойскую манеру верховой езды, но прежде всего, конечно, учатся ухаживать за животными.

Клуб, который называется «Дилижанс», сразу стал очень популярным также и у взрослых. Создатели клуба, чувствуя успех, намерены расширить дело — вплоть до организации со своими учениками зрелищного родео.

В. СТАРОВ

И МЫ ПОПАЛИСЬ...

ОТ РЕДАКЦИИ: В февральской книжке нашего журнала в разделе «Мир на ладони» была напечатана заметка «Передряга на Печоре». Она вызвала немало писем и звонков встревоженных читателей: ведь это «утка»! Да, спохватились мы, еще прошлым летом мы читали в центральных газетах разоблачения этой «сенсации». Прочитали и забыли. И... поместили ее у себя. Затмение нашло...

Нет худа без добра. В беде познаем мы друзей: среди тревожных писем и звонков не было ни одного злорадного, читатели искренне сочувствовали нам. Большое всем спасибо. Низко головы склоня, извиняемся перед всеми друзьями-читателями.

РЫЦАРЬ

Евгений ШУМИЛОВ

МОТОРИЗАЦИИ

Ижевск знают в основном как мотоциклетную столицу СССР. Еще недавно мотоциклов на здешних улицах было больше, чем автомобилей, трамваев и автобусов, вместе взятых! А различные мотогонки, пробег, кроссы, игры до сих пор привлекают тысячи горожан. Одним словом, рычащие «Ижи» всегда были символом «ижевского характера»: любви к технике, отваги, жажды соперничества и риска. Кто был у истоков моторизации?

Петр Владимирович Можаров — конструктор первых в стране серийных мотоциклов. Мало мы о нем знаем. До сих пор не удалось найти его листок по учету кадров, узнать год рождения. Промелькнула и сгорела на ижевском небосклоне звезда этого рыцаря моторизации...

Крохи информации из старых газет и журналов позволяют выстроить биографию. Наш герой родился около 1892 года, судя по всему, за пределами Удмуртии. Перед первой мировой войной получил специальность инженера-теплотехника. Еще в годы учебы научился водить мотоциклы зарубежных марок. В те времена это было занятием необычайно волнующим...

После окончания гражданской войны инженер Можаров командировался на Ижевский завод. Программа оздоровления предприятия была намечена постановлением Совета Труда и Оборона «О мерах по обеспечению повышения производительности заводов ударной оборонной группы». Документ был подписан В. И. Лениным. Начались сложные работы по генеральному ремонту оборудования. Можаров числился «старшим инженером Отдела Оздоровления».

Каждый день с оглушительным треском, распугивая кур и разбрасывая ошметки грязи, мчался он с работы в Гору, к своей квартире в инженерном «барак № 22» на Красной площади, оседлав немецкий мотоцикл в шесть лошадиных сил. Петр Владимирович сам разбирал, ремонтировал, совершенствовал это единственное на весь Ижевск чудо техники.

И такую же работу вели тогда в Москве, Ленинграде, Харькове энтузиасты-мотоциклисты. Первый опытный мотоцикл «Союз» был собран в 1924 году в Москве на бывшем велосипедном заводе «Дукс». В следующее пятилетие по всей стране вот так же, «самодеятельно», построили еще 70 машин. Предстояло выявить модель, достойную серийного выпуска.

Пришла осень 1927 года. Ижевск готовился встретить первую пятилетку. Надо было окончательно изжить безработицу, расширить выпуск мирной продукции. На мотозаводы Германии отправили стажироваться Можарова. Для приобретения образцов новейших моделей выделили валюту. Дали полномочия присматриваться к наиболее перспективным мотоциклам. И вот на заводе мирового значения «Байроме Моторенборне» наш инженер делает по машине, уже взявшей много призов, дюжину замечаний. Четыре замечания были учтены, и в благодарность фирма подарила Можарову мотоцикл.

Вернувшись с ним и другими машинами, инженер испытал их в 1928 году по «ижгрязи» (был тогда такой термин), выявил их недостатки. И задумал, наконец, свои, оригинальные конструкции. В начале 1929 года по его чертежам стала воплощаться в металл серия «Ижей».

Самый первый из них, собранный бригадой Иосифа Щадрина, выкатился из ворот мастерской 17 сентября 1929 года. Можаров особенно гордился тем, что конструктивно независимая машина была создана всего за восемь месяцев — вдвое быстрее, чем бывало на лучших заводах

Европы. А уже через неделю, практически без обкатки, эти машины были подвергнуты жесточайшему испытанию — 4000-километровым пробегом! И «Ижи» все выдержали.

Теперь первенец ижевского мотоциклетостроения экспонируется в музее объединения «Ижмаш». Кое-кто именует сейчас детище Можарова «громоздким и неуклюжим сооружением». На слайдах лихо сопоставляются «Иж-1» и какой-нибудь из «Юпитеров». Думается, такое сравнение в принципе неверно. Можаровское создание тоже красиво, по-своему изящно, очень тектонично, то есть все в нем конструктивно оправдано, рационально. Особый склад пропорций первого «Ижа» нельзя также воспринимать в отрыве от тех условий эксплуатации...

Можаров с горечью писал в 1929 году: «Наши дороги — не дорожное сооружение, а лишь след от телег, невероятный по игривости профиля... Недисциплинированность крестьян, заполняющих дороги, и первобытная пугливость лошадей дополняют картину лишений моториста... Ставить развитие нашей моторизации в зависимости от дорожного строительства смерти подобно... Территория Союза столь необъятна, что покрытие ее хотя бы редкой сетью шоссе дорог — дело едва ли не целого столетия».

Итак, какова дорога — таков и мотоцикл. Совершенствовалась дорога — утончались формы ижевских машин. Кстати, и Автодор, под эгидой которого действовал Можаров, именовался полностью «Обществом содействия развитию автомобилизма и улучшению дорог».

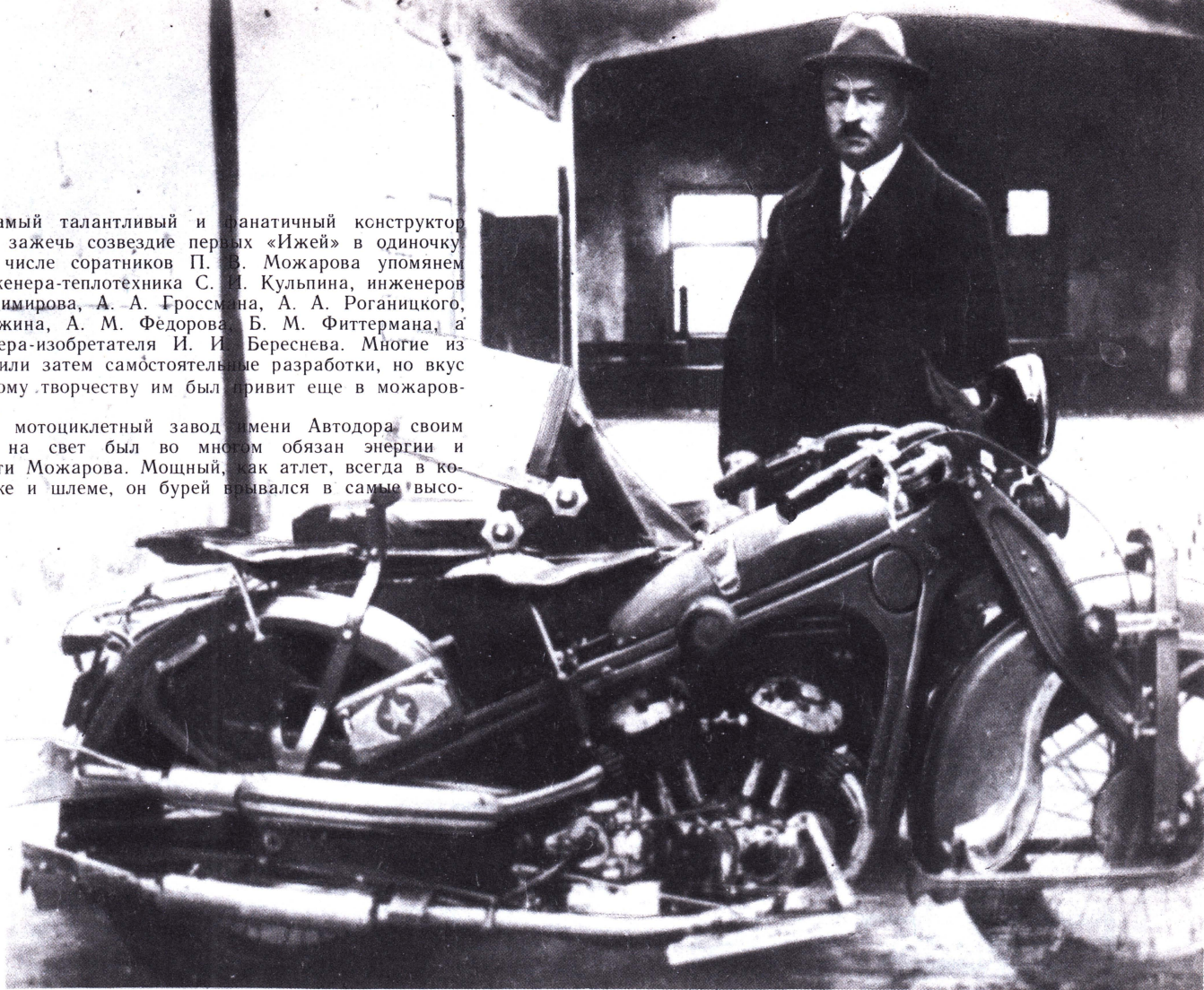
«Иж-1» своей мощной, суровой красотой напоминает какой-нибудь бронированный катер. По его широким плоскостям цвета хаки густо рассыпаны блестящие болты, заклепки, крышки. Подобно рогам могучего зверя сложно изогнут большой руль с особыми кожухами — «ушами» на концах для защиты рук. Красивы обводы штампованной рамы из двух цельных ферм. Они образуют некий ребристый кокон, вобравший в свое нутро и огромный бензобак, и двухцилиндровый двигатель, чуть смещенный от продольной оси. Линии бака органично продолжают широкий седлом кавалерийского профиля, обеспечивающего плотность посадки. Вот таким был первый самодвижущийся аппарат, изготовленный в столице Удмуртии.

П. В. Можарова следует считать основоположником индустриального дизайна Удмуртии. Хотя он не имел соответствующего образования и, разумеется, так себя не именовал. Но по сути своей деятельности на заводе он был именно дизайнером, причем смелым. Поразили мотоциклетный мир, например, штампованные можаровские рамы. Нижнее утолщение их оригинально использовалось для выпуска отработанных газов. Непривычна была карданная, а не цепная передача. Понравилась зарубежным фирмам также можаровская коляска с поддресорным колесом, опробованная им во время стажировки. И идеи эту долго использовали на Западе.

Петр Владимирович обладал поразительной (более художественной, чем технической) способностью мысленно создавать законченный образ машины. Месяца два он мог сидеть у чертежной доски, думая, иногда записывая что-то в крохотной книжечке. Потом вдруг за день-два выдавал изящный, отточенный чертеж, показывающий всю компоновку машины! Он действовал вдохновенно, как скульптор. Так инженер «вылепил» в 1929 году сразу пять разных машин и наметил в эскизах шестую. Каждая из них заслуживает подробного и инженерного, и искусствоведческого анализа.

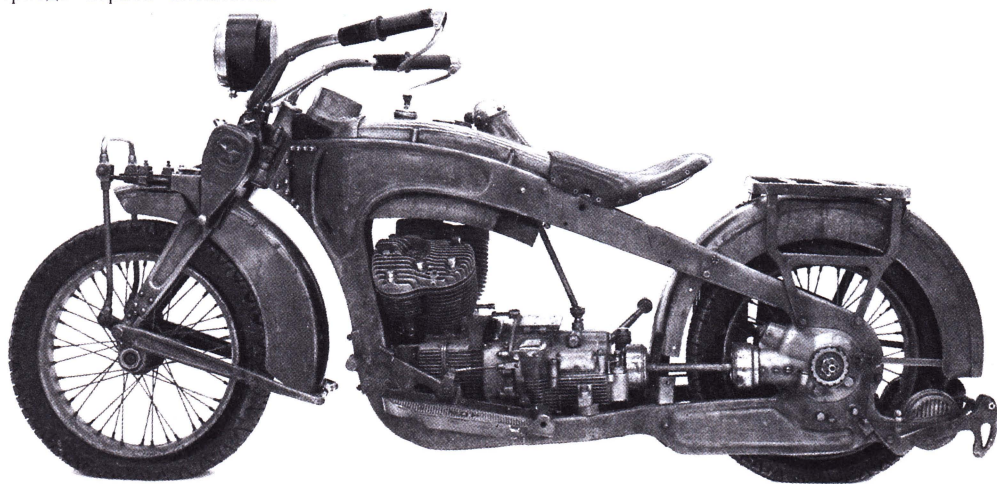
Даже самый талантливый и фанатичный конструктор не смог бы зажечь созвездие первых «Ижей» в одиночку. Поэтому в числе соратников П. В. Можарова упомянем другого инженера-теплотехника С. И. Кульпина, инженеров Л. И. Владимирова, А. А. Гроссмана, А. А. Роганицкого, В. В. Рогожина, А. М. Федорова, Б. М. Фиттермана, а также мастера-изобретателя И. И. Береснева. Многие из них возглавили затем самостоятельные разработки, но вкус к техническому творчеству им был привит еще в можаровской группе.

Опытный мотоциклетный завод имени Автодора своим появлением на свет был во многом обязан энергии и настойчивости Можарова. Мощный, как атлет, всегда в кожаной куртке и шлеме, он бурей врывался в самые высо-

кие кабинеты... «Мотоцикл — реальнейшее средство моторизации Союза! На смену кляче идут рокочущие мотоциклы! То, что сделали мы, для педантичного немца было бы безумием, но это безумие окончилось победой советского мотоцикла. Даешь завод!» Словом, Можаров — типичный энтузиаст романтического периода первой пятилетки.

На снимках: Петр Владимирович Можаров — конструктор первых в нашей стране мотоциклов; таким был «Иж-1»

Он скончался в начале марта 1934 года во время краткого отдыха на сочинском курорте. Но дело его жизни не прервалось. Оно в творчестве его учеников, во множестве новых моделей «Ижей», принесших славу Удмуртии. Имя Можарова не забыто. Может быть, стоит уве-

ковечить его в названии улицы или мемориальной доской? Как это ни удивительно, в нашем сугубо индустриальном городе подобным образом не увековечен ни один местный деятель техники...

Ворошичев

КНИЖКА МОЕГО ПАПЫ

Книжный знак, или экслибрис, считается символом высокой культуры книжного собирательства. Широко распространены книжные знаки и среди юных книголюбов.

Художники с особой любовью создают экслибрисы для детских библиотек.

А вот книжный знак псковской школьницы Полины Михайловой (художник С. Кульмешкенев). Узнаете знакомых! Ну конечно, это они — герои книги «Волшебник Изумрудного города»!

Художник В. Дубинский выполнил экслибрис для коллективного пользования. Он украшает книги клуба юных экслибрисистов, который работает в школе-интернате № 6 г. Красноярска.

Но все эти экслибрисы сделали взрослые. А ведь немало ребят, которые сами делают книжные знаки.

Вот работа девятиклассницы Светланы Абросимовой из г. Сумы. Экслибрисы на линолеуме она делает для себя и для книг друзей.

Два веселых олененка резвятся на книжном знаке тринадцатилетнего школьника из г. Харькова Андрея Сорокапуда.

Изящная лирическая миниатюра украшает книги восьмиклассницы из г. Киева Эли Костенко.

У двенадцатилетней Соломеи Лободы из г. Львова — папа художник. Девочка сделала ему подарок — награвировала на линолеуме эту миниатюру. По кругу надпись на украинском языке: «Эта книга моего папы В. Лободы». В центре знака папин портрет, а под ним атрибуты художника — краски и кисть.

Многие увлекаются и коллекционированием экслибрисов, устраивают выставки. Клубы и секции юных экслибрисистов работают во многих школах, Домах пионеров, клубах по месту жительства. И пусть будет их еще больше. Собирать книжные знаки — не менее интересно, чем значки или марки.

Владимир Пантелеев

Страница оформлена Рояльдом Каптиковым

Цена 40 коп. Индекс 73413
Уральский СЛЕДОПЫТ, № 5. 1—361.